

**БЕЛЬЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ „АЛЕКУ РУССО”**

**На правах рукописи
У.Д.К.: 821.09.94(498)(043.3)**

ТАЛМАЗАН ОЛЕГ

**ПРОБЛЕМАТИКА И АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЛАДЕ Ш ЦЕПЕШЕ**

622.02 Всемирная литература и сравнительное литературоведение

Диссертация на соискание степени доктора филологических наук

Автор: Талмазан.О.Н.

Научные руководители:

Т.Н. Сузанская, конф. унив. др.

Н.Г. Ляху, конф. унив. др.

БЕЛЬЦЫ, 2024

© TALMAZAN, Oleg, 2024

UNIVERSITATEA DE STAT „ALECU RUSSO” DIN BĂLȚI

Cu titlu de manuscris

C.Z.U.: 821.09.94(498)(043.3)

TALMAZAN OLEG

**PROBLEMATICA ȘI POZIȚIA AUCTORIALĂ ÎN SCRIERILE DESPRE VLAD AL III-LEA
(ȚEPEȘ) ÎN LITERATURA RUSĂ ȘI ÎN UNELE LITERATURI EUROPENE**

622.02 Literatură universală și comparată (Limba rusă)

Teză de doctor în filologie

Autor: Talmazan Oleg

**Conducători științifici:
conf. univ., dr. Tatiana Suzanskaia**

conf. univ., dr. Nicolae Leahu

BĂLȚI, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ДРАКУЛЕ	16
1.1. Категория автора в культурологии и литературоведении	16
1.2. Проблематика произведения как важнейшая составляющая его рассмотрения	26
1.3. Особенности восприятия, интерпретации и оценки облика Влада III Басараба в художественной и исторической литературе	29
1.3.1. Средневековые произведения о Дракуле	30
1.3.2. Сочинения о Дракуле XIX–XXI веков	38
1.3.3. Проблема восприятия культуры Средневековья современными авторами	42
1.4. Выводы к 1 главе	46
2. АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ О ВЛАДЕ III БАСАРАБЕ (ДРАКУЛЕ)	49
2.1. Образ Дракулы в немецких источниках XV–XVI веков	49
2.1.1. Бенедиктинские манускрипты	49
2.1.2. Констанцская хроника	50
2.1.3. Поэма мейстерзингера Михаэля Бехайма	51
2.1.4. Немецкие «народные книги»	53
2.1.5. Прагматика и жанр	57
2.2. Образ Дракулы в «Сказании о Дракуле воеводе»	58
2.2.1. Образ идеального правителя в культурно-историческом контексте	59
2.2.2. Восприятие феномена жестокости в традиции изучения «Сказания»	63
2.2.3. Притча о двух монахах и толкование других фрагментов	68
2.2.4. Имена Дракулы	74
2.2.5. Измышлённые автором события «Сказания»	76
2.2.6. Идеино-художественное своеобразие повести о Дракуле	79
2.3. Выводы к 2 главе	85
3. КАТЕГОРИЯ АВТОРА И КРУГ ПРОБЛЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЛАДЕ III БАСАРАБЕ (ДРАКУЛЕ)	87

3.1. Современная англоязычная литература о Дракуле	87
3.1.1. Крис Хамфрис, «Дракула. Последняя исповедь»	88
3.2. Современная румынская литература о Дракуле	93
3.2.1. Марин Минку, «Дневник Дракулы» как роман-мистификация	98
3.2.2. Марин Сореску, пьеса «Третий кол»	105
3.2.3. Георгина Виорика Рогоз, роман «Дракулешти»	108
3.3. Современная русская литература о Дракуле	112
3.3.1. Елены Артамонова, роман «Исповедь Дракулы»	115
3.3.2. Тетралогия Светланы Лыжиной	119
3.3.3. Вук Задунайский, «Сказание о господре Владе и Ордене Дракона»	124
3.4. Бессюжетная литература о Дракуле: эссе и исследования	125
3.4.1. Яков Лурье	125
3.4.2. Михаил Одесский	128
3.4.3. Раду Флореску	132
3.5 Выводы к 3 главе	138
4. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ДРАКУЛЕ	142
4.1. Культурные различия между авторами произведений о Дракуле	142
4.2. Черты сходства между различными по культуре авторами	146
4.3 Выводы к 4 главе	147
ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	148
БИБЛИОГРАФИЯ	155
ПРИЛОЖЕНИЕ	172
ДЕКЛАРАЦИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	181
CURRICULUM VITAE	182

АННОТАЦИЯ

Талмазан Олег, Проблематика и авторская позиция в произведениях русской и европейской литературы о Владе III Цепеше.

Диссертация на соискание степени доктора филологических наук 622.02 – Всемирная литература и сравнительное литературоведение, Бэлць, 2024.

Структура диссертации: введение, 4 главы, выводы и рекомендации, библиография – 180 источников, 147 страниц основного текста, 1 приложение, декларация об ответственности, CV автора.

Результаты исследования отражены в 12 научных работах.

Ключевые слова: авторская позиция, проблематика, компаративистика, имагология, образ «чужого», утопия, антиповедение, жестокость, Средневековье, Влад III Басараб, Дракула, Федор Курицын, Сказание о Дракуле воеводе, Притча о двух монахах, Третий Рим, русское мессианство, Йохан Хёйзинга, Яков Лурье, Раду Флореску, Крис Хамфрис, Марин Сореску, Георгина Виорика Рогоз, Марин Минку, Светлана Лыжина, Михаил Одесский.

Область исследования: Всемирная литература и компаративистика.

Цель исследования: выявить авторскую позицию, проблематику в художественных произведениях о Дракуле в мировой литературе разных эпох. Обобщить результаты исследования.

Задачи исследования: изучение произведений об историческом Владе III Басарабе. Выявление проблематики и авторской позиции в наиболее значительных произведениях;

выявление текстологических и хронологических связей между произведениями о Владе Дракуле; изучение произведений о средневековом правителе с учётом особенностей сознания человека прошлого и культуры Средневековья; сопоставление проблематики, поэтики и позиции автора в произведениях о Дракуле представителей различных национальных литератур и исторических периодов с точки зрения компаративистики и имагологии.

Научная новизна и оригинальность: работы заключается в системном анализе проблематики и авторской позиции в произведениях о Дракуле; привлечении к анализу произведений исследований по культуре Средневековья; привлечении к анализу новых материалов по истории эпохи; выявлении текстологических и хронологических связей между произведениями; сопоставлении поэтики и рецепции произведений разных авторов, литератур, исторических периодов с точки зрения имагологии.

Теоретическая значимость и прикладная ценность диссертации: результаты исследований могут быть учтены при подготовке лекций, семинаров и спецкурсов по истории русской и зарубежной литературы, по истории культуры и по компаративистике, а также, учитывая дальнейшее развитие сюжета о Дракуле в новейшей литературе – в общем курсе истории европейских литератур.

Исследование привлекает внимание к важности изучения особенностей сознания человека прошлого. Именно это обстоятельство делает настоящую работу актуальной в практическом и дидактическом плане, а также с позиции развития диалога культур.

Внедрение научных результатов: Основные идеи исследования были представлены на научных конференциях в стране и за рубежом, результаты исследования отражены в 12 статьях, опубликованных в научных журналах, национальных и зарубежных.

ADNOTARE

Talmazan Oleg, Problematika și poziția auctorială în scrierile despre Vlad al III-lea (Țepeș) în literatura rusă și în unele literaturi europene.

Teză pentru gradul de doctor în filologie 622.02 – Literatură universală și studii comparate, Bălți, 2024.

Structura disertației: introducere, 4 capitole, concluzii și recomandări, bibliografie – 180 surse, 147 pagini text principal, 1 anexă, declarație pe proprie răspundere, CV-ul autorului.

Rezultatele cercetării sunt reflectate în 12 lucrări științifice.

Cuvinte cheie: poziția auctorială, problematică, studii comparative, imagologie, imaginea „străinului”, utopie, anti-comportament, cruzime, Evul Mediu, Vlad III Basarab, Dracula, Fiodor Kurișin, ”Legenda lui Dracula Voievodul”, ”Pilda celor doi călugări”, Roma a Treia, mesianismul rusesc, Johan Huizinga, Jacov Lurie, Radu Florescu, Chris Humphreys, Marin Sorescu, Gheorghina Viorica Rogoz, Marin Mincu, Svetlana Lîjina, Mihail Odesski.

Domeniul de studiu: Literatura universală și studii comparative.

Scopul studiului: identificarea poziției și a problematicii autorului în opere artistice despre Dracula în literatura lumii din diferite epoci; generalizarea rezultatele studiului.

Obiectivele cercetării: studiul lucrărilor dedicate personalității lui Vlad al III-lea Basarab; Identificarea problemelor și a poziției auctoriale în cele mai semnificative lucrări; identificarea conexiunilor textuale și cronologice între lucrările despre Vlad Dracula; studierea lucrărilor despre domnitorul medieval, luând în considerare particularitățile conștiinței umane din trecut și cultura Evului Mediu; compararea problematicii, poeticii și poziției auctoriale în lucrările despre Dracula de către reprezentanți ai diferitelor literaturi naționale și perioade istorice din punct de vedere al studiilor comparate și al imagologiei.

Noutatea și originalitatea științifică: lucrarea constă într-o analiză sistematică a problemelor și a poziției auctoriale în lucrările despre Dracula; implicarea în analizarea lucrărilor de cercetare asupra culturii evului mediu; implicarea în analiza noilor materiale privind istoria epocii; identificarea legăturilor textuale și cronologice dintre lucrări; compararea poeticii și receptarea operelor unor varii autori, literaturi, perioade istorice din punct de vedere imagologic.

Semnificația teoretică și valoarea aplicativă a disertației: rezultatele cercetării pot fi luate în considerare la pregătirea prelegerilor, seminariilor și cursurilor speciale despre istoria literaturii ruse și străine, istoria culturii și studiile comparate, precum și, ținând cont de dezvoltarea ulterioară a subiectului lui Dracula în literatura modernă - într-un curs de istorie generală a literaturii europene. Studiul atrage atenția asupra importanței studierii caracteristicilor conștiinței umane în trecut. Această împrejurare face ca prezenta lucrare să fie relevantă din punct de vedere practic și didactic, precum și pentru dezvoltarea unui dialog al culturilor.

Implementarea rezultatelor științifice: Principalele idei ale cercetării au fost prezentate la conferințe științifice din țară și străinătate, rezultatele cercetării sunt reflectate în 12 articole publicate în reviste științifice naționale și de peste hotare.

ANNOTATION

Talmazan Oleg, The Problematic and Authorial Position in the Writings about Vlad III (Țepeș) in Russian and European Literature.

Doctoral dissertation in Philology 622.02 - World Literature and Comparative Studies, Belts, 2024.

Dissertation structure: introduction, 4 chapters, conclusions and recommendations, bibliography - 180 sources, 147 pages of main text, 1 appendix, author's declaration of responsibility, author's CV.

The results of the research are reflected in 12 scientific works.

Keywords: author's position, problems, comparative literature, imagology, image of the "other", utopia, anti-behavior, cruelty, Middle Ages, Vlad III Basarab, Dracula, Fedor Kuritsyn, The Tale of Dracula the Voivode, The Parable of Two Monks, Third Rome, Russian messianism.

Johan Huizinga, Yakov Lurye, Radu Florescu, Chris Hamfrys, Marin Sorescu, Georgina Viorica Rogoz, Marin Minku, Svetlana Lyzhina, Mikhail Odessky.

Research Field: World Literature and Comparative Studies.

Research Objective: To identify the author's position, issues in artistic works about Dracula in world literature from different epochs. To summarize the research results.

Research Tasks: Studying works about historical Vlad III Basarab. Identifying issues and author's positions in the most significant works; identifying textual and chronological connections between works about Vlad Dracula; studying works about the medieval ruler considering the peculiarities of the consciousness of people from the past and Medieval culture; comparing the issues, poetics, and author's positions in works about Dracula from representatives of various national literatures and historical periods from the perspective of comparative literature and imagology.

Scientific Novelty and Originality of the work lies in the systematic analysis of issues and author's positions in works about Dracula; involving studies on Medieval culture in the analysis of works; involving new materials on the history of the era in the analysis; identifying textual and chronological connections between works; comparing the poetics and reception of works by different authors, literatures, and historical periods from the perspective of imagology.

Theoretical Significance and Applied Value of the Dissertation: the research results can be considered in the preparing for of lectures, seminars, and special courses on the history of Russian and foreign literature, cultural history, and comparative literature, also, considering the further development of the Dracula plot in modern literature, in the general course of European literature history.

The study draws attention to the importance of studying the peculiarities of the consciousness of people from the past. It is precisely this circumstance that makes the present work relevant in practical and didactic terms, as well as from the perspective of the development of cultural dialogue.

Implementation of Research Results: The main ideas of the research were presented at scientific conferences in the country and abroad, and the research results are reflected in 12 articles published in scientific journals, both national and international.

ВВЕДЕНИЕ

Миф о вампире Дракуле сегодня глубоко проник во все области массовой культуры, и уже далеко не каждый знает, что за фигурой кровожадного чудовища стоит реальная личность, правитель Валахии середины XV века, не имевший никакого отношения к фантастическим существам.

Начало обширной литературе о Дракуле (Владиславе III Басарабе) положило послание воеводы Дана III Басараба венгерскому королю Матвею Корвину от 2 апреля 1459 года (сохранилось в славянском и латинском вариантах) [Bogdan 1905, 324]. Послание на три года старше рукописей из Ламбахского бенедиктинского монастыря в Австрии, которые Я.С. Лурье считал наиболее ранними из известных письменных источников о «злодеяниях» Дракулы [Лурье 1964, с. 19], и содержит вымышленные фрагменты, перекочевавшие позже в немецкие тексты. Вероятно, письмо воеводы Дана неизвестно А.П. Кашперской и другим российским исследователям, поскольку они тоже считают ламбахские манускрипты наиболее ранним источником [Кашперская, с. 5].

При жизни Дракулы и в первые десятилетия после его смерти появились несколько произведений, написанных с разными намерениями и по разному поводу: анонимные «летучие листки» на немецком языке, поэма мейстерзингера Михаэля Бехайма «Об изверге по имени Дракола Вайда из Валахии», «Констанцская хроника», первопечатные немецкие «народные книги» о Дракуле, а так же «Сказание о Дракуле воеводе» думного дьяка Федора Васильевича Курицына, фрагменты из «Венгерской хроники» Антонио Бонфини, из «Космографии» Себастьяна Мюнстера и производные от этих текстов. Эти произведения переписывались и переиздавались в различных редакциях в XV–XVII веках, но впоследствии интерес к фигуре валашского господаря был весьма сдержанным на протяжении двух веков.

Ситуация изменилась с появлением в 1897 году романа Абрахама (Брэма) Стокера «Дракула». Довольно слабый в художественном отношении роман вызвал ажиотаж, не связанный напрямую с личностью средневекового правителя. Автор был человеком чопорной викторианской эпохи, и роман о вампирах был формой, позволившей ему, не нарушая нормы общественной морали, дать невзыскательному читателю эпизоды эротики, мистики и жестокости. Сочинения о вампирах бытовали в Европе задолго до Б. Стокера (трактат

Антуана Огюстена Кальме 1672–1757 [Кальме]), возможно поэтому успех романа вызвал к жизни поток произведений эпигонов и подражателей, не иссякающий по сей день.

Независимо от романа Б. Стокера (роман не был переведён на румынский язык до конца XX века) в Румынии XIX века стал появляться интерес к средневековым правителям, среди которых был и Влад III Басараб. Внимание к личности Влада проявляли прежде всего историки, такие как А.Д. Ксенопол, И. Богдан, Н. Йорга, и литераторы, среди которых были В. Александри и М. Еминеску.

Всплеск интереса к Дракуле в Румынии пришёлся на 1970-е годы, когда были написаны пьесы и романы ряда авторов об историческом Дракуле, что отчасти было вызвано политическими причинами – использованием истории в официальной пропаганде Румынии и выходом в США работ историков Р. Флореску и Р. МакНелли, рисующих мрачный образ Дракулы.

В России во времена Н.М. Карамзина появился интерес к изучению «Сказания о Дракуле воеводе» и связанный с этим интерес к Дракуле. «Сказанием» занимались известные филологи, такие как Ф.И. Буслаев, А.Х. Востоков, А.Н. Пыпин, С.М. Соловьёв, А.И. Соболевский, В.Е. Вальденберг, А.Д. Седельников, Н.К. Гудзий, А.А. Зимин, Я.С. Лурье, Д.С. Лихачёв и другие.

«Дракула» Б. Стокера был переведён и издан в России через несколько лет после выхода в Лондоне, вызвал некоторое число подражаний [Олшеври Барон], но не стал событием на фоне российской массовой культуры начала XX века (Лидия Чарская, Анастасия Вербицкая, Михаил Арцибашев).

В 1964 году вышла фундаментальная монография Я.С. Лурье «Повесть о Дракуле», куда помимо исследования различных вариантов текста «Сказания» вошли переводы бенедиктинских манускриптов, фрагменты хроники А. Бонфини, сочинений П. Испиреску. К сожалению, книга не была замечена за рубежом и никогда не переводилась.

В 1963 году румынский историк Петре Панаитеску опубликовал в Бухаресте статью, в которой утверждал, что «Сказание о Дракуле-воеводе» было написано на староболгарском языке неизвестным румынским автором из Орадя и представляет собой произведение славяно-румынской литературы [Панаитеску, с. 279]. Поскольку в XV веке в православных странах корпус литературы на славянском языке различных изводов был практически общим, то между произведениями, создаваемыми в разных странах, не было резких идеологических

различий. Если исходить из того, что «Сказание» было написано на средневековом русском языке в Аккермане (а мы придерживаемся именно такой точки зрения), то и тогда это произведение в определённом смысле можно считать произведением славяно-румынской литературы.

В англоязычных странах в XX веке массово издавалась «вампирическая» литература мистики, эротики и ужаса, никак не связанная с историческим Владом Дракулой. Единственным известным нам исключением является исторический роман канадского автора Криса Хамфриса «Дракула, последняя исповедь».

В России в конце XX века появилась собственная «вампирическая» массовая культура, насчитывающая буквально сотни произведений. Одновременно сотни аналогичных произведений переводились с английского языка. Но несмотря на засилье массовой культуры, в начале XXI века в России стали появляться художественные произведения об историческом Владе Дракуле таких авторов как Елена Артамонова, Светлана Лыжина, Вук Задунайский и другие.

Из произведений румынских авторов конца XX – начала XXI века можно выделить роман Марина Минку «Дневник Дракулы», написанный на итальянском языке и позже переведённый на румынский и французский.

Объектом нашего исследования являются такие произведения о Владе III Басарабе, в которых есть попытка создать образ исторического Дракулы, даже если его личность интерпретируется автором своеобразно и в прагматических целях. Не являются объектом исследования произведения массовой культуры, где «Дракула» всего лишь имя одного из вампиров. Существует некоторое количество произведений смешанного жанра, скажем, историческое фэнтези с элементами мистики или утрированное фэнтези с огромным числом деталей из истории реального Дракулы (и таким же большим числом ошибок), смесь исторического фэнтези с детективом и так далее. Такие произведения могут принадлежать не только к массовой культуре, но и к мидкультуре [МакДональд] и даже к высокой литературе, в последнем случае они могут быть объектом нашего исследования.

Предметом исследования стали проблематика, авторская позиция и образ героя в произведениях русской, румынской и западноевропейской литературы о Дракуле.

Цель исследования – выявить авторскую позицию, авторский замысел, проблематику в художественных произведениях о Дракуле в мировой литературе разных эпох. Обобщить результаты исследования.

Задачи исследования:

– разностороннее по возможности изучение литературы об историческом Владе III Басарабе;

– выявление проблематики и авторского замысла в наиболее значительных произведениях, таких, как манускрипты бенедиктинцев о Дракуле, «Сказание о Дракуле воеводе» Федора Курицына, «Дневник Дракулы» Марина Минку, «Третий кол» Марина Сореску, «Дракулешти» Георгины Виорики Рогоз, «Дракула. Последняя исповедь» Криса Хамфриса, «Исповедь Дракулы» Елены Артамоновой, тетралогия о Дракуле Светланы Лужиной, «Сказание о господаре Владе и Ордене Дракона» Вука Задунайского;

– рассмотрение различий интерпретации образа Дракулы, особенностей повествования, критической и читательской рецепции;

– выявление текстологических и хронологических связей между произведениями о Владе Дракуле;

– изучение произведений о средневековом правителе с точки зрения истории ментальностей, особенностей сознания человека прошлого и культуры Средневековья;

– сопоставление проблематики, поэтики и позиции автора в произведениях о Дракуле представителей различных национальных литератур и исторических периодов;

– имагологический анализ результатов исследования;

– обобщение и систематизация полученных данных.

Актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью изучения произведений о Дракуле для понимания особенностей интерпретации образа героя, проблематики произведений о нём, определения авторской позиции, особенностей поэтики, особенностей повествования (нарратологии), диахронной презентации авторской позиции, читательской рецепции в контексте и интертексте произведений о Дракуле, а также выявления различий восприятия образа Дракулы в национальных литературах в интересах расширения диалога культур (М.М. Бахтин). Вместе с тем, актуальность данной работы обусловлена недостаточной степенью обобщённости и систематизации материала, глубины понимания произведений о Дракуле. Ранее подобного сопоставления прозаических произведений о

Дракуле с точки зрения компаративистики, истории ментальностей, имагологии в синхронном и диахронном аспекте не проводилось.

Научная новизна работы заключается:

в систематизированном анализе проблематики и авторской позиции в произведениях о Дракуле;

в привлечении к анализу произведений о Дракуле исследований по культуре Средневековья;

в привлечении к анализу новых материалов по истории эпохи;

в выявлении текстологических и хронологических связей между произведениями о Дракуле;

в сопоставлении проблематики, поэтики и рецепции произведений разных авторов, литератур, исторических периодов с точки зрения компаративистики и имагологии.

Теоретико-методологическую базу работы составляют труды М.М. Бахтина, связанные с проблемой автора и героя, «я» и «другого», отчасти работы М. Фуко («Что такое автор?»), работы по теории сюжета и мотива Б.М. Гаспарова, нарратологические исследования Ж.-Ф. Лиотара, У. Эко, работы по проблемам жанра Ю.Н. Тынянова, по теории рецепции Х.Р. Яусса и В. Изера, по семиотике Ю.М. Лотмана, по компаративистике В.М. Жирмунского, В.Е. Багно, герменевтический подход, обоснованный Х.-Г. Гадамером (понимание произведения как объективации культурной традиции, а также тезис о неизбежности читательского и исследовательского «пред-понимания» произведения в соответствии с менталитетом той или иной эпохи в истории его восприятия), интертекстуальный подход (М.М. Бахтин, Ю. Кристева и другие), работы по истории ментальностей Й. Хёйзинги, Ф. Арьеса, М. Блока, К.Г. Юнга, А.Я. Гуревича и других, работы по имагологии.

К различным аспектам культуры русского Средневековья обращались российские филологи А.С. Дёмин, А.В. Каравашкин, Д.С. Лихачёв, Я.С. Лурье, Б.А. Успенский, А.Н. Ужанков, культурологи А.Я. Гуревич, Б.А. Романов, историки Н.В. Сеницына, А.Л. Юрганов, философы А.Ф. Замалеев, А.А. Исаков, В.Ю. Неупокоева, Д.Н. Тананушко, юристы В.В. Момотов, А.А. Рожнов и многие другие, которые также вошли в методологическую базу исследования.

В диссертации используются несколько **методов** исследования: историко-теоретический подход, сравнительно-сопоставительный (компаративный) метод, метод герменевтического исследования текста, целью которого становится открытие авторской субъективности и принципиальных установок, например, средневекового книжника, дескриптивный метод исследования, основанный на анализе и синтезе различных фактов, аксиологический подход в оценке мировоззренческих явлений, поэтика художественного текста с учетом ее внутренней содержательности, отчасти рецептивные методы, элементы структурного анализа. Теоретическая основа диссертации отвечает принципам историзма и диалога культур как важнейшим предпосылкам литературоведческой интерпретации текста.

Гипотеза исследования состоит в том, что анализ корпуса художественных произведений о Владе Дракуле, включающий новые подходы (внимание к сознанию средневекового человека, к феномену жестокости) позволит прийти к новым результатам в изучении отдельных произведений, новым результатам в изучении национальных литератур, новым результатам с точки зрения компаративистики и новым обобщениям.

Структура диссертации обусловлена целями исследования и состоит из **Введения, четырех глав, Общих выводов и рекомендаций, Библиографии и Приложений.**

Во **Введении** помимо краткой информации по теме исследования, обосновывается актуальность темы исследования, формулируются его цели и задачи, определяются объект, предмет, цель и задачи, новизна, гипотеза, методы исследования.

Первая глава диссертации содержит в себе обзор и оценку научной литературы, посвящённой категории авторства и проблематики произведения, а также обзор особенностей трактовки и оценки облика Влада III Басараба в художественной, литературоведческой, исторической, культурологической литературе, обзор источников по теме работы в смежных дисциплинах, а также определение возможностей междисциплинарных исследований.

Вторая глава представляет собой анализ авторской позиции, проблематики, особенностей поэтики и читательской рецепции в средневековых произведениях о Владе III Басарабе, таких, как анонимные манускрипты из бенедиктинского монастыря в Ламбахе, поэма мейстерзингера М. Бехайма, немецкие «народные книги» о Дракуле и «Сказание о Дракуле воеводе». Отдельное внимание уделяется особенностям культуры Средневековья, авторскому самосознанию средневекового автора, особенностям сознания человека прошлого, а также феномену жестокости.

Третья глава исследования посвящена рассмотрению авторской позиции и круга проблем в произведениях современной литературы о Владе III Басарабе, таких, как «Дракула. Последняя исповедь» Криса Хамфриса, «Дневник Дракулы» Марина Минку, «Третий кол» Марина Сореску, «Дракулешти» Георгины Виорики Рогоз, «Исповедь Дракулы» Елены Артамоновой, тетралогия Светланы Лужиной, «Сказание о господре Владе и Ордене Дракона» Вука Задунайского и других. Некоторое внимание уделяется и бессюжетной литературе о Дракуле.

В **Четвёртой главе** проводится компаративный анализ избранных произведений о Дракуле, анализ имагологических закономерностей, рассматриваются сходства и различия произведений на румынском, русском, английском языках.

В **Общих выводах и рекомендациях** предлагается структурированное изложение результатов, полученных в **Основных главах** в соответствии с **Целью, Задачами и Гипотезой** исследования, подводятся итоги и обобщаются результаты исследования, даётся характеристика работы с точки зрения **Авторского вклада**, теоретической и практической значимости, приводятся результаты **Апробации** исследования, даются рекомендации по углублению исследования и использованию его результатов.

В **Библиографии** указывается использованная литература на русском и иностранных языках, а также источники оригинальных текстов и научных изданий, использованных в работе.

В **Приложениях** приводятся «Списки произведений о Дракуле», среди которых есть и произведения, относящиеся к массовой культуре.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ АНАЛИЗА ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ДРАКУЛЕ

1.1. Категория автора в культурологии и литературоведении

Категория автора (лат. *auctor* – виновник, основатель, сочинитель) – одна из главных в практической поэтике, в анализе отдельного произведения. Понятие «автор» по выражению И.Н. Сухих, «дискуссионно, трудноопределимо и многозначно». И.Н. Сухих справедливо отмечает, что различные исследователи используют синтагму «образ автора» в различных значениях омонимически, и предлагает развести эти понятия с помощью дополнительных определений: **биографический автор – образ автора – автор-повествователь** (или просто повествователь) – **чистый автор, авторская позиция**.

«Это последнее понятие является интегрирующим по отношению ко всем предшествующим. Чистый автор – это ипостась, творческая сущность, художественное сознание биографического автора, который в отдельных случаях может создать собственный образ (а может и не создавать), может вести рассказ в третьем лице как некий «дух повествования» (а может обратиться к сознанию героя, личного повествователя или рассказчика), но в любом случае останется создателем мира произведения, носителем его концепции и смысла.» [Сухих, с. 292]

В широком смысле автор у И.Н. Сухих – «воплощенная в произведении позиция, мысль, эмоция, придающая ему своеобразие, целостность и уникальность» [Сухих, с. 289]. Это близко к «чистому автору» М.М. Бахтина: «Автора мы находим (воспринимаем, понимаем, ощущаем, чувствуем) во всяком произведении искусства. Например, в живописном произведении мы всегда чувствуем автора его (художника), но мы никогда не видим его так, как видим изображенные им образы. Мы чувствуем его во всем как чистое изображающее начало (изображающий субъект), а не как изображенный (видимый образ)» [Бахтин 1997–2012 V, с. 313]. И довольно близко к «образу автора» В.В. Виноградова: «Образ автора – это не простой субъект речи, чаще всего он даже не назван в структуре художественного произведения. Это – концентрированное воплощение сути произведения, объединяющее всю систему речевых структур персонажей в их соотношении с

повествователем-рассказчиком или рассказчиками и через них являющееся идейно-стилистическим средоточием, фокусом целого» [Виноградов 1971, с. 118]. Более обобщенно выражает подобную мысль М.Л. Гаспаров: «Конечными понятиями, к которым могут быть возведены при анализе все средства выражения, являются "образ мира" (с его основными характеристиками, художественным временем и художественным пространством) и "образ автора", взаимодействие которых дает "точку зрения", определяющую все главное в структуре произведения» [Гаспаров, с. 786]. Заметим, что при такой постановке вопроса образ мира и образ автора могут сливаться до неразличения.

В архаическую эпоху литературное творчество было преимущественно коллективным или анонимным; если произведение и соотносилось с именем его создателя – Синухета, Гомера, Лао-цзы, категорию авторства заменяла категория авторитета: «чтимое имя прикрепляется к чтимому тексту как ритуальный знак чтимости» [Аверинцев, с. 28]. Принято считать, что осознание автора как творца произошло значительно позже, не раньше времени появления эстетики сентиментализма и романтизма. «Романтическая мысль впервые осмыслила явления безавторского творчества в сфере мифа, фольклора и архаичной культуры, сблизила "художника" и "человека", но она же фиксировала контраст "художника" и "человека" в жестах "романтической иронии"» [Аверинцев, с. 30]. Впоследствии декадентство утрировало романтическую концепцию: «художник как обезчеловеченный человек, отказавшийся от всех человеческих связей и живущий только абсолютным творчеством – созиданием красоты "из ничего", как самодержавный жрец своего "я" и одновременно как безличный медиум, в экстазе "вещающий" не свои слова и прочее» [Аверинцев, с. 30].

Современное литературоведение, по мнению И.Б. Роднянской [Роднянская, с. 30], исследует проблему автора в аспекте авторской позиции; при этом вычленяется более узкое понятие – «образ автора», указывающее на одну из форм непрямого присутствия автора в произведении. Н.Д. Тамарченко определяет авторскую позицию через систему персонажей. На его взгляд, термин обозначает «художественно целенаправленную соотношенность всех "ведущих" героев и всех так называемых "второстепенных" действующих лиц в литературном произведении. Через систему персонажей выражается единое авторское представление о человеке в его взаимоотношениях с природой, обществом и историей, а также о типах человека – в связи с различиями рас, национальностей, сословий, профессий,

темпераментов, характеров, социальных ролей, психологических установок и идеологических позиций» [Тамарченко, р. 36].

Однако, нам хотелось бы понимать авторскую позицию шире.

Общим местом в литературоведении стало сопоставление теорий *автора* М.М. Бахтина и В.В. Виноградова, полемика по поводу «образа автора», «диалогизма» и «монологизма».

М.М. Бахтин, являющийся создателем «диалогической» теории автора, различал «слово автора» и «чужое слово» [Бахтин 1972, с. 312]. Автор относится к герою, как «другому» субъекту, имеющему самостоятельную позицию, обладающему своим собственным словом. В трудах М.М. Бахтина этот принцип был назван «полифонизмом» и противопоставлен «монологизму». М.М. Бахтин выделял «первичную» и «вторичную» формы представления автора, а также «голоса» героев произведения, которые ведут диалог с автором. Биографической ипостасью автора М.М. Бахтин не интересовался (хотя биографическим автором тоже можно заниматься по-разному, фрейдисты, например, занимаются *автором психологическим*, отделяя его от биографического). «Первичный» автор является «актуальным» создателем произведения, при этом он не выражен в произведении явно и обречен на «немоту». «Первичный» автор являет себя произведением в целом. Именно с «вторичным» автором» герой произведения, являющийся «предметом изображения», может вступать в диалогические отношения, и этот диалог возможен при условии «внеаходимости». «Первичный автор» – участник эстетического события, в котором встречаются автор и читатель как объект художественного акта.

Только в положении «напряженной внеаходимости», обладая «избытком видения и знания», автор в состоянии «завершить» своего героя, и в этом завершении заключается сущность эстетического творчества. «Завершить» же героя – значит «собрать *всего* героя, который изнутри себя самого рассеян и разбросан в заданном мире познания и открытом событии эстетического поступка, собрать его и его жизнь и восполнить *до целого* теми моментами, которые ему самому в нем самом недоступны...» [Бахтин 1979, с. 15].

Писателям известно ощущение, когда герой вдруг отказывается поступать так, как ему было предписано первоначальным замыслом, и автор неожиданно для себя бывает вынужден дать герою волю, позволить поступать в соответствии с его нравом. Известна фраза, которую приписывают А.С. Пушкину со слов С.П. Жихарева: «Представляете, какую штуку удрала со

мною моя Татьяна... замуж вышла...». Нечто подобное Л.Н. Толстой говорил Г.А. Русанову: «Вообще герои и героини мои делают иногда такие штуки, каких я не желал бы: они делают то, что должны делать в действительной жизни <...>, а не то, что мне хочется» [Русанов, с. 58]. Возникает вопрос: «Является ли в диалоге героя с автором (по Бахтину) герой завершённой фигурой, если сам автор незавершён?» С нашей точки зрения, незавершённость героя следует из незавершённости автора, но полемика с М.М. Бахтиным выходит за пределы тематики данной работы.

Следует отметить, что изложение взглядов М.М. Бахтина, представленное выше, грешит некоторым упрощением: на литературоведческий вопрос об авторе в различные фазы развития своей концепции М.М. Бахтин даёт разные ответы (подробнее см. об этом у Вольфа Шмида [Шмид]). В ранних исследованиях («Автор и герой в эстетической деятельности», начало 1920-х) автор для М.М. Бахтина – это всякий говорящий человек, оппозиция «автор и герой» совпадает с дихотомией «я» и «другой». В трудах 1940-50-х М.М. Бахтин дифференцирует разные инстанции автора – в работе «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках» М.М. Бахтин различает три авторские инстанции: автора-человека, автора как «чистое изображающее начало (изображающий субъект)», автора как «изображенный (видимый) образ». Инстанцию изображающего начала он называет «чистый автор» в отличие от «автора частично изображенного, показанного, входящего в произведение как часть его» [Бахтин 1997–2012 V, с. 313]. В записях 1970-71 годов М.М. Бахтин называет чистого автора «первичным, не созданным», а изображенного автора – «вторичным, созданным автором» [Бахтин 1979, с. 353].

Высказывания М.М. Бахтина разного времени иногда входят в явное противоречие. Затруднённости интерпретаций вызывают неясность и метафоричность дефиниций. *«Метафорическое употребление понятий значительно осложняет понимание бахтинских текстов. Именно в центральных высказываниях бывает часто неясно, в какой степени следует понимать в переносном смысле то или другое более или менее парадоксальное выражение. Бахтин недвусмысленно указывает на метафорический характер понятия "полифония" и не раз вводит в текст знаки оговорки, например, "как бы". Тем не менее, он в дальнейшем, будто бы забывая об этой оговорке, употребляет эту метафору в прямом смысле, развертывая и реализуя ее. Метафоричными оказываются многие из его тезисов о "диалогических отношениях". Проблема здесь и в том, что высокая этическая репутация,*

которая приписывается настоящему диалогу, переносится на явления, которые диалогическими можно назвать только при образном словоупотреблении. Такой понятийной контрабандой повышается этическое достоинство той или другой безобидной структуры текста» [Шмид].

В сравнительно недавно опубликованной работе «Диалог1» М.М. Бахтин подчеркивает «относительность различия монолога и диалога. Каждая реплика в известной степени монологична (высказывание одного субъекта) и каждый монолог – в известной мере реплика, поскольку входит в контекст обсуждения или вопроса, предполагает слушателей, предшествующую полемику и т.п.» [Бахтин 1997–2012 V, с. 209]. Разумеется, в этом нет ничего неожиданного, любое высказывание диалогично, даже если обращено к себе. По этому поводу Д. Лодж задается вопросом: «Если язык изначально диалогичен, как же может существовать монологическая речь?» [Lodge 1990, p. 231]. А.Ю. Большакова в работе «Теории автора в современном литературоведении» формулирует это так: «Иными словами, если монолог в чистом виде не существует, насколько правомерно обращение к монологической-диалогической оппозиции?» Обращаясь к М.М. Бахтину: «Быть – значит быть для другого и через него – для себя» [Бахтин 1994, с. 186].

Антиномией к теории автора М.М. Бахтина принято считать концепцию В.В. Виноградова, который в 1930-е годы определил понятие «образ автора» (см. выше). Позже В.В. Виноградов возвращается к этому понятию в других работах: «К построению теории поэтического языка», «О художественной прозе», «О теории художественной речи», «Проблема авторства и теория стилей». Будучи, в отличие от М.М. Бахтина, более филологом, чем философом, В.В. Виноградов исключительное внимание уделял идиостилю автора и соотношению в произведении таких категорий, как «языковая личность» автора, художественный образ и «образ автора». Для В.В. Виноградова «образ автора» – категория речевой организации литературно-художественного произведения, это «индивидуальная словесно-речевая структура, пронизывающая строй художественного произведения и определяющая взаимосвязь и взаимодействие всех его элементов» [Виноградов 1971, сс. 151-152]. М.М. Бахтину же в тезисе В.В. Виноградова (образом автора определяются состав и организация всех языковых средств в тексте) слышалось утверждение «одноголосого слова» в произведении, противоречащее его идее диалога, «своего» и «чужого» слова. М.М. Бахтин возражает против того, чтобы «первичный» автор входил в какой-то образ: «Первичный

автор — *natura non creata que creat* (природа несотворенная и творящая); вторичный автор — *natura creata que creat* (природа сотворенная и творящая). Образ героя — *natura creata que non creat* (природа сотворенная и нетворящая). Первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления. Когда мы стараемся образно представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, то есть сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (то есть первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ» [Бахтин 1979, с. 353].

По М.М. Бахтину, говорить об «образе автора» означает впасть в противоречие: «Ведь совпадение героя и автора есть *contradictio in adjecto*» (противоречие в определении) [Бахтин 1979, сс. 65-66]. И в то же время, размышляя по поводу романов Н.Г. Чернышевского, М.М. Бахтин отмечает, что роман без авторской позиции вообще невозможен, и ссылается при этом на мнение В.В. Виноградова: «Тяготение к "объективности" воспроизведения и разные приемы "объективного" построения - все это лишь особые, но относительные принципы конструкции образа автора» [Бахтин 1972, с. 114].

Американский исследователь А. Перлина видит различие концепций М.М. Бахтина и В.В. Виноградова в дихотомии языка и речи. Если для Виноградова ведущей категорией в структуре «автора» был стиль, речевые характеристики, то М.М. Бахтин осмысливал это понятие в контексте «*энергии*» – открытой в бесконечность языковой энергии [Перлина, с. 157].

Возражения М.М. Бахтина против «образа автора» отчасти основаны на неприятии смешения биографической личности автора и литературного образа, но и В.В. Виноградов настаивал на разграничении автора-творца и «автора-героя биографии». В письме к жене он писал: «Я же поглощен мыслями об образе писателя. Он сквозит в художественном произведении всегда. В ткани слов, в приемах изображения ощущается его лик. Это – не лицо "реального", житейского Толстого, Достоевского, Гоголя. Это – своеобразный "актерский" лик писателя. В каждой яркой индивидуальности образ писателя принимает индивидуальные очертания, и всё же его структура определяется не психологическим укладом данного писателя, а его эстетико-метафизическими воззрениями. Они могут быть не осознаны (при отсутствии у писателя большой интеллектуальной и художественной культуры), но должны непременно быть (т. е. существовать). Весь вопрос в том, как этот образ писателя

реконструировать на основании его произведений. Всякие биографические сведения я решительно отмечаю» [Виноградов 1980, сс. 311-312].

Собственно, тенденция отрицания «автора» и возникла как реакция на метод чтения и критики, опирающийся на аспекты личности автора, его опыт, биографию, психологию, пристрастия, его намерения раскрыть смысл произведения и присвоить единственно верную интерпретацию. Подобные настроения проявились ещё в 1920-е годы, но всплеск отрицания произошёл в 1960-е, когда появились программные статьи Р. Барта «Смерть автора» (1968), Ю. Кристевой «Бахтин, слово, диалог и роман» (1968) и М. Фуко «Кто такой автор?» (1969).

В своей статье «Смерть автора» Р. Барт провозгласил разрыв между авторитетом и авторством. Автор утратил функции интерпретатора, мерила нравственности, вместо открытия единственного «теологического» смысла (послания «Автора-Бога») читатели воспринимают написанное как «многомерное пространство», которое не может быть «расшифровано», только «распутано». Автора не существует, он умер, существует лишь воспринимающий текст читатель.

Произошло некоторое переполнение, писатель уже не может создать ничего нового, а лишь способен составлять свои тексты из ранее написанного, слагать комбинации, компиляции, пародии, стилизации чужих текстов. Творчество писателя не более чем языковая игра, которая приносит удовольствие реципиенту. Можно заметить, что в этом случае язык говорит через писателя, а не писатель выражает свои мысли посредством языка. Писатель перестает быть активным началом, субъектом творчества, уступая свое место языку и письму.

Писатель больше не может называться автором, он больше не являетсядемиургом, автором-творцом, а всего лишь скромным составителем текстов. По этой причине Р. Барт заменяет автора на скриптора, то есть «пишущего»: «Скриптор, пришедший на смену Автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо, не знающее остановки; жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков, сама подражает чему-то уже забытому, и так до бесконечности» [Барт, с. 389].

Барт называет своим предшественником Стефана Малларме: «Малларме полагает – и это совпадает с нашим нынешним представлением, – что говорит не автор, а язык как таковой; письмо есть изначально обезличенная деятельность ...» [Барт, с. 385]. Можно

назвать предшественником Р. Барта и А.А. Потебню, который писал, что содержание словесно-художественного произведения «развивается уже не в художнике, а в понимающих. Заслуга художника не в том минимуме содержания, которое ему думалось при создании, а в известной гибкости образа, способного возбуждать самое разнообразное содержание» [Потебня, сс. 181-182]. Но А.А. Потебня не пытался «убить» автора.

По мнению И.В. Пешкова, традиция начинать любой теоретический разговор об авторстве с разбора эссе Р. Барта «Смерть автора» объясняется только его «лапидарной бескомпромиссностью». «Р. Барт, Ю. Кристева, М. Фуко в конце шестидесятых годов двадцатого века спровоцировали волну интереса к проблеме авторства, о которой западное литературоведение к тому времени уже начало постепенно забывать. Французские гуманитарии, по сути, не сказали ничего принципиально нового (за исключением Фуко), по сравнению с "новой критикой", которая, по крайней мере с двадцатых годов прошлого века, постепенно вытесняла автора на периферию произведения» [Пешков, с. 230].

Исчезновение автора М. Фуко считает общепризнанным: «Все это известно; и прошло уже немало времени с тех пор, как критика и философия засвидетельствовали это исчезновение или эту смерть автора» [Фуко 1996, 15]. Однако в отсутствие автора у М. Фуко появляются сложности с некоторыми дефинициями: «"Произведение – разве это не то, что написал тот, кто и есть автор?" Возникают, как видим, трудности. Если бы некоторый индивид не был автором, разве тогда то, что он написал или сказал, что оставил в своих бумагах или что удалось донести из сказанного им, – разве все это можно было бы назвать "произведением"»? [Фуко, с. 15] В отсутствие автора оказывается сложно или невозможно дать определение произведению. М. Фуко не готов вернуть автора к жизни, но готов согласиться, что у некоторых дискурсов есть функция «автор». «Автор» — это функция, которая упорядочивает дискурс. Автора по-прежнему нет, но есть тексты, которые, наделённые функцией «автор». Эта функция не возникает сама собой, становление авторства – это сложная процедура, разная для разных произведений и разных эпох, поскольку автор – функция исторически преходящая. Эта процедура не просто отсылка к некоему индивиду, «автор» должен быть особым образом связан с текстом произведения. Каким именно образом образуется эта связь М. Фуко не уточняет. Что, по нашему мнению, оставляет простор для различного понимания авторства. В дальнейшем нашем исследовании мы будем придерживаться концепции автора по И.Н. Сухих.

В 60-е годы появилась рецептивная эстетика, исходящая из того, что восприятие текста читателем не произвольно, а существует некоторая иерархия восприятия. Х.Р. Яусс даже допускает, что существуют произведения, которые в момент своего появления не ориентируются на какую-то определенную публику, но столь сокрушительно разрушают привычный горизонт литературных ожиданий, что необходимо время, чтобы возникла публика, читательская среда, способная считать это произведение «своим». Это положение прямо не противоречит утверждению, что писатель – всего лишь «скриптор», не способный создать ничего нового, и всего лишь упорядочил дискурс, но делает такой случай вырожденным.

Несколько позже появилась теория интерпретации С. Фиша [Автор и текст, с. 9], категорически отрицающая существование единого авторского текста. Существуют определенные «стратегии интерпретации», которые каждый отдельный читатель волен использовать или не использовать в процессе чтения, или «написания» текста анализируемого произведения, но в такой трактовке нет произведения автора, нет единого авторского текста [Автор и текст, сс. 9-10]. По выражению А.Ю. Большаковой, замена «автора» «читателем» повлекла замену «произведения» «текстом» [Большакова, с. 16].

Как отмечает Н.К. Боневская, это же повлекло отрицание значения произведения, его подлинного смысла, а также «стирание» проблемы авторского замысла [Боневская, сс. 16-17]; обнаружилось такое негативное последствие устранения «автора», как раздробление литературоведческого анализа, утрата его целостности [Автор и текст, с. 7]. В начале 90-х наступила усталость от концепций «смерти автора» и маятник настроений литературоведов качнулся в противоположную сторону. Стал возвращаться интерес к реконструкции авторского замысла и авторских интенций для постижения смысла художественного произведения [Автор и текст, с. 9].

И.В. Пешков отмечает в концепции Р. Барта момент веры: «Для тех, кто верит в Автора, он всегда мыслится в прошлом по отношению к его книге; книга и автор сами собой располагаются на общей оси, ориентированной между до и после; считается, что Автор вынашивает книгу, т.е. предшествует ей, мыслит, страдает, живет для нее, он так же предшествует своему произведению, как отец сыну» [Барт, с. 385]. Иначе говоря, если мы не верим в автора, то для нас он мёртв. В такой же логике И.В. Пешков отвечает Р. Барту: «Но

кто же не верит в Автора, кроме самого Барта, Кристевой, Фуко и их прямых научных последователей? Читатели верят, причем так свято и твердо, что распространяют свою веру на всю область литературы как художественной, так и нехудожественной, т.е. верят, что авторство было всегда: как только появилось слово, у него появился автор. Литературоведы, вообще филологи, не последователи Барта и Фуко, разумеется, верят, причем многие верят так же внеисторично (или всеисторично), как и читатели. Для них Гомер, Гесиод, Софокл, Теренций, Драконций, бл. Августин, Фома Аквинский, Данте, Шекспир, Ньютон, Стерн, Достоевский и Ф. Искандер попадают в единую категорию авторов, неизвестно когда и как появившихся» [Пешков, с. 232].

На фоне концепций «смерти автора» становится очевидным типологическое сходство в теориях автора М.М. Бахтина и В.В. Виноградова, для которых «автор», безусловно, жив и заслуживает тщательного исследования. А.П. Чудаков отмечает следующие точки схождения их взглядов: признание творческой активности «автора», его ведущей роли в создании художественного мира и оформлении его как единого целого; рассмотрение «автора» как явления эстетико-художественного порядка, а не как непосредственного отражения реальной биографической личности писателя [Чудаков, с. 314].

А.Ю. Большакова видит возможность создания универсальной теории автора: «Отчетливо вырисовывается необходимость создания новой, универсальной теории автора, в которой нашли бы решение основные упущенные (или нерешенные) проблемы эстетической природы литературы, цельности и целостности произведения, что предполагает усиление внимания к центрообразующей функции «автора». Одной из первоочередных задач в этом плане, на наш взгляд, становится выявление типологического сходства в теориях автора, ранее считавшихся антиномичными» [Большакова, с. 17].

Мы будем придерживаться несложного определения автора (и авторской позиции), сформулированных И.И. Сухих, и отчасти положений, выработанных в полемике М.М. Бахтина и В.В. Виноградова.

1.2. Проблематика произведения как важнейшая составляющая его рассмотрения

В определении проблематики произведения у различных исследователей (А.Б. Есин, С.И. Кормилов, А.Е. Красовский, Г.Н. Пospelов) особых расхождений нет, все понимают проблематику (совокупность проблем) произведения как выделение (προβλήμα – «брошенное вперед»), в переносном смысле – нечто выделенное), усиление в избранном материале (теме) таких аспектов, которые кажутся писателю наиболее значимыми с идейной, нравственной и психологической точек зрения.

«Под проблематикой художественного произведения в литературоведении принято понимать область осмысления, понимания писателем отраженной реальности. Это сфера, в которой проявляется авторская концепция мира и человека, где запечатлеваются размышления и переживания писателя, где тема рассматривается под определенным углом зрения. На уровне проблематики читателю как бы предлагается диалог, подвергается обсуждению та или иная система ценностей, ставятся вопросы, приводятся художественные "аргументы" за и против той или иной жизненной мироориентации» [А.Б. Есин, с. 28]. Речь здесь идёт о диалоге, понимаемом по М.М. Бахтину.

По мнению Г.Н. Пospelова, проблематика представляет собой более активную сторону идейного содержания произведения, нежели тематика: тематика в значительной мере определяется проблематикой [Пospelов, с. 99]. В отличие от тематики проблематика является субъективной стороной художественного содержания, именно в ней проявляется авторская индивидуальность, своеобразие проблематики – неповторимая черта автора.

Поставленные художником проблемы далеко не всегда разрешаются в пределах произведения, а могут и вовсе не иметь решения. Иногда самое интересное это и есть вопросы, на которые нет ответов, что дает читателю возможность размышлять и переживать – главное, ради чего читатель обращается к художественной литературе.

В связи с вышеизложенным часто цитируют письмо А.П. Чехова А.С. Суворину от 27 октября 1888 года: «Вы смешиваете два разных явления: решение вопроса и правильную постановку вопроса. Только второе обязательно для художника. В "Евгении Онегине" или "Анне Карениной" не решен ни один вопрос, но они вас вполне удовлетворяют, потому что все вопросы поставлены в них правильно» [Чехов, с. 266].

Проблематика бывает сложной, состоящей из несколько различных проблем, но обычно можно выделить главную, центральную проблему. А.Б. Есин считает, что центральная проблема произведения часто оказывается его организующим началом, «пронизывающим все элементы художественной целостности», и предлагает начинать анализ произведения с выделения центральной проблемы [Есин, с. 28]. Центральная проблема – это основной вопрос произведения, тесно связанный с его конфликтом и коллизией.

Разграничение типов проблематики и их подробное описание мы можем найти в работах Г.Н. Пospelова и А.Б. Есина, однако А.Б. Есин видит их также и у Г.В.Ф. Гегеля, Ф. Шиллера, В.Г. Белинского, Н.Г. Чернышевского [Есин, с. 29]. М.М. Бахтин выделял только романную и нероманную концепции действительности и различал их по тому, как подходит автор к пониманию и изображению человека [Бахтин 1975, сс. 447-483]. Г.Н. Пospelов выделил четыре типа проблематики: «мифологическую», «национально-историческую», «нравоописательную» (иначе – «этологическую») «романическую» [Пospelов]. А.Б. Есин полемизирует с типологией Г.Н. Пospelова, развивая собственную концепцию дифференциации типов проблематики.

Мифологическая проблематика – это «фантастико-генетическое осмысление» «тех или иных явлений природы или культуры» [Пospelов, с. 167]; объяснение, которое дает автор произведения возникновению тех или иных явлений. По мнению А.Б. Есина, мифологическая проблематика была весьма актуальна на ранних стадиях развития литературы и в долитературном творчестве (фольклоре), однако и современные авторы способны заниматься мифотворчеством. Мифотворчеством А.Б. Есин, в частности, считает такое направление массовой культуры, как фэнтези [Есин, с. 30]. С.И. Кормилов, ссылаясь на А.А. Бахтина, утверждает, что в архаической словесности, в мифологическом и героическом эпосе проблемности не было совершенно, поскольку не было возможности выбора, «различного толкования одного и того же предмета» [Кормилов, с. 810]. Г.Н. Пospelов же, напротив, не признаёт за современными авторами способности к мифотворчеству. Нам представляется, что разногласия между исследователями это, скорее, вопрос несогласованности терминологии, нежели сущности литературной теории.

Национальная или национально-историческая проблематика, по представлениям Г.Н. Пospelова, объединяет круг произведений, вызванных к жизни переломными моментами в истории народа. А.Б. Есин упрекает Г.Н. Пospelова в узком понимании этого

типа проблематики, поскольку главной, по его мнению, проблемой в произведениях данного типа является проблема сущности национального характера – «более глубинная, нежели проблема внешнего исторического бытия нации, народа» [Есин, с. 30]. Понимание этого типа проблематики можно расширить и ещё больше – до любого бытописания или характерных национальных явлений, какими можно считать музыкальное творчество или предпочтения в выборе вида спорта.

Социокультурная проблематика (нравоописательная или этологическая) характеризуется акцентом на устойчивые, сложившиеся, повторяющиеся черты бытия и сознания людей; по замечанию А.Б. Есина, здесь важна не динамика, а статика жизни. В таких произведениях осмысливаются свойства и качества, характерные для широкой группы людей, иначе говоря, состояние среды, а не личности. «Это не значит, впрочем, что здесь не могут появляться герои в той или иной мере исключительные, но исключительность их носит, так сказать, количественный характер: качества, присущие в принципе всем представителям данной среды, в характере героя возводятся в некую степень, гиперболизируются (таков, например, характер гоголевского Плюшкина, приобретающий временами гротескные очертания). Однако при этом герою никогда не свойственны такие качества, которых нет в массе, в людях той социальной среды, которую он представляет» [Есин, с. 31].

Романная проблематика – это интерес писателя к личностному началу в самом себе и в другом человеке. Приметой романной проблематики, отличающей ее от проблематики социокультурной, является акцент не на статике, а на динамике, на различного рода изменениях – во внешнем положении человека, в его эмоциональном мире, в его восприятии действительности. Тип романной проблематики оказывается значительно более широким, чем любой другой из рассмотренных, и пользоваться такой типологией не очень удобно. По этой причине Есин пытается выделить два подтипа романной проблематики – авантюрный и идейно-нравственный. К **авантюрному** подтипу проблематики исследователь относит произведения, в которых писатели делают основной акцент на динамике внешних изменений в судьбе и положении личности, на превратностях, выпадающих на долю человека. К этому подтипу можно отнести множество произведений от древнеегипетской «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» до творчества современных авторов. Акцент на динамике действительно присутствует в такого рода произведениях, но это динамика, затрагивающая

лишь изменения во внешнем положении человека. Герой при этом меняется мало или не меняется совсем. Однако ученый считает названную особенность спецификой авантюрного подтипа проблематики.

Второй подтип – *идейно-нравственный* – основной в романной проблематике. Становление личности героя проходит в постоянном столкновении его «правды», жизненной философии, с реальностью и с иными «правдами». «Иногда нравственный поиск героев становится настолько острым, а внутренние противоречия – настолько напряженными и плохо поддающимися разрешению, что герой совершает тот или иной поступок не ради его практического смысла, а с единственной целью проверить свои теории практикой, провести своего рода эксперимент, который дал бы ответ на неразрешимые вопросы» [Есин, с. 33].

Философская проблематика – новый тип проблематики, рассмотренный А.Б. Есиным. В этом случае интерес писателя направлен на осмысление наиболее общих, универсальных закономерностей бытия общества и природы. Отличие философской проблематики от романной состоит в том, что если «идейно-нравственную проблематику интересует, может быть, не столько сама истина, сколько процесс личностного поиска истины, то философская проблематика берет те или иные точки зрения на мир практически безразлично к их носителям» [Есин, с. 34]. Разумеется, проблематика конкретных произведений никогда не выступает в своем типологически чистом виде и её можно определить только по доминанте.

При том, что в целом мы готовы согласиться с типологией А.Б. Есина, отметим условность любой типологии подобного рода и её незавершённость. Отметим также, что проблематика, в отличие от тематики, тяготеет к идее произведения.

1.3. Особенности восприятия, интерпретации и оценки облика Влада III Басараба в художественной и исторической литературе

Произведения о валашском правителе Владиславе III Басарабе можно разделить на средневековые и современные, и это деление не будет искусственным, поскольку на протяжении XVII–XVIII веков новые произведения о Дракуле не создавались и не публиковались, а за этот промежуток времени резко изменилось мировоззрение авторов, прагматика и проблематика произведений. В свою очередь средневековые произведения

можно разделить на прижизненные (созданные при жизни правителя), имевшие чёткую политическую направленность, и посмертные, имевшие уже иную идейную направленность и прагматику.

Современные произведения о Дракуле на два периода делит появление «готического» романа Брема Стокера «Дракула», вызвавшего интерес к личности валашского господаря. В разных литературах этот рубеж приходится на разное время. На русском языке перевод был издан уже через пять лет, тогда как на румынском языке почти через столетие после выхода в свет в Лондоне.

1.3.1. Средневековые произведения о Дракуле

Начало сочинениям о Дракуле было положено письмом воеводы Дана III Басараба, родственника Влада и, соответственно, претендента на валашский престол, к венгерскому королю Матвею Корвину от 2 апреля 1459 года [Bogdan 1905, с. 324] (перевод с латыни С.С. Лыжиной). Письмо приводим полностью, поскольку на русском языке письмо не было опубликовано, и значительная часть авторитетных российских исследователей (Я.С. Лурье, А.П. Кашперская) не знает о его существовании.

«Мы, Дан воевода и господин земель Трансальпийских (титул князей Валахии), запомнили суть того, что нам было передано другими, и теперь рассказываем сами, чтобы об этом мог узнать весь свет. Мы согласно указу и велению Светлейшего принцепса и властителя, государя Матиаса, короля Венгрии и так далее – господина нашего любезнейшего – прибыли в землю Бырсу из земель, упомянутых прежде, чем означенное королевство Венгерское. И вот тогда дальновидные господа, судья и присяжные как города Брашовского, так и всей вышеназванной земли Бырсы со страдальческими лицами и горестными голосами нам жаловались. (Эти люди) засвидетельствовали, как неверный Дракул, воевода вышеназванных земель Трансальпийских, пренебрёг верностью вышеупомянутому Светлейшему принцепсу и тому королевству, и притом подчинил себя свирепейшему повелителю турков.

Свои замыслы, от нечистого духа зародившиеся, он, увы, уже показал, исполнив их. Некоторых купцов из означенного Брашова и из земли Бырсы, а также посланцев из неё, которые в мирное время в вышеупомянутую землю Трансальпийскую ради приобретения средств пропитания приехали, он схватил, заковал в крепкие оковы, а некоторое имущество

и вещи, возле находившееся, он всё похитил, в неистовстве свою неверность (королю) безжалостно проявляя. Однако, не удовлетворившись похищением имущества, он тех купцов и посланцев подверг душераздирающей и достойной сожаления казни без оснований и каких-либо соответствующих обвинений, (то есть) убил, посадив на колья.

К тому времени у него пламенная страсть к жестокости ещё более сильным огнём разгорелась. Отдельных купцов и юношей, которые ради овладения языком, о чём было условлено, в земле Трансальпийской находились, (всего) числом триста или более, он уничтожил через сожжение. Своих же людей, оказывавшихся в означенном городе (Брашове), он потихоньку в свою страну отозвал. Притом добавили те же самые граждане (судья и присяжные), что вещи, привезённые как товар людьми и купцами из означенных Трансальпийских земель, в здешних (городских) пределах содержатся, арестованные самими (гражданами), и что (таким способом) жалобщики смиренно для себя предусматривают подходящее лекарство (от пережитых бед).

Услышав это, мы основательно поразмыслили, (то есть) вместе со слугами нашими, прежде всего, устроили совет, на котором первостепенным предметом обсуждения стали сами граждане и те вещи, что в здешних пределах хранятся. Властью нашей мы повелели (использовать) для возмещения убытков, причинённых самим (гражданами), столько (арестованного) имущества, сколько было бы соразмерно нанесённому ущербу от убийства людей. И никогда те вещи или их стоимость не подлежат возвращению означенным купцам из Трансальпийских земель. Об этом мы издали документ с печатью нашей, наглядным изображением и подтверждением нашего участия (в этом деле).

Дано в Фельдиоаре, в ближайший понедельник после Октавы Пасхи (т.е. 2-го апреля), год Господень тысяча четыреста пятьдесят девятый.»

Существует также вариант письма на славянском языке, датированный 5 апреля [Bogdan 1905, с. 101].

Письмо, безусловно, содержит элементы художественного вымысла. Поскольку для средневекового сознания «нет ничего нового под солнцем», то описывая «злодея» Дракулу, воевода Дан нашёл ему соответствие в Священном Писании – Дракула был отражением Навуходоносора в их слитности во вневременном бытии. Письмо Дана содержит вольное переложение библейской истории из Книги Даниила о трёх еврейских отроках, которые

«учились книгам и языку» при дворе вавилонского царя Навуходоносора, а затем за отказ поклониться золотому идолу по велению царя были брошены в огонь (Глава 1:3).

«И сказал царь Асфеназу, начальнику евнухов своих, чтобы он из сынов Израилевых, из рода царского и княжеского, привел отроков, у которых нет никакого телесного недостатка, красивых видом, и понятливых для всякой науки, и разумеющих науки, и смысленных и годных служить в чертогах царских, и чтобы научил их книгам и языку Халдейскому».

Дан увеличил число юношей до 300 и добавил к ним купцов из Брашова, которых Дракула посадил на кол. Следует отметить, что языка, для изучения которого юношам имело бы смысл ехать из Брашова в Тырговиште, тогда не существовало, в Семиградье были представлены все языки (церковнославянский, латынь, немецкий), которые можно было бы изучать в Тырговиште.

Здесь мы встречаемся с особенностью мышления средневекового человека, которую неизменно отмечают исследователи этого периода европейской истории: прошлое в средние века стремились изобразить не таким, каким оно было, а каким должно было быть. Истина средневекового хрониста представляла собой нечто иное, нежели истина нового времени: она должна была соответствовать идеальным представлениям, предначертаниям Божьего замысла, а не видимому ходу земных дел. Люди жили в атмосфере чуда, считавшегося повседневной реальностью. Идея и действительность не были четко разделены, и было легко принять за подлинное то, что было должным, а не действительным [Гуревич 1984, с. 51].

Письмо Дана старше манускриптов бенедиктинцев, которые Я.С. Лурье считал наиболее ранними из известных письменных источников о лиходействе Дракулы [Лурье 1964, с. 19]. Неосведомлённость Я.С. Лурье и других российских исследователей об этом письме тем более удивительна, что румынский славист И. Богдан, опубликовавший в начале XX века письмо Дана в числе других документов, учился в университете Санкт-Петербурга, и академик Я.С. Лурье был знаком с его работами. Современные российские «дракуловеды» (М.П. Одесский, А.П. Кашперская) также нигде не упоминают письмо воеводы Дана, весьма вероятно, просто не знают о его существовании, между тем, содержание этого письма заставляет изменить точку зрения на источник и причину появления немецких документов о Дракуле.

Легко убедиться, что из письма Дана библейский сюжет перешёл в бенедиктинские манускрипты и впоследствии оказался в поэме мейстерзингера М. Бехайма [Бехайм, с. 499]:

*«Казнил он голодранцев,
купцов и нищих, словом, всех,
и было много, как на грех,
там юных чужестранцев;
они учились языку,
но Дракул грозный начеку,
и по его приказу
сожгли приезжих тех господ,
не менее четырехсот,
в них усмотрев заразу.»*

Помимо прочего в немецких текстах появляются эпизоды, представляющие собой бродячие сюжеты, никак не связанные с реальным Владом. Скажем, эпизод сожжения нищих: на Западе эта легенда связывалась обычно с майнцкими епископами X века Гаттоном I и Гаттоном II [Лурье 1964, с. 66]. Эпизод прибавления колпаков к головам послов также является бродячим сюжетом, есть и другие.

Сомнения в реальности прегрешений Влада появлялись и у Я.С. Лурье, но у него не было письма Дана: «Можно думать даже, что первоначальный немецкий рассказ, написанный до выступления венгерского короля против Дракулы, в ноябре 1462 года, имел конкретную политическую цель – настроить Матвея Корвина против его валашского вассала и вызвать разрыв между ними» [Лурье 1964, с. 49].

В действительности всё было несколько иначе. Известно, что венгерский король получил из Рима деньги на войну с Турцией, но в войну так и не вступил. На тот момент Влад был единственным активным сторонником военной кампании. Ложно обвинив Дракулу в сговоре с турками, Матиаш сохранил деньги и избежал прямого столкновения с османами.

«Летучие листки», поддерживавшие воеводу Дана и Влада Монаха (сводного брата Дракулы), появились вскоре после вторжения Влада в города Сибиу и Брашов в Семиградье (Трансильвания). Весьма вероятно, что письмо изначально было написано с ведома венгерского короля: Матиаш был заинтересован в том, чтобы претендентов на валашский престол было несколько.

В похожей династической ситуации кузен Влада – Стефан III Мушат – нанес поражение войскам Матвея Корвина в 1467 году, вторгся в Трансильванию и бестрепетно уничтожил своих родственников, включая убийцу отца – своего дядю Петра III Арона. Через год после появления злополучного письма Влад сумел нанести поражение Дану и убить его, но начало демонизации Дракулы уже было положено.

В ходе конфликта между Дракулой и саксонскими городами жители Брашова убивали валашских купцов, захватывали их товар, Дракула со своей стороны перехватывал купцов из Брашова. Иначе говоря, не происходило ничего необычного для балканских княжеств того времени.

Вскоре после смерти Влада было написано «Сказание о Дракуле воеводе», автором которого принято считать думного дьяка Федора Васильевича Курицына, ведавшего посольскими делами при великом князе Иване III Васильевиче. Федор Курицын был главой некоего «еретического кружка» «жидовствующих» (так называли ересь антиринитариев) [Громов Мильков, с. 317] и был сторонником боярской партии малолетнего наследника Дмитрия Ивановича и его матери Елены Стефановны Волошанки, дочери молдавского господаря.

Не раньше 1482 года дьяк Курицын был отправлен с дипломатическим визитом к венгерскому королю Матвею Корвину (Матияшу Хуньяди) и молдавскому господарю Стефану Великому (Стефан Молдовский у Ф.В. Курицына) для заключения союза против Польши. На обратном пути русское посольство было задержано турками в черноморской крепости Аккерман (Четатя Албэ, Белгород-Днестровский), где, по всей вероятности, и было написано «Сказание». По просьбе Ивана III и при посредничестве крымского хана Менгли-Гирея Ф.В. Курицын был отпущен и вернулся в Москву до августа 1485 года, привезя договор, содержащий утверждение «братства и любви» между державами.

В Буде Ф.В. Курицын мог встречаться не только с М. Корвиным, но и с другими людьми, знавшими Влада в период его заключения в 1463–1475 годах. Возвращаясь на Русь через Молдавское княжество, Ф.В. Курицын останавливался при дворе Стефана в Сучаве, где у него была возможность общаться с господарем и его окружением. Дракула жил в Молдавии в 1448–1455 годах, и молдаване знали его достаточно хорошо. В Москве Ф.В. Курицын тесно общался с Еленой Стефановной и её окружением. Историк Л.А. Юзефович пишет о наличии

в Москве значительной «волошской» диаспоры: «В конце XV–начале XVI вв. немало выходцев из Молдавии и Валахии служило при московском дворе. Дворянин Лука Волошенин был одним из членов посольства, в 1496 г. направленного Иваном III к Стефану Великому, а некий Матвей Волошенинов числился среди дворовых детей боярских и вместе с безымянными "иными волошанами" снабжал посольских дьяков информацией о положении дел у себя на родине. В "духовной" Дмитрия упомянут его "бараш" (шатерничий) Волох Суседов. Были, по-видимому, и простые челядинцы, привезенные в Москву Еленой Волошанкой, и от матери перешедшие к сыну» [Юзефович, с. 209].

В отличие от немецких публицистов, Ф.В. Курицын избегает прямого морализаторства и не торопится с осуждением Дракулы, в этом он близок к «Венгерской хронике» итальянца Антонио Бонфини, который тоже считал единство жестокости и справедливости обязательным свойством государя [Лурье 1964, с. 15]. Нельзя исключать влияние Ф.В. Курицына на А. Бонфини, поскольку А. Бонфини прибыл в Буду в 1486-1488 годах, когда «Сказание» уже было переписано иеромонахом Ефросином Белозерским. Список мог попасть в Буду или в Сучаву из Москвы или даже из Аккермана.

Сегодня известны 22 списка «Сказания» [Лурье 1964, с. 88], которые восходят к двум композиционно-стилистическим редакциям, условно называемым Кирилловской (сборник Кирилловско-Белозёрского монастыря) и Румянцевской (собрание графа Румянцева). Древнейшей из них является Кирилловская, однако первой в научный оборот была введена Румянцевская, которая отличается расположением эпизодов и некоторыми сокращениями текста.

На первых этапах изучения «Сказания о Дракуле» наибольшие споры вызывала проблема авторства, оригинальности произведения и происхождения сюжета. Идеология и социальные аспекты «Сказания» всерьёз стали изучаться позже. Н.М. Карамзин называл «Сказание» – «сказкой» [Карамзин, сс. 140–142], однако Ф.И. Буслаев в 1863 году обратил внимание на совпадения между несколькими эпизодами «Сказания» и рассказом из «Космографии» немецкого хрониста XVI века Себастьяна Мюнстера и пришёл к выводу, что «Сказание» не является оригинальным произведением [Буслаев, с. 84]. А.И. Соболевский считал «Повесть о Дракуле» переводом некоторого немецкого «летучего листка» [Соболевский, с. 233], и эта точка зрения была господствующей по меньшей мере до начала XX века: «Сказание» включали в сборники переводных произведений. А.Х. Востоков обратил

внимание на указание о том, что автор видел в Будине детей Дракулы, и первым предположил, что автором повести мог быть Ф.В. Курицын [Востоков, с. 511]. Взгляд на «Сказание» как на русское произведение был поддержан С.М. Соловьевым [Соловьёв, стлб. 1577-1578] и румынским исследователем И. Богданом [Bogdan 1896, pp. 119-120]. Именно сопоставление русской повести с другими материалами привело румынского исследователя к выводу, что русская повесть, более широкая по содержанию, чем известные нам немецкие рассказы XV века, представляла собой оригинальное сочинение независимое от немецкого источника.

Уже в XX веке А.Д. Седельников обнаружил на одной из копий «Сказания» дату, указанную переписчиком Ефросином Белозерским – 13 февраля 1486 года. И поскольку в рукописи есть упоминание о том, что Влад Монах занял валахский престол, то повесть была написана не раньше 1481 года, что вполне соответствует срокам дипломатической миссии дьяка Курицына.

Позже Я.С. Лурье в своём фундаментальном труде «Повесть о Дракуле», в результате сопоставления различных редакций «Сказания о Дракуле», «Венгерской хроники» и немецких брошюр, убедительно показал, что рассказ С. Мюнстера восходит к А. Бонфини и что «летучие листки» не могли быть источником для Ф.В. Курицына, поскольку совпадающие сюжеты существенно отличаются идейно и текстуально, а ряд эпизодов можно найти только у Курицына.

В дальнейшем Я.С. Лурье приходит к мнению, что автор повествования основывался не на письменных материалах, а на фольклорном образе Дракулы: «Общим источником русского, немецкого и венгерского рассказов о Дракуле был не письменный памятник и вообще не какое-либо единое произведение, а ряд преданий или анекдотов, сложившихся еще при жизни "великого изверга" (частью до его пленения в 1462 году), распространенных в Центральной Европе во второй половине XV века и по-разному записанных и интерпретированных немецкими, русским и венгерско-итальянскими авторами» [Лурье 1964, сс. 30]. Однако есть ряд обстоятельств, заставляющих поставить тезис Я.С. Лурье о фольклорном происхождении сюжета под сомнение.

Образ Дракулы в известном нам современном румынском фольклоре не является негативным, а утверждать что-либо определённое о преданиях XV века мы не можем, нам об этом ничего не известно. В тоже время представляется сомнительным, чтобы сколько-нибудь

развитое предание о Дракуле сложилось до его смерти, учитывая, что поведение Влада не было аномальным для его современников и полностью соответствовало духу времени.

Есть мнение, что валашское летописание в XV веке уже существовало (поскольку сохранилось молдавские летописи XV века [Славяно-молдавские]), но позже рукописи были утрачены. С другой стороны, нет никаких указаний на то, что летописание (господарское или монастырское) в те времена велось. Так это или иначе, валашскими летописями мы также не располагаем.

Я.С. Лурье исходит из того, что современники осуждали поведение Влада, что глубоко ошибочно. Отношение средневекового человека к истязаниям было не таким как сегодня: пытки, которые могут показаться изуверскими современному человеку, в те времена были рутинной частью судебной практики, а казни составляли часть образа благочестивого правителя, что мы покажем ниже [см. раздел 2.2.1.].

Смерть Влада изменила прагматику немецких текстов. Другим важным фактором стало распространение в Южной Германии печатного станка, которого при жизни Влада в регионе ещё не было, хотя изобретение станка произошло значительно раньше, около 1440 года. Характер немецких текстов заметно изменился: стала исчезать политизированность, публицистичность, появилась нравоучительность и развлекательность.

Немецкие печатные брошюры, восходящие к первым рукописным листкам, переиздавались десятки раз на различных немецких диалектах с небольшими изменениями до конца XVI века. Латинское переложение этого же текста встречается в «Хронике римских королей» Эбердорфера и в значительно сокращённом виде в «Комментариях Пия II» [Лурье 1964, с. 27]. В более позднее время изредка встречаются только лаконичные упоминания о Владе Дракуле.

Средневековые тексты о Дракуле по объёму невелики; это касается и анонимных немецких авторов, и М. Бехайма, и Ф.В. Курицына, и А. Бонфини. Рассказ А. Бонфини [Лурье 1964, с. 15] занимает не больше страницы, и примечателен лишь тем, что автор прямо называет Влада справедливым и жестоким государем, после чего бегло перечисляет некоторые из историй, приписываемых Дракуле. Сопоставление рассказа А. Бонфини и сообщения А. Мюнцера в «Космографии» показывает их полную идентичность. Последний

раз этот же рассказ встречается у чешского космографа середины XVI века Яна из Пухова [Лурье 1964, с. 17].

Любопытно, что одним из писцов Хронографа 1538 года был монах по прозвищу Дракула – *«многогрешный во иноцехъ Васианъ по реклу Дракула»* [Тупиков, с. 133], что служит доказательством тому, что «Сказание» в этот период читали и переписывали.

«Сказание о Дракуле воеводе», по замечанию Лурье, в глазах русских книжников XVII–XVIII веков оставалось «недушеполезным», отсюда и лёгкое отношение переписчиков к тексту повести. В результате два десятка поздних списков повести, дошедших до нас, представляют не менее девяти различных видов текста, и даже те списки, которые могут быть причислены к одному виду, отличаются друг от друга множеством разночтений.

«Сказание» переписывалось до начала XVIII века, то есть до конца периода, когда Средневековая русская литература сосуществовала с русской литературой Нового времени.

1.3.2. Сочинения о Дракуле XIX–XXI веков

В XVII–XVIII веке и в Новое время интерес к средневековому валашскому правителю Владу Дракуле был небольшим, не больше, чем интерес к Стефану Великому, Михаю Храброму или Мирче Старому. Новых заметных произведений о Дракуле не появлялось, интерес к Владу оживился только в XIX веке.

В 1812 году Ион Будай-Деляну пишет героико-ироническую поэму «Цыганиада» (опубликована 1875–1877) [Budai-Deleanu], где речь идёт о формировании для борьбы с турками армии из одних только цыган, которым Влад Цепеш даёт свободу. Поэма представляет собой аллегорию и не имеет ничего общего с реальными событиями.

В 1847 году Антон Панн упомянул Дракулу в назидательной поэме «Сказ слова» [Pann], а «пашоптист» (представитель движения или поколения участников революции 1848 года) Ион Катина написал пьесу «Влад Цепеш». Александру Мачедонски в 1854 году публикует небольшое стихотворение «Я понимаю тебя, о! Цепеш!», где признаётся, что ему тоже ведомы приступы ярости.

Димитрие Болинтиняну публикует несколько сочинений на историческую тематику – «Влад Цепеш Водэ и Мирча Старый» (1863), «Исторические легенды» (1865), где есть несколько стихотворений о Дракуле, среди которых «Атака Цепеша» [Bolintineanu, p. 35], где без всяких моральных оценок кратко говорится о воинском подвиге – ночной атаке на

армию Мехмета II Фатиха, и стихотворение «Цепеш и послы», свидетельствующее о том, что Димитрие знаком с бродячей историей о турецких послых из немецких памфлетов.

Василе Александри в стихотворении «Влад Цепеш и дуб» (1874) изображает жестокого правителя, но в этот же период Иоан Ненишеску благосклонно описывает воеводу в стихотворении «Влад Цепеш». Ион Лэпэдату в качестве фельетона публикует развлекательную историю «Любовь и месть» (1877), где речь идёт о неразделённой любви Влада, но ничего общего с историческим Дракулой в ней нет.

Нельзя не упомянуть, что Михай Эминеску обращается к Владу в «Послании III» (1881) [Eminescu, p. 44], причём это произошло за пятнадцать лет до выхода романа Стокера и раньше выхода сборника румынского фольклора Петре Испиреску [Лурье 1964, с. 194], довольно сомнительного, поскольку Испиреску часто сам сочинял и дописывал фольклорные тексты.

Из всего этого следует, что память о Владе жила, хотя он и не был популярнее других деятелей румынской истории, причём отношение к Владу в целом не было отрицательным. В Румынии XIX века произведения о Дракуле, как правило, были небольшими по объёму и не затрагивали глубоко ни исторические события, ни образ реального правителя.

В Европе всплеск интереса к Владу произошёл в мае 1897 года с выходом в свет «готического» романа о вампире Дракуле ирландца Абрахама «Брэма» Стокера, хотя в первые годы роман уступал по популярности, скажем, роману «Скорбь сатаны» Марии Корелли.

Разумеется, непосредственно к историческому Владу III Басарабу роман не имел никакого отношения. Об этом писали и историки, и авторы произведений о Дракуле, такие, как, например, К. Хамфрис (подробнее см. раздел 3.1.1.).

Рассказы о вампирах были популярны в Европе задолго до Стокера, примером тому является трактат Огюстена Кальме начала XVIII [Кальме] и русская вампирская новелла XIX века [сборник «Упырь на Фурштатской»].

Жан Мариньи [Мариньи, с. 13] объясняет всплеск интереса к вампирской прозе в Англии конца XIX века викторианским лицемерием – таким образом можно было угодить извращённым вкусам читателя, дать ему эротику, мистику, ужасы, и соблюсти каноны

морали. Так или иначе, роман Стокера породил лавину произведений массовой культуры, которые условно можно разделить на несколько потоков.

Поскольку объект нашего исследования – произведения об исторической личности по имени Владислав III Басараб по прозвищу Дракула (см. **Введение**), то следует очертить круг произведений, представляющих для нас научный интерес. Сегодня существует множество произведений массовой культуры, где Дракула – это просто имя одного из вампиров, которые ничем не выделяются из общего потока развлекательной литературы, литературы мистики и ужасов о вампирах и оборотнях. Нас же интересуют произведения, авторы которых используют историю реального валашского правителя XV века, где есть попытка создать или интерпретировать этот образ максимально близко к реальному, даже если личность героя трактуется своеобразно и в определенных целях.

Несложно умозрительно очертить круг произведений, которые нас интересуют, но сложнее это сделать в специальном исследовании, поскольку на русском и английском языках написаны сотни, а то и тысячи произведений, в которых фигурирует образ Дракулы. Достаточно отметить, что российским «Трансильванским обществом Дракулы» (<http://transilvania71.narod.ru/>) в течении пяти лет проводился литературный конкурс вампирической прозы в номинациях «крупная проза», «малая проза», «миниатюра», «эксперимент», в котором приняли участие буквально сотни авторов. Подробнее об этом пласте литературы можно узнать в статье литературного критика Фотины Морозовой «Упырь в начале тысячелетия» [Морозова 2012].

Приведём небольшой список оригинальной вампирской литературы на русском языке, отметим, что нерусские псевдонимы не должны вводить исследователя в заблуждение (Приложение, Список 1). Существует и другого рода масскультура с упоминанием Дракулы, это большей частью детективы, в том числе исторические (Приложение, Список 2). Помимо этого, значительные объёмы мистической литературы переведены на русский язык с английского (Приложение, Список 3). Существуют и переводы с немецкого, примером чего является такой плодовитый автор, как Ульрике Швайкерт (Приложение, Список 4), однако характер этих произведений абсолютно идентичен «вампирическим» романам русских или английских авторов, в них нет каких-либо национальных или культурных особенностей.

Отдельный поток «вампирической» прозы – эпигоны Брэма Стокера, как на английском, так и на русском языке (Приложение, Список 5), сохраняющих стилистику и художественный мир автора. К сожалению, произведения последователей Б. Стокера нельзя считать произведениями о Владе Дракуле из-за крайне низкого уровня знаний авторов об исторических реалиях (как и у родоначальника жанра). Так, Ким Ньюмен всерьёз говорит об армии «цыган-секеев», Дэниэл Фарсон приводит бродячий сюжет о сожжении нищих в качестве примера этнической чистки, Стивен Джонс в предисловии к Антологии указывает, что Дракула жил в 16 веке, и так далее.

В тоже время существует небольшое число произведений смешанного жанра, скажем, историческое фэнтези с элементами мистики или эротики с некоторыми событиями из истории реального Дракулы, смесь исторического фэнтези с детективом и так далее. Такие произведения могут принадлежать не только к массовой культуре, но и к мидкультуре [см. Макдональд] и при некоторых условиях могут представлять для нас интерес.

И совсем небольшая часть произведений о Дракуле относится к жанрам, представляющим художественные тексты: исторические романы, псевдоисторические фэнтези (Приложение, Список 6), эссе и произведения смешанных жанров. Наиболее интересными нам представляются такие произведения, как исторический роман Криса Хамфриса «Дракула. Последняя исповедь», роман румынского автора Марина Минку «Дневник Дракулы», пьеса Марина Сореску «Третий кол», роман Георгины Виорики Рогоз «Дракулешти», исторические романы русских авторов Елены Артамоновой, Светланы Лыжиной, Вука Задунайского; этим авторам мы уделим большее внимание в Главе 2.

Принадлежность к жанру исторического романа ещё не означает, что текст будет сколько-нибудь художественным, и лучший пример этому – книга Александра и Максима Андреевых «Хочу в Румынию! Подлинная история Влада Цепеша Дракулы». Первая часть книги – невероятно невежественное и поверхностное изложение истории Восточной Европы. Неточностей и грубых ошибок настолько много, что их перечисление не имеет смысла; авторы несведущи настолько, что считают «Дракул» фамилией Влада [Андреев, с. 43]. Вторая часть книги – записки командира «тайной стражи Дракулы», где исторические события излагаются от первого лица, но ни стилистических, ни идеологических различий между предисловием современного автора и дневником XV века нет. Не будем утверждать, что дневник – подделка, потому что в нем нет даже попытки выдать текст за документ

прошлого. Вместе с тем отсутствует и художественная составляющая текста, хотя авторы позиционируют текст как «приключенческий роман».

С другой стороны, есть произведения, которые можно отнести к качественной художественной литературе, однако в них Дракула упоминается только мельком, такие тексты не входят в круг наших научных интересов. Примером такого текста является роман Адольфа Мюшга «Свет и ключ. Роман воспитания вампира» [Muschg], где стокеровский Дракула появляется только как метафора.

Заслуживает внимания исторический роман Александра Юрченко «Федор Курицын. Повесть о Дракуле», посвящённый эпохе Ивана III Васильевича. Но, к сожалению, в центре повествования – думный дьяк Курицын, а Дракула не является значимым героем.

На румынском языке есть произведения патриотической направленности, ориентированные на подростков, но не представляющие художественного интереса, среди них трилогия Василе Лупашка-Сфинтеша «Распятый меж крестов» [Lupaşc].

Наряду с прозой существуют исследования о Дракуле, написанные как в строгом научном стиле, так и в явно беллетристическом, которые не могут быть отнесены к художественной литературе, но где явно выражено отношение автора к Дракуле, среди них наиболее известны труды Я.С. Лурье, М.П. Одесского, Т.А. Михайловой, В.В. Эрлихмана, Э. Миллер, К. Трептова, Р. Макнелли, Р. Флореску, Ш. Андрееску, Н. Стоическу, М. Казаку и других.

1.3.3. Проблемы восприятия средневековой культуры современными авторами

Едва ли не главная черта современных авторов, пишущих о Дракуле – неполнота и искаженность представлений о мировосприятии средневекового человека, его понимания образа правителя, особенностей его сознания. В этом, разумеется, нет ничего неожиданного. Между тем, сегодня существует обширная научная литература о Средневековье, множество работ историков и культурологов, посвящённых особенностям средневекового сознания (Й. Хёйзинга, Ф. Арьес, М. Блок, К.Г. Юнг, А.Я. Гуревич и др.), и, казалось бы, «дракуловедам» должны быть известны эти работы, тем более что книга Йохана Хёйзинги «Осень Средневековья» вышла в далёком 1919 году. Однако, многие авторы, историки и писатели, удивительным образом подобные труды не замечают.

Современные исследователи не всегда учитывают такие особенности сознания

человека прошлого как напряжённость эсхатологических переживаний, привычное отношение к жестокости и насилию, веру в магические ритуалы, склонность к мистике и суевериям, внимание к знамениям и предвестиям, повышенную эмоциональность, грубость нравов, склонность к ярким цветам и прочее. В своей работе мы исходим из принципиального положения: чтобы исследовать авторскую позицию в произведениях Средневековья, важно учитывать особенности мышления средневекового человека, знать начала теологии (сотериологии, эсхатологии) того времени, и в частности, представления об особой роли богоустановленного правителя для коллективного спасения в благочестивом государстве.

Средневековые сочинения зачастую содержат плохо совместимые идеи свободы воли и божественного предопределения; прижизненного и посмертного воздаяния; личной ответственности Государя как человека, и как слуги Бога. Алогичность этих противоречий средневековым человеком может не замечаться или восприниматься как кажущаяся, ибо Бог в средневековом сознании и есть истина, и если нам, смертным, что-то непонятно или кажется противоречивым, то это всего лишь следствие нашего несовершенства. Таким образом, слово Божье, каким человеку прошлого представлялось всякое произведение христианской словесности, не только создаётся по вере, но и воспринимается по вере.

Дискуссия о божественном предопределении велась между Августином и Пелагием, затем этот спор был решен Иоанном Кассианом в духе синергизма – человеку невозможно спастись без Бога, и Богу невозможно спасти человека без воли самого человека. Православная церковь в целом миновала полемику вокруг предопределения: в православной традиции закрепилось воззрение о том, что Бог хочет спасения всех людей, однако оставляет место для свободной воли человека.

Собственно, ордалии («суд Божий»), судебный поединок (славяне называли его «поле») [Момотов, с. 361], основывался на идее прижизненного воздаяния и был воспринят и в Западной, и в Восточной Европе. Люди твердо верили в то, что Бог постоянно вмешивается в повседневную жизнь. *«То уже Богови судити»* – произносили князья перед началом поединка, и его исход принимался за непреложный приговор божественной воли.

По мнению А.В. Каравашкина, «эти пророческие моменты только указывают на возможные пути выбора между добром и злом. Предрешена только неизбежность этого выбора, но не его исход» [Каравашкин 2001, с. 10]. Такая точка зрения неверна

принципиально, поскольку противоречие между свободой воли и божественным предопределением неразрешимо в двоичной логике. Более глубокое рассмотрение этих споров выходит за рамки нашего исследования.

Люди не вполне отличали идеальное от материального, мир был наполнен сверхъестественными силами, люди верили в существование души, таинства, колдовства.

«Для человека прежних эпох магия является совершенно обыденным объяснением происходящего вокруг. Для него несомненно, что болезнь вызывается духами или колдовством, также как мы не сомневаемся, что болезнь имеет так называемую естественную причину. Мы так же мало думаем о колдовстве, как человек прошлого о естественных причинах. На самом деле архаичный человек не более логичен или алогичен, чем мы - просто он думает и живет, исходя из совершенно других предпосылок. И точно так же, как и мы, не задумывается над своими исходными посылками. Но его мышление само по себе не отличается от нашего» [Юнг, с. 159].

Истина средневекового хрониста должна была соответствовать идеальным представлениям, а не грубой реальности. «Это было своеобразное выражение средневекового предпочтения дедукции индукции: писатель стремился выводить всё существующее из общих истин вместо того, чтобы обобщать жизненный опыт» [Лихачёв, с. 86].

Литература Средневековья была не средством самовыражения, а особого рода проповедью. Тогда не было «искусства ради искусства», книжник не писал «для себя», но именно поэтому можно утверждать, что художественные все без исключения нелитературные и нехудожественные в современном понимании жанры [Ужанков 2009, с. 85].

Вместе с тем, по выражению исследователя авторского самосознания древнерусского книжника Е.Л. Конявской, «единого "ключа", который "открывал" бы любого автора, не существует» [Конявская, с. 194].

В любом исследовании о Дракуле мы не раз встретим слово «жестокость». Между тем, исследуя данное понятие, мы обнаружим, что в научной литературе не существует общепринятого понятия жестокости. Ряд авторов предлагают свои подходы к рассмотрению и изучению данного явления, которые зачастую не имеют ничего общего и даже противоречат друг другу. К такому выводу приходит, например, А.П. Барковская [Барковская, с. 1513].

В работах историков и культурологов, посвящённых особенностям средневекового сознания, мы не находим попыток осмысления связей между феноменом жестокости и эпохой. Разумеется, существует достаточно много описаний самих истязаний, скажем, у русского психиатра П.Б. Ганушкина [Ганушкин, сс. 80-84]. Встречаются констатации, что феномен жестокости в разные исторические эпохи имел различное понимание и истолкование [Барковская, с. 1516], однако обычно его исследуют философы, историки права, культурологи, но не «дракуловеды».

Существует точка зрения, что жестокость – оценочное понятие, и оценка конкретного поступка зависит от субъективных моральных представлений и воззрений оценивающего, его социокультурной принадлежности. Отнесение того или иного деяния к «жестокому» зависит от оценок воспринимающего субъекта, но в то же время они определяются психологической атмосферой в обществе, его ценностями, характером и уровнем нравственности, представлений о добре и зле.

Бытует распространённое заблуждение, что казни в Восточной Европе отличались особой свирепостью в отличие от просвещённого Запада. В реальности же всё было ровно наоборот – казни в Восточной Европе не отличались изощрённостью. Историки права утверждают, что «квалифицированные казни» (различные сложные казни за разные преступления) пришли из Западной Европы, где они применялись чаще, за большее число нарушений и отличались большим разнообразием [Рожнов, с. 42]. Причём практика публичных казней в Западной Европе продолжалась до середины XX века.

Таким образом, жестокостью в Средние века считалось немотивированное, бессмысленное насилие, впрочем, как и сегодня. Но сам по себе вид смерти, крови, истязаний не смущал средневекового человека, пытки были обычным элементом судопроизводства. Очевидно, что изуверская жестокость в современном понимании для людей средневековья была вполне совместима с идеей праведности, как и другие поступки и проявления, которые кажутся сегодня недопустимыми. У каждого времени свои истины и свои заблуждения, и чтобы научиться понимать, нужно смотреть в прошлое без осуждения или раболепия, не навязывая времени собственные заблуждения и истины.

1.4. Выводы к главе 1

Произведения о валашском правителе Владе III Басарабе (Дракуле) можно разделить на средневековые и современные, поскольку после XVI века произошёл спад интереса к личности Влада и на протяжении XVII–XVIII веков новые произведения о Дракуле не создавались. Средневековые произведения, в свою очередь, можно разделить на прижизненные (созданные при жизни Дракулы), имевшие чёткую политическую направленность, и посмертные, имевшие иную идейную направленность и прагматику.

Современные произведения о Дракуле на два периода делит появление «готического» романа Брема Стокера «Дракула», вызвавшего своеобразный интерес к личности валашского господаря. В разных литературах этот рубеж приходится на разное время, например, на румынский язык роман Стокера был переведён почти через столетие после выхода в свет, соответственно сдвигается и рубеж нашего деления.

Начало сочинениям о Дракуле было положено посланием воеводы Дана III Басараба, родственника Влада и, соответственно, претендента на валашский престол, к венгерскому королю Матвею Корвину от 2 апреля 1459 года [Bogdan 1905, p. 324]. Это сочинение можно назвать точкой перехода истории о Дракуле в область художественной словесности. Письмо Дана содержит вольное переложение библейской истории из Книги Даниила о трёх еврейских отроках, брошенных в огонь по велению царя Навуходоносора (Глава 1:3). По всей вероятности, из письма Дана библейский сюжет перекочевал в бенедиктинские манускрипты, в поэму мейстерзингера Михаэля Бехайма, в хроники и в первопечатные немецкие «народные книги». Помимо прочего в немецких текстах появляются эпизоды, представляющие собой бродячие сюжеты, явно несвязанные с реальным Владом.

Предположительно около 1484 года в Аккермане было написано «Сказание о Дракуле воеводе», автором которого принято считать думного дьяка Федора Васильевича Курицына. В отличие от немецких публицистов, Ф.В. Курицын избегает прямого морализаторства и не торопится с осуждением Дракулы, в этом к Ф.Н. Курицыну близок итальянец А. Бонфини в «Венгерской хронике», который считал единство жестокости и справедливости обязательным свойством государя.

Немецкие печатные брошюры переиздавались десятки раз на различных немецких диалектах с небольшими изменениями до конца XVI века. В более позднее время изредка

встречаются уже чисто хроникальные упоминания Влада Дракулы.

«Сказание о Дракуле воеводе» в различных вольных переложениях переписывалось до начала XVIII века, то есть до конца периода, когда Средневековая русская литература сосуществовала с русской литературой Нового времени.

В начале XIX века на территории современной Румынии появляются небольшие сочинения, обычно поэтические, в которых упоминается Влад Дракула. Как правило, они не затрагивали глубоко ни исторические события, ни образ реального правителя. Из чего следует, что память о Владе жила, причём отношение к Владу не было отрицательным.

В Западной Европе всплеск интереса к Дракуле произошёл в мае 1897 году с выходом в свет «готического» романа о вампире Дракуле ирландца Абрахама «Брэма» Стокера. Разумеется, непосредственно к историческому Владу III Басарабу роман не имел никакого отношения. Жан Мариньи объясняет всплеск интереса к вампирской прозе в Англии конца XIX века викторианским лицемерием – таким образом можно было угодить извращённым вкусам читателя, и в то же время соблюсти каноны морали.

Так или иначе, роман Стокера породил лавину произведений массовой культуры, которые условно можно разделить на несколько потоков. Прежде всего это сотни, а то и тысячи произведений «вампирической» литературы на английском и русском языках, в которых фигурирует образ Дракулы. Подобного рода литература есть и на немецком языке, характер этих произведений абсолютно идентичен «вампирическим» романам русских или английских авторов, в них нет каких-либо национальных или культурных особенностей. Отдельный поток «вампирической» прозы – эпигоны Б. Стокера, как на английском, так и на русском языке. Существует и другого рода масскультура с упоминанием Дракулы, это большей частью детективы, в том числе исторические. И совсем небольшая часть произведений о Дракуле относится к жанрам, представляющим художественные тексты: исторические романы, псевдоисторические фэнтези, эссе и произведения смешанных жанров.

Наряду с прозой существуют исследования о Дракуле, написанные как в строгом научном стиле, так и в явно беллетристическом, которые не могут быть отнесены к художественной литературе, но где присутствует образ Дракулы и явно выражено отношение автора к его личности.

В дальнейшем в нашей работе мы будем придерживаться определений автора, сформулированных И.Н. Сухих (биографический автор, образ автора, автор-повествователь (или просто повествователь), чистый автор, авторская позиция), и положений, выработанных в полемике М.М. Бахтина и В.В. Виноградова, изложенных нами в разделе 1.1.

Разграничение типов проблематики произведения мы будем проводить в соответствии с типологией А.Б. Есина, изложенной нами в разделе 1.2. Повторимся, что проблематика конкретных произведений никогда не выступает в типологически чистом виде и её можно определить только по доминанте.

2. АВТОРСКАЯ ПОЗИЦИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЛИТЕРАТУРЫ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ О ВЛАДЕ Ш БАСАРАБЕ (ДРАКУЛЕ)

2.1. Образ Дракулы в немецких источниках XV–XVI веков

Известные нам средневековые немецкие тексты о Дракуле, рукописные и печатные, относятся к довольно короткому периоду времени: с 1462 до 1568 года. Достаточно обстоятельный анализ связей между этими произведениями можно найти в работе А.П. Кашперской [Кашперская, с. 59], с которой мы не вполне согласны в части трактовки политических событий, приведших к возникновению бенедиктинских рукописей, однако в силу ограниченного объема исследования предпочтём на этом не останавливаться.

2.1.1. Бенедиктинские манускрипты

Наиболее ранними из известных нам текстов на немецком языке являются рукописные сообщения, составленные бенедиктинскими монахами около 1462 года и сохранившиеся в ряде списков. Самой ранней считается рукопись, находившаяся в бенедиктинском монастыре в Ламбахе (список 1470 года). В 1926 году она была продана и затерялась, однако к тому времени рукопись была издана и ее содержание доступно для исследования [Zimmermann, p. 331]. Аналогичный текст представлен в Санкт-Галленской (список около 1500 года), Кольмарской (4-я четверть XV века) и Лондонской рукописях (конец XV века); текст обычно цитируется по Санкт-Галленскому варианту как наиболее полному. В различных вариантах выделяется 42 эпизода, большая часть которых повторяется во всех манускриптах. Все рукописи относятся к южному региону, язык текста имеет баварские черты [Кашперская, с. 45]. По утверждению Я.С. Лурье, половина эпизодов представляет собой анекдоты или бродячие сюжеты [Лурье 1964, с. 29].

По мнению А.П. Кашперской, фактологическую основу рукописного текста предположительно составляют письма-жалобы семиградского купечества из Брашова (Кронштадт) и Сибиу (Германштадт), а также несохранившийся текст донесения, составленного для папского посланника на латыни и содержавшего обвинения Влада в

сговоре с турецким султаном. Некоторые эпизоды, присутствующие в бенедиктинской рукописи, встречаются в «Комментариях» папы Пия II (до 1464 года).

Однако надо заметить, что «Комментарии» написаны позднее рукописей, поскольку из их содержания понятно, что бенедиктинцам неизвестно о пленении Дракулы. Обвинения Влада в сговоре с султаном перекочевали в ламбахский манускрипт не обязательно из римского донесения, а могли быть изобретены ближе – в Буде или Семиградье. Исследователь А.П. Кашперская нигде не упоминает значительно более раннее письмо Дана III Басараба (5 апреля 1459 года) о Дракуле – можно предположить, что это письмо ей, как и Я.С. Лурье, и другим российским исследователям, неизвестно. Письмо Дана III и ламбахские рукописи разделяют три года, можно предположить, что за это время нарратив как-то развивался, возможно, существовали какие-то промежуточные тексты, которые до нас не дошли.

Некоторые эпизоды рукописного текста основаны на исторических событиях, таких, как поход Влада в Трансильванию. Однако, по замечанию А.П. Кашперской, «реальные факты в немецких текстах намеренно искажаются либо интерпретируются превратно, становясь содержательной основой для создания отрицательного образа Влада III и реализации лингвопрагматической стратегии» [Кашперская, с. 24].

Тексты всех версий бенедиктинских рукописей отличает краткое, сжатое изложение событий. Негативная оценочная лексика используется только в трёх случаях, казни описаны довольно однообразно. В повествовании наблюдаются диалоги, но в очень сжатой форме. Встречаются отсылки к безымянным источникам информации («как говорят некоторые»). Повествование поделено на эпизоды, каждый из которых начинается с латинского *item*, как в хрониках или текстах донесений.

В бенедиктинских рукописях впервые появляется сравнение Дракулы с «языческими тиранами», гонителями христиан прошлых веков.

2.1.2. Констанцская хроника

Произведение, известное как «Констанцская хроника» [Scarpattetti, 279], представляет собой собрание разнообразных исторических сведений от начала XV века до 1470 года. Известен автор хроники – Гебхард Дахер, собиратель книг из Констанца, однако текст содержит всего пять новых эпизодов помимо базового набора. Тексты настолько схожи, что

можно говорить о совпадении содержания и языковых особенностей бенедиктинских рукописей и истории о Дракуле в «Констанцской хронике».

Различия с бенедиктинскими текстами можно увидеть в том, что Гебхард Дахер не ссылается на устные источники, а приводит точное количество убитых – 92 268, которое больше нигде не встречается (факт вызывает сомнение, так как в XV веке в Германии не было городов с населением больше 25 тысяч человек).

Помимо этого, автор хроники сообщает читателю, что Дракула совершал свои злодеяния по наущению дьявола.

2.1.3. Поэма мейстерзингера Михаэля Бехайма

Поэма М. Бехайма «О злодее, прозванном Дракула, воевода валашский» написана в 1463 году и была исполнена при венском императорском дворе как песнопение, сопровождаемое музыкой. Содержательно поэма включает в себя все эпизоды бенедиктинских рукописей и всего несколько новых: о сговоре Дракулы с турецким султаном и о взятии воеводы в плен по приказу короля Венгрии. Тем не менее М. Бехайм называет своим источником некоторого сомнительного очевидца – монаха Якоба.

Основную цель своего произведения автор чётко обозначает с первых же строк поэмы: *«О величайшем злодее и тиране, о котором я когда-либо слышал на всей нашей земле под широким небосводом, которого никто не мог превзойти в его злобе с самого начала мироздания – о нём я хочу поведать в своих стихах»* [Бехайм, с. 501]. Автор стремится вовлечь читателя в действие, заставить его сопереживать жертвам и ненавидеть убийцу. Слушатель должен поверить, что Дракула настоящий *rex iniustus*, несправедливый правитель [см. раздел 2.2.1.], враг христианства. Характерно обилие оценочной лексики: негативной – в отношении личности Дракулы и его поступков, позитивной – в отношении его жертв. Поэма отличается подробными и яркими описаниями казней и пыток, утомительными перечислениями бесконечных зверств.

В тексте упоминается не имя Влада, а только его прозвище – Дракула. Отрицательные герои не имеют имён, как турецкий султан (хотя имя Мехмеда Фатиха было на слуху), или названы прозвищами. Имена положительных героев повествования даются полностью (неоднократно упоминается имя венгерского короля), поскольку указание личного имени

персонажа в тексте всегда делает его более живым и близким читателю. Заметим, что этим же приёмом пользовался и Ф.В. Курицын.

Примечательная особенность немецких текстов о Дракуле заключается в том, что валашский господарь в них назван язычником. Православных часто называли «неверными», «нехристями», когда это было выгодно с общественно-политической точки зрения, так же именуется и Дракула. Количество убитых очевидно преувеличено: если бы население упомянутого Алмаша действительно составляло 30 000 или более человек, это была бы не деревня, а крупный и значимый для своего времени город.

Я.С. Лурье отказывается считать бенедиктинские рукописи повестью, поскольку в них отсутствует окончание и не выражена идея произведения. В поэме М. Бехайма такое окончание есть, и в нем, разумеется, звучит идея справедливого возмездия.

Среди языковых особенностей поэмы А.П. Кашперская выделяет несколько категорий [Кашперская, с. 83]: средства создания отрицательного образа – негативная оценочная лексика, подробные описания казней, совершённых по приказу Дракулы, упоминание о том, что Дракула был язычником, а также лишение отрицательных персонажей имени собственного.

Средства создания эффекта достоверности изображаемого – указание на источник информации о событиях, которым является некий монах Якоб:

*«Так убежал брат Яков,
жил в Нейштадте, в монастыре,
при императорском дворе
казненного оплавав.
Я, Михаэль Бехайм, с ним там
беседовал, бывало, сам
о грозном воеводе ...»* [Бехайм, с. 528]

Поэма содержит топонимы Трансильвании:

*«Названья их не тайна,
хоть нет им, кажется, числа;
сожжен был Клостерхольц дотла
и Нойдорф, и Хольцмайна».* [Бехайм, с. 507]

Приводятся даты происходящих событий, количество убитых и пострадавших:

*«Смерть лучше поруганья.
Убито тысяч двадцать пять.
Подобному подсчету внять
нельзя без содроганья».* [Бехайм, с. 518]

Созданию правдоподобия повествования служит также подробное описание видов казней, которые применял Дракула:

*«Играл он черепами,
тела гвоздями исколов,
мозг выбивая из голов
дубинами, цепами».* [Бехайм, с. 515]

Средства эмоционального воздействия на слушателя – риторические вопросы, императивные предложения – обращения к слушателю. Диалоги создают эффект присутствия и живо передают происходящее в сюжете. В описании жертв приводятся вызывающие сочувствие подробности, контрастирующие с описаниями зверств Дракулы, насыщенными пугающими деталями.

2.1.4. Немецкие «народные книги»

Дальнейшая популяризация истории о Дракуле продолжилась после его смерти. Возможно, этого бы не случилось, если бы именно в этот период в регионе не появился переносной печатный станок. Выбор тематики для небольших брошюр определялся спросом читателя: популярны были, среди прочего, страшные истории и рассказы, связанные с войной с турками. Точкой перехода историй о Дракуле к преимущественно коммерческой прагматике считается издание Марка Айрера 1488 года [Кашперская, с. 45].

До настоящего момента известно 13 печатных изданий истории о Дракуле: 7 из них датируются XV веком, в XVI веке были напечатаны ещё 6 [Кашперская, с. 57].

1. Издание Марка Айрера, 14 октября 1488 г., Нюрнберг. Название: *Die geschicht Dracole waide.*
2. Издание Петера Вагнера, около 1488 г., Нюрнберг. Название: *Dracole waida.*
3. Издание Варфоломея Готана, между 1488 и 1493 гг. [Harmening 1983: p. 83], Любек. Название: *Vnd deme quaden thyrane Dracole wyda.*

4. Издание Ханса Шпорера, 1491 г., Бамберг. Название: *Ein wunderliche vnd erschrockenliche hystori von einem großen wuttrich genant Dracole wayda.*
5. Издание Мартина Ландсберга, 1493 г., Лейпциг. Название: *Ein wunderliche vnd erschrockenliche History von einem grossen wuterich genant Dracole Wayda.*
6. Издание Кристофа Шнайттера, 27 марта 1494 г., Аугсбург. Название: *Hie facht sich an gar ain graussemliche erschrocke ystoren von dem wilden wutrich Dracole Wayde.*
7. Издание Амброзиуса Хубера, 1499 г., Нюрнберг. Название: *Hie facht sich an gar ein graussemliche erschrockenliche hystorien von dem wilden wutrich Dracole wayde.*
8. Издание Маттиаса Хупффуфа, 1500 г., Страсбург. Название: *Hie facht sich an gar ein graussemliche erschrockenliche hystorien. von dem wilden wutrich Dracole weyde.*
9. Издание «печатника Йегера», около 1502 г., Гамбург. Лист 1 отсутствует, текст начинается со слов: *vnde speten van deme mynsten beth tho dem meysten yunk vnde olt.*
10. Издание Йоханнеса Штукса, около 1520 г., Нюрнберг. Название: *Von dem Dracole Wayda Dem grossen Thyrannen.*
11. Издание Йобста Гуткнехта, 1521 г., Нюрнберг. Доступные для исследования экземпляры отсутствуют.
12. Издание Мельхиора Раммингера, 1520-1542 гг., Аугсбург. Название: *Von dem Dracole Wayda dem grossen Thyrannen.*
13. Издание Маттеуса Франкена, 1559-1568 гг., Аугсбург. Название: *Von dem Dracole Wayda dem grossen Thyrannen.*

Издания разделяются на две основные ветви: верхненемецкую, происходящую от издания печатника Марка Айрера 1488 года в Нюрнберге, и нижненемецкую, основанную на издании печатника Варфоломея Готана в 1488-93 годах. Как указывает А.П. Кашперская, наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что все тексты печатных изданий восходят к варианту Айрера, но не непосредственно, а через издание Вагнера. Эта гипотеза

основывается на том, что единичные изменения, внесённые Вагнером в текст издания Айрера, переходят в последующие издания [Кашперская, с. 120].

В народных книгах о Дракуле появляется заключительный эпизод, в котором прослеживается новая общественно-политическая концепция, сформировавшаяся при дворе Матьяша Корвина после освобождения Влада III из заточения. В них Дракула представлен раскаявшимся и вставшим на путь истинный благодаря мудрости венгерского короля. После долгого плена в суровых условиях Дракула публично крестился и принёс великое покаяние, и тогда благородный король Матиаш вновь сделал его правителем Валахии. После этого Дракула совершил много добрых дел, потому что стал христианином.

Описания казней в народных книгах заметно сокращены. Массового читателя могли утомить чересчур длинные описания деталей и обилие незнакомых географических названий. Акцент смещается с демонстрации злодеяний тирана на утверждение морали о том, что даже самый худший грешник, принеся покаяние, может исправиться и стать хорошим человеком.

Любопытный момент заключается также в том, что негативные характеристики в первопечатных текстах чаще относятся к действиям Дракулы, чем к его личности и характеру. В некоторых эпизодах действия Дракулы даже оправдываются: в истории о том, как он приказал сжечь нищих, они названы не бедняками, как в бенедиктинских рукописях, а попрошайками. На этом фоне логичной выглядит мораль последнего эпизода, в котором повествуется о том, как Дракула в конечном счёте покаялся и начал творить добрые дела, потому что стал христианином.

А.П. Кашперская предлагает общий перечень эпизодов, встречающихся в немецких текстах о Дракуле [Кашперская, с. 135], на который в дальнейшем нам будет удобно ссылаться при анализе других произведений, в том числе и текстов современных романов о Владе Дракуле:

1. О том, как прежний наместник велел убить старого Дракулу;
2. О том, как Дракула убил воеводу Ласло;
3. Разорение поселения Клостерхольц;
4. Разорение поселения Бекендорф;
5. Дракула установил день перемирия, но и нарушил его;
6. О сожжении юношей, приехавших изучать валашский язык;

7. О том, как был уничтожен целый род;
8. О казнях и том, как варили людей в котлах;
9. О казни молодого Дана;
10. О послых из Венгрии, которых Дракула заставил ждать приёма 5 недель;
11. О походе в Бурценланд;
12. О том, как Дракула завтракал среди посаженных на кол;
13. О разграблении церкви;
14. О послых из Сибиу (Германштадта);
15. Разорение поселения Фэгэраш;
16. О том, как Дракула спрятал сокровища;
17. О том, как ловили раков на отрубленную голову;
18. О нерадивой жене крестьянина;
19. О разорении Химилаша;
20. О разорении Шильтау;
21. О налогах;
22. О казни монахов и их осла;
23. О цыганах, наряженных в коровьи шкуры, чтобы пугать турок;
24. О том, как Дракула велел изжарить детей;
25. О том, как Дракула велел прибить послам шапки к головам;
26. О разорении поселения Цайдинг;
27. О разорении Тунау;
28. О том, как Дракула велел продевать шнур через нос жертвам и таскать их за него;
29. О том, как варили людей в котле;
30. О разорении Кольматца;
31. О том, как убивали грудных детей;
32. О том, как людей опускали головой в котёл;
33. О том, как людей насаживали на кол боком;
34. О цыгане-воре;
35. О почтенном человеке, которого убил Дракула;
36. О священнике, проповедовавшем, что грехи не отпускаются;

37. О том, как Дракула спрашивал придворных, сколько государей они помнят;
 38. О любовнице Дракулы;
 39. О том, как людей шлифовали на шлифовальном камне;
 40. О том, как людей закапывали по пояс;
 41. О бедняках, которых Дракула велел сжечь;
 42. О взятии Дракулы в плен;
 43. О сговоре Дракулы с турецким султаном;
 44. О юноше, которому понравился хорошо обструганный кол;
 45. О после, сказавшем Дракуле правду о его жестокости;
 46. О посольстве от турецкого султана;
 47. О том, как Дракула посадил на кол всё турецкое посольство;
 48. О том, что Дракула в 15-й раз разорил свои земли и убил людей без числа;
 49. О том, что, помимо упомянутых убитых, Дракула казнил ещё 92 268 человек;
 50. О том, как Дракула в плену крестился и принёс покаяние, получил свободу от венгерского короля и после того сделал немало добрых дел.
- Эпизоды, добавленные в печатных книгах после 1499 года:
51. О том, как Дракула спрятал свои сокровища;
 52. О ярмарке;
 53. О купцах на рынке.

Аналогичный перечень есть и у Я.С. Лурье [Лурье 1964, схема сс.32-33], но нам представляется каталог А.П. Кашперской в целом более систематичным.

2.1.5. Прагматика и жанр

«Большинство текстов о Дракуле рассчитаны на реакцию определённой аудитории (духовенство для бенедиктинских рукописей, придворные императорского двора в Вене для М. Бехайма, массовый читатель, «народ», включая женскую аудиторию, для издателей

народных книг). Издатели историй о Дракуле стремились к тому, чтобы охватить максимально широкий круг предполагаемых реципиентов. Среди них можно выделить 5 групп адресатов: 1) религиозные деятели; 2) политики; 3) учёные; 4) феодальная элита (4а – женщины); 5) массовая городская публика (+ 5а – женщины)» [Кашперская, с. 45].

Связь между прагматикой и жанром М.М. Бахтин сформулировал так: «Произведение, как и реплика диалога, установлено на ответ другого (других), на его активное ответное понимание, которое может принимать разные формы: воспитательное влияние на читателей, их убеждение, критические отзывы, влияние на последователей и продолжателей и т. п.; оно определяет ответные позиции других в сложных условиях речевого общения данной сферы культуры. Речевой замысел говорящего со всей его индивидуальностью и субъективностью применяется и приспосабливается к избранному жанру, складывается и развивается в определенной жанровой форме» [Бахтин 1979, с. 237].

Различие аудиторий, на которые предполагалось воздействовать, обусловило некоторое разнообразие жанров, в которых представлены немецкие тексты о Дракуле.

Надо отметить, что не прослеживается влияния произведений Ф.В. Курицына и А. Бонфини на немецкую историю о Дракуле – даже поздние немецкие тексты содержательно близки к ламбахским манускриптам.

2.2. Образ Дракулы в «Сказании о Дракуле воеводе»

М.М. Бахтин выделяет три среды: литературную, идеологическую и социально-экономическую, – без учёта которых нельзя изучать, то есть правильно понять литературное произведение [Медведев, с. 33].

Прежде чем рассматривать сюжет, композицию, идейно-художественное своеобразие произведения, рассмотрим историческую ситуацию в период создания «Сказания о Дракуле воеводе» и идеологические концепции конца XV века, необходимые для понимания средневекового русского текста.

Заметим, что образ мысли и круг чтения элиты православной Валахии в XV веке в целом мало отличался от системы взглядов и круга чтения элиты других православных стран этого времени – Болгарии, Сербии, Руси.

2.2.1. Образ идеального правителя в культурно-историческом контексте

Средневековые русские книжники видели жизнь человека, историю народа, предназначение правителя исключительно в эсхатологической перспективе, следовательно, средневековый текст нельзя рассматривать, не затрагивая представлений об «истине» и «правде», богоданности власти, коллективном спасении в христианском царстве, идее Ромейского царства, доктрине династического мессианства и так далее. Существенным представляется рассмотрение образа идеального правителя с точки зрения особенностей сознания средневекового человека: спокойного отношения к жестокости, веры в магические ритуалы и многого другого (подробнее см. раздел 1.3.3.). Очевидно, что такое исследование должно носить междисциплинарный характер, не случайно подобной проблематикой занимались представители разных наук: филологи, историки, культурологи и философы.

Представления об особой роли богоустановленного правителя для коллективного спасения в благочестивом государстве значительно старше концепции «Москва – Третий Рим» и легенды о происхождении Рюриковичей от императора Августа. В «Поучении Агапита», которое попало на Русь предположительно в 1076 году, читаем: *«Если свершит проступок кто-то из подданных, то это не относится ко всем, поскольку он вредит лишь самому себе – если же это будет сам правитель, то он наносит ущерб всему государству»* [Буланин, с. 300]. Довольно близкое толкование находим в «Повести временных лет»: *«Так думал он в гордости своей, не зная, что "Бог дает власть кому хочет, ибо поставляет Всевышний цесаря и князя, каких захочет дать". Если же какая-нибудь страна станет угодной Богу, то ставит он ей цесаря или князя праведного, любящего справедливость и закон, и дарует властителя и судью, правящего суд. Ибо если князь справедлив в стране, то много согрешений прощается стране той; если же злы и лживы, то еще большее зло насылает Бог на страну ту, потому что князь – глава земли»* [Повесть, с. 182] (возможно, это реминисценция из Книги пророка Даниила, предупредившего царя Вальтасара о неизбежном возмездии).

Богоизбранный Государь заботится о чистоте веры, становясь защитником справедливости и исполнителем казней Божиих, поскольку мир во зле лежит, а человеческая природа осквернена грехом. Его высшая цель – направить подданных на стяжание жизни вечной, и наказывая холопов, господин спасает их не от земного огня, а от огня будущего,

адского. Наказывая подданных, царь вольно или невольно может нанести ущерб своей душе и даже, возможно, пожертвовать личным спасением. Но Государь скорее спасет других, чем спасется сам, и только надежда на Божью милость может укрепить его духовно [Каравашкин, с. 134].

Предстоящая расплата царя за свои грехи не освобождает подданных от необходимости повиноваться ему и не уменьшает его харизмы. Возможно, здесь следует отметить ещё одну особенность средневекового сознания: грешник, будучи правителем или священником, не спасает свою душу, но это не уменьшает действенность выполняемых им сакраментальных актов, – указывает историк А.Я. Гуревич [Гуревич 1984, с. 82]. Царь не подлежит людскому суду и не обязан отчитываться перед своими подданными, не говоря уже о том, чтобы делить с ними власть; попытки призвать царя к ответу отметались как проявление нечестия и даже богохульства. Государь подчинен одному Богу и служит только ему, подданные получают закон от государя и обязаны ему всецело повиноваться как лицу, получившему помазание Божье [Гуревич 1984, с. 47].

В то же время, Церковь иногда настаивала на исключительном праве решать в каких случаях монарх перестает быть Божьим ставленником, поскольку лишь Церковь возвещает Божью волю, лишь она одна способна отличать *tyrannus* от *rex iustus*, и только Церковь может освобождать подданных от обязанности повиноваться тирану. Идеологи неограниченной монархии указывали на противоречие с известным изречением апостола Павла, утверждающего, что покоряться следует всем властям, поскольку не может быть власти не от Бога (Послание к Римлянам, гл. 13). Об этом же пишет и Фома Аквинский в «Сумме теологии»: нельзя исключать, что произвол правителя – зло, посланное подданным за грехи; в любом случае сопротивление – грех [Фома, с. 44].

Современному человеку может показаться, что подчинённость одному лишь Богу означала произвол царской власти. Вот как об этом писал историк права В.Е. Вальденберг: «Находят, что учение о загробной ответственности царей перед Богом является недостаточной сдержкой для эгоистических стремлений, и что ответственность земная более бы импонировала людям. Но это едва ли вполне верно. Для людей, религиозно настроенных, испытывающих живую веру, загробная ответственность является весьма действительной силой и может заставить сдерживаться там, где оказалась бы бессильной ответственность перед какими бы то ни было земными трибуналами» [Вальденберг, с. 174]. Другими словами,

предел царской власти – в истинах православной веры, царь не может их изменить и обязан соблюдать в любом случае.

На Руси пределы княжеской власти обсуждались книжниками в нескольких аспектах: возможность вмешательства князя в церковные дела (в частности – возможность наказания еретиков), возможность участия церкви в светских делах (вопрос о монастырском имуществе), а также роль бояр в государственных делах. Как до княжения Василия Темного, так и после этого, существовало два направления – признававшее вмешательство князя в церковные дела и отрицавшее за ним право на вмешательство; оба эти направления продолжали существовать и имели своих видных представителей [Вальденберг, с. 145].

Представления об исключительной роли правителя в идеальном государстве воспринимались как часть учения о «странствующих царствах», восходящее к Книге пророка Даниила (2, 36-45). Согласно пророчеству, в земной человеческой истории будет четыре царства, наделенных особой Господней Благодатью, но четвертое царство падет под натиском сил антихриста. А затем будет создано вечное царство Божие: *«И во дни тех царств Бог Небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно»* (Дан. 2, 44). Книга пророка Даниила, а также её толкования II-VIII веков были известны на Руси. В конце XV века в составе Геннадиевской Библии была переведена Третья книга Ездры, в которой также содержались пророчества о конце света и о четырех царствах.

«Ромейское царство» появляется с приходом Спасителя на землю, поскольку Христос, по свидетельству евангелиста Луки, «записался в Римскую власть» – объявил себя гражданином Римской империи. Таким образом, божественная благодать через Христа перешла на Рим, превратив его в мистический образ «неразрушимого» христианского Царства.

После падения Византии (причиной чему, по представлениям русских богословов, была Ферраро-Флорентийская уния и грехи византийской элиты) христианский мир в понимании Православной церкви сократился почти до пределов Руси, и на Москву легла величайшая историческая ответственность – быть защитником Православия. Первые десятилетия были живы ожидания чудесного освобождения Константинополя от неверных, но потом пришло понимание, что Руси предстоит быть «новым Римом», и об этом стали говорить ещё в XV веке: митрополит Зосима Брадатый сформулировал основы доктрины

«Москва – Третий Рим», а позже старец Филофей, инок Псковского Елеazarова монастыря, писал [Послание на звездочетцев, с. 290]:

«Да веси, христоролюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конецъ и снидошася во едино царство нашего государя, по пророчским книгам, то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

«Так знай, боголюбец и христоролюбец, что все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, это и есть Римское царство: ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать» (перевод В.В. Колесова).

Доктрина «Москва – Третий Рим» возникает как религиозная доктрина преемственности мировых христианских царств, эсхатологическое учение, основанное на промыслительном отношении к судьбам мира [Синицына, с. 328], но никак не на идее национальной исключительности или византийского наследства.

Вторая половина XV века в истории России отмечена рядом значимых событий. Княжение Василия Темного давно рассматривается как поворотный пункт в развитии русских государственных идей [Вальденберг, с. 141] – на него приходятся Флорентийская уния (1439) и падение Царьграда (1453), эти события существенно повлияли на учения о царской власти и месте России во всемирной истории. Падение Константинополя и завоевание турками Византии были восприняты как следствие повреждения веры, после чего русские отказались от подчинения константинопольскому патриарху и образовали свою автокефальную церковь во главе с митрополитом [Успенский, с. 100]. В правление Ивана III Васильевича происходит распад Орды и окончательное освобождение от господства ордынцев (стояние на Угре, 1480), что тоже воспринимается в соответствии с теологическими представлениями русского средневековья, ведь монголо-татарское нашествие всегда воспринималось как Божья кара, как наказание за отход от благочестия.

Следует также помнить, что в конце XV века истекла седьмая тысяча лет от сотворения мира и ожидался конец света, поскольку «у Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет как один день» (II послание Петра 3:8), несмотря на прямое указание о том, что дату конца света знать нельзя: «о дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Матфей 24:36).

Мы рассматриваем ситуацию конца XV века, когда идеология меняется от

эсхатологической концепции «последних времен» к концепции Третьего Рима [Ужанков, с. 119]. Однако мессианские идеи стали появляться на Руси практически со времени крещения [Талмазан 2019, с. 64]: в «Слове о законе и благодати» митрополит Иларион Киевский [Слово, с. 26] пересказывает ветхозаветную историю Агари, служанки Авраама, и его жены Сарры, приравнивая Исаака («свободного сына свободной матери») к последователям христианства, а Измаила («сына рабыни») – к иудеям. Иларион подчеркивает, что Закон появился до Благодати так же, как Измаил родился до Исаака, поэтому как Авраам отверг Агарь, так Господь отверг и Израиль (Мф. 21:43). Евангелие распространится по всей земле, в то время как «озеро Закона пересохло». Старые мехи из притчи Иларион уподобляет иудеям, а новые – язычникам, воспринявшим благодать посредством крещения и причастия. Русь приняла христианство позже других «языков» (между крещением Руси и речью Иллариона прошло сравнительно немного времени) и в этом, безусловно, усматривался провиденциальный смысл.

Некоторые исследователи [Исаков Неупокоева, с. 640] видят в «Сказании о Дракуле» характерное для абсолютизма представление о государственном суверенитете (единство суверенитета – ренессансная идея), гарантом которого является не народ, а именно государь. Но эти представления не противоречат традиционным русским концепциям власти государя, а притча о двух монахах [см. раздел 2.2.3], очевидно, противоречит представлениям Нового времени.

2.2.2. Восприятие феномена жестокости в традиции изучения «Сказания»

Люди Средневековья были искренне убеждены в необходимости суровых наказаний: христианская любовь не имела отношения к преступникам. Важно только, чтобы наказания были справедливыми: «по вору и мука» гласит известная поговорка. Никого не должны обманывать призывы к «кротости» со стороны монахов и книжников – те же самые люди призывали к беспощадным расправам с еретиками; противоречий между свирепыми казнями и заповедью «не убий» люди того времени не видели.

По представлениям той эпохи в природе вещей нет ничего такого, что могло бы отличать добро от зла: добро есть то, что согласно с волей Божией, а зло – то, что ей противоречит.

«Аще и убьет кто по воли Божии, человеколюбие всякого есть лучши убийство оно;

аще и пощадит кто и человеколюбуется чрез волю Божию, и не угодно есть Ему, убийства всякого неподобнейше будет то пощадение; не естество бо вещем, но Божии судове добра и злая быти творят» (Иоанн Златоуст, Против иудеев, Слово 4).

«Если убьет кто по воле Бога, убийство это лучше всякого человеколюбия. Если и помилует кто из человеколюбия вопреки тому, что угодно Богу, – недостойнее всякого убийства будет это помилование. Не природа вещей, но Божий суд делает их добрыми или дурными» (перевод А.А. Алексеева).

А вот как «гуманист» Максим Грек предлагал поступать по отношению к еретикам: *«и смутившаго убо паству Спасову предадите внѣшней власти въ казнь, да и ины накажутся не приложити имъ смущати овця Спасовы»* [Сочинения, с. 42]

В Западной Европе пытки (ордалии) были совершенно обычным, нормальным способом вести следствие не только в «мрачном» Средневековье, но и в эпоху Ренессанса в XV–XVI веках. В русском законодательстве судебный поединок (но не рыцарские турниры) сохранялся до XVI века. В Западной Европе после XVI века судебные поединки были отменены, но распространились дуэли.

Изуверская жестокость в современном понимании для людей средневековья была вполне совместима с праведностью и справедливостью, как и другие поступки и проявления, которые кажутся сегодня недопустимыми.

Современные исследователи не всегда верно воспринимают события прошлого. Так Я.С. Лурье подчёркивает: «Заметим ещё раз: мы отнюдь не считаем "Повесть о Дракуле" официальным произведением, цель которого заключалась в изображении идеального государя. Ни одна власть в мире не признала бы своего тождества с "диаволом", пировавшим среди кольев, на которых разлагались трупы казнённых им людей» [Лурье 1964, с. 56]. Попробуем доказать, что это мнение ошибочно – власть вполне могла желать выглядеть именно так. Для этого сравним образ Дракулы с историческим «воеводой Стефаном Молдавским», упомянутым в «Сказании». Стефан III Мушат (Стефан Великий или Добрый у Григоре Уреке) в некотором смысле является историческим двойником реального Влада III Басараба: Стефан был сверстником и кузеном Влада, внешне их методы правления были неотличимы – Стефан так же жестоко карал бояр, сажал на колья изменников, применял против турок тактику выжженной земли, а Влад, так же, как и Стефан, занимался благотворительностью и строительством монастырей, жертвовал на Афон. Возможно,

Стефан был более расчётливым и удачливым, но если говорить о жестокости, то оттенки изуверства и безрассудности Стефана и Влада современному человеку разглядеть вряд ли возможно.

Приведем несколько фрагментов из «Молдавско-немецкой летописи»:

«В месяце феврале 27 дня воевода Стефан пошел к Браиле в Мунтении и пролил много крови, сжег торг и не оставил в живых даже ребенка в чреве матери, а распарывал животы беременным и вешал младенцев им на шею».

«Господь помог ему уничтожить их, тех же, кого изловили живыми, он велел сажать на колья крестообразно через пупок, всего примерно 2300; и был занят этим два дня (...) и пошел с большой добычей и радостью в Сучаву, воздавая хвалу Господу Богу со своим владыкой, архиереями и дьяконами, потому что с Его помощью удалось совершить такое» [Молдавско-немецкая, с. 48].

«В октябре месяце первого дня снова выступил воевода Стефан с Басарабом и с большим войском в Мунтению и подошел к замку, который называется Тележан, взял в плен наместника и отсек ему голову. И захватил много его цыган, которые там находились, и велел многих цыган зарубить, так что кровь текла из замка; и поджег замок; и поставил опять Басараба господарем страны и передал ему страну, и наказал многих бояр, которые не хотели ему повиноваться» [Молдавско-немецкая, с. 50].

Может показаться, что летописец был врагом Стефана Великого и осуждал его, но следует иметь в виду, что хроника была написана по заказу господаря Молдавии, более того, написана на немецком языке, чтобы достойно представить Государя Европе. Можно не сомневаться, что именно таким ему и хотелось выглядеть. Кто, кроме Господа, мог даровать Стефану победу? Богу было угодно, чтобы Стефан вырезал изменников в Браиле до последнего человека, и Церковь в этом была рядом с Государем, поддерживала его.

Стефан отправил хронику в Нюрнберг в 1502 году, через четверть века после смерти Влада. Весьма вероятно, что он был знаком с сочинениями о Дракуле – немецкими, венгерскими или со «Сказанием», или же мог наблюдать произведённый этими сочинениями эффект. Но может быть, Стефану этого и не надо было – он знал своих современников. Таким образом, «Молдавско-немецкая летопись» могла даже утрировать жестокость Стефана. В любом случае, существование подобных документов должно изменить отношение исследователя к «Сказанию о Дракуле» и к феномену жестокости в Средние века в целом.

Обратимся к мнению филолога М.П. Одесского: «Жесток Дракула был патологически даже по тем мрачным временам. Жесток и к врагам, и к союзникам, и к подданным: рубил головы, сжигал, сдирал кожу, принуждал к людоедству, варил заживо, вспарывал животы, сажал на кол и т.д. Колья различались – в зависимости от социального статуса приговоренных – по длине, диаметру, цвету, из них составлялись прихотливые геометрические фигуры, нечто вроде «сада пыток» [Одесский 2009, с. 74]. «Его кровожадную изощрённость европейцы воспринимали в качестве некоей восточной экзотики, абсолютно неуместной в "цивилизованной" державе» [Одесский 2009, с. 80]. Таким образом, М.П. Одесский уверен, что исторический Влад III Басараб выделялся патологической жестокостью (что, вообще говоря, ниоткуда не следует), и считает жестокостью именно способ казни, а не причину и уместность её применения. Российский исследователь убеждён, что в Европе (вероятно, в Западной, поскольку Валахию он Европой не называет) такой варварский способ казни был экзотичен и неуместен. Однако историки права утверждают, что «квалифицированные казни» (различные изощрённые казни за разные преступления) пришли на Русь с Запада, где они применялись чаще, за большее число нарушений, и отличались большим разнообразием [Рожнов, сс. 42-59]. Продолжалась практика публичных изуверских казней в Западной Европе значительно дольше, чем в России: достаточно вспомнить казнь Робер-Франсуа Дамьена, состоявшуюся на Гревской площади Парижа 28 марта 1757 года – всего за тридцать шесть лет до Французской Революции. Подробности этой казни воспроизведены в свидетельствах современников и периодической печати того времени.

«Дамьена предполагалось четвертовать, но сначала его вздернули на дыбу, потом жгли горячей серой, рвали куски мышц раскалёнными щипцами, вырывали соски, а в свежие раны заливали расплавленный свинец, кипящее масло и горящую смолу. Священники же в это время призывали его покаяться. Затем его привязали к четырем лошадям, чтобы разорвать на части. Лошади рвались, их стегали кнутом, Дамьен страшно кричал, но всё никак не удавалось оторвать хотя бы одну ногу или руку. Добавили еще лошадей, пробовали направлять лошадей по-другому, но безуспешно. После нескольких попыток одна из лошадей упала. Тогда тело Дамьена надрезали в бёдрах и у подмышек, лошади потянули и оторвали ногу. Толпа на площади и аристократы в окнах захлопали в ладоши. Когда оторвали все конечности, тело ещё дышало, глаза жертвы скользили взглядом по толпе. То, что осталось от Дамьена, бросили на костёр, а после сожжения пепел развеяли по ветру» [Емельянова, с.

65].

Подобного рода примеры показывают несостоятельность представлений, близких к взглядам Я.С. Лурье и М.П. Одесского.

Психиатр Б.П. Ганушкин в статье «Сладострастье, жестокость и религия» высказывает мнение о связи между этими чувствами: «Три чувства, совершенно различные на первый взгляд, – злоба, сексуальная любовь и религиозное чувство, – если опираться на множество фактов и соображений, находятся друг к другу в большой близости; тогда, когда возрастает их интенсивность и в особенности, когда злость трансформируется в жестокость, в свирепость, сексуальная любовь в сладострастие и религиозное чувство в фанатизм или в мистицизм, тогда эти три чувства совпадают или смешиваются без заметных границ» [Ганушкин, сс. 42-59]. Однако изучение этого вопроса выходит за рамки нашего исследования.

Интересно, что, говоря об итальянцах, Я.С. Лурье признаёт, что «жестокость» может быть полезной и необходимой для правителя [Лурье 1964, с. 51]: «Таким образом, жестокость Дракулы не противоречила у Бонфини его оценке как справедливого государя – напротив, жестокость и ярость (как и "финикийское коварство") представлялись итальянскому гуманисту в некоторых случаях необходимыми свойствами правителей. И здесь нам на память неизбежно приходит единомышленник и младший современник Бонфини – флорентиец Никколо Макиавелли» (из русских авторов с Макиавелли часто сравнивают Ивана Пересветова [Талмазан 2020-2021, с. 156]). В то же время Я.С. Лурье неизменно осуждает Ивана Грозного, многократно называя его «русским Дракулой» [Лурье 1964, сс. 53,71,76 и т.д.] и не желая задуматься о мотивах поведения правителя. Хотя, если разобраться, то по количеству жертв и затейливости казней Торквемада, Генрих VIII, Кромвель, Екатерина Медичи существенно превосходили Ивана Грозного.

Возможно, из-за погружённости в образ литературного героя, российские исследователи не замечают набожности исторического Влада III Басараба – никто не говорит о возведённых храмах, о пожертвованных монастырям сёлах и землях, о жертвах на Афоне, поскольку это не вяжется с образом мифического Дракулы. Тем не менее, сохранились и хорошо известны румынским историкам жалованные грамоты монастырям Козия, Тисмана, Комана, Снагов, монастырю святого Пантелеймона на Афоне. В монастыре Говора находится колокол с надписью: *«Этот колокол был отлит во имя Господа Бога нашего и Святого*

Николая в 6965 (году от сотворения мира)», то есть, в 1457 году, в начале правления Влада. В церкви близ городка Тыргшор сохранилась каменная плита с надписью: «Милостью Божьей Іw Влад, воевода и господин всей земли Угровлахийской, сын великого Влада воеводы, построил и завершил сей храм июня 24, в лето 6969 (1461), индикт 9», – и это только то, что дошло до нашего времени [Лыжина, Богоугодные дела Дракулы].

2.2.3. Притча о двух монахах и толкование других фрагментов

Притча о двух монахах является частью «Сказания о Дракуле воеводе», необходимой для понимания идеи произведения [Талмазан 2023а, с. 151]. Фабула притчи состоит в том, что Дракула показывает монахам трупы казнённых людей и задаёт им вопрос: «Хорошо ли я поступаю?». Первый монах отвечает Дракуле: «Нет, государь, ты творишь зло; подобает государю быть милостивым. Те, кого ты посадил на кол, – мученики». Второй же монах говорит: «Ты, государь, поставлен богом, чтобы казнить лиходеев, а добрых награждать. Они творили зло и наказаны по заслугам». И что же ответил им Дракула?

Чтобы верно понять суть притчи, важно учитывать особенности мышления средневекового человека, в частности, представления об особой роли богоустановленного правителя для коллективного спасения в благочестивом государстве (см. раздел 2.2.1.).

Заметим, что погибнуть в мучениях совсем не означало стать мучеником: мучениками становились только погибшие за веру и за правое дело. Погибший от руки нечестивого царя, тирана действительно входил в это число – становился мучеником и получал спасение души в загробном мире. Но не зная, кто и за что был наказан, нельзя судить о том, был ли человек мучеником.

Однако вернёмся к притче дьяка Курицына. Из наших объяснений очевидно, что первый монах вынес суждение, не зная обстоятельств дела: если казнённые были преступниками, то мучениками они быть не могут. Дракула пеняет первому монаху: «Зачем ты покинул свою келью и монастырь, ходишь по дворам великих государей, если ничего не понимаешь? Ты сказал, что эти люди – мученики. Будь и ты с ними мучеником». И велит посадить его на кол. А другому говорит: «Ты – разумный человек» и отправляет домой с почестями.

Сравните ответ литературного Дракулы первому монаху с реакцией Ивана Грозного на письмо Андрея Курбского: *«Како же не стыдишися злодеев мученики нарицати, не*

разсуждая, за что кто страждет? [Переписка, с. 19]. Далее царь пишет: если ты считаешь меня неправедным правителем, то прими смерть от моей руки и стань мучеником, ибо это не смерть, а дар благой; всё равно ведь умереть придётся: *«Аще праведень и благочестивъ еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, Господня, еже благое творяще пострадати. И аще праведень еси и благочестивъ, про что не изволилъ еси от мене, строптиваго владыки, страдати и вгънецъ жизни наслѣдити?»* [Первое послание, с. 25]

«Разумный» же монах в лапидарной форме изложил некоторое понимание идеи власти – право казнить и миловать есть только у Государя, который не подлежит людскому суду, ибо Государь в ответе лишь перед Богом (см. раздел 2.2.1.). Попытки призвать царя к ответу воспринимались как проявление богохульства. Проявление такого отношения мы видим в ответе Ивана Грозного на обвинения Андрея Курбского: *«Кто ты постави судию или учителя? Или ты даси ответ за душу мою в день Страшнаго суда»* [Послания, с. 20].

Герой «Сказания» вне всякого сомнения является вымышленным персонажем [Талмазан 2018б, с. 151], но если говорить об историческом лице – Владе III Басарабе, то можно предположить, что его мировоззрение мало отличалось от взглядов думного дьяка Федора Васильевича Курицына, поскольку они принадлежали к одной ветви христианства, у них был общий круг чтения (в конце XV века на Балканах и на Руси существовал общий корпус богословских сочинений на церковнославянском и греческом языках) и даже пересекающийся круг общения.

Мораль «Сказания» нигде в явном виде не высказана, что позволяет читателю принять любую сторону спора. Это необычно для средневековой литературы, европейской или русской. Однако для средневекового читателя ответ Дракулы звучит вполне определённо, можно предположить, что ничего другого автору и не было нужно, свое мнение он выразил.

Я.С. Лурье отождествляет притчу о двух монахах с эпизодом испытания двух монахов в немецких текстах о Дракуле [Лурье 1964, с. 30] с такой трактовкой: «однако если в русской повести казненным оказывался дерзкий обличитель, то в немецкой брошюре Дракула казнит льстивого лжеца». Однако сравнивая немецкий текст с русским, мы обнаруживаем, что это совершенно другая (!) притча о двух монахах, смысл которой – наказание льстеца, чего не заметил Я.С. Лурье: *«Пришли два монаха в его страну по его приглашению. Тогда он спросил одного из них, что хорошего о нем говорят. Этот монах очень испугался и сказал: "О вас говорят все хорошее, и вы действительно очень набожный человек, я говорю вам это". Он*

велел этого монаха задержать. К нему привели другого монаха, которого он спросил так же, как и первого. Тот монах подумал: "Пусть я умру, но я должен сказать правду". И он сказал: "Вы величайший изверг, которого можно найти на свете; ни один человек не говорит о вас ничего хорошего. Это вы доказали". Дракула сказал: "Ты мне сказал правду, и поэтому я хочу тебя оставить в живых". И отпустил его невредимым; и посылает снова за первым. И говорит, чтобы тот ему сказал правду. Но тот сказал, как прежде. Дракула велел его посадить на кол за то, что он говорил неправду» [Лурье 1964, с. 21].

Даже если допустить, что немецкий текст подтолкнул Ф.В. Курицына к созданию притчи, текст «Сказания» нельзя считать расширением этого эпизода – и содержание, и идейное осмысление притчи Ф.В. Курицына очевидно русское (православное), не имеющее ничего общего с венгерским или немецким культурным контекстом. И тем не менее, Я.С. Лурье не видит различий между русским и немецким текстом и не упоминает притчу о двух монахах среди оригинальных эпизодов, принадлежащих русскому автору. Больше того, исследователь не сомневается, что восприятие средневекового автора совпадает с восприятием современного человека: «История Дракулы, как ее понимал древнерусский автор XV века (и другие авторы той же эпохи), – это история жестокого тирана, безжалостно расправляющегося со своими подданными; центральная проблема повести – проблема власти, опирающейся на террор» [Лурье 1964, с. 5]. Иначе говоря, Я.С. Лурье уверен, что автор осудил Дракулу.

Толкование этого эпизода исследователем М.П. Одесским излишне упрощенное: «В эпизоде с монахами не важно, что они – "латинские", важно, что они – монахи, а значит, тот, кто готов "учинити мучеником" одного из них, – мучитель, то есть тиран» [Одесский 2009, 78], – что очевидно противоречит исследованиям историков, например, анализу пределов царской власти В.Е. Вальденберга.

Интересно, что румынский историк Р. Флореску явился одним из немногих, кто понял притчу совершенно верно: «Дракула, в данном случае никак не ожидавший провозглашения доктрины божественного права, пощадил монаха» [Флореску 2005, с. 606] (подробнее см. раздел 3.4.3.).

Помимо притчи о двух монахах в «Сказании» есть и ряд других эпизодов, утверждающих исключительность положения богоизбранного Государя. Это эпизод с испытанием посла зрелищем позолоченного кола [Сказание, с. 466], в котором посол говорит

Дракуле: «Государь, если совершил я что-либо, достойное смерти, делай как хочешь. Ты судья справедливый – не ты будешь в смерти моей повинен, но я сам». Это и эпизод о турецких послых, не снявших своих колпаков в присутствии Дракулы, а также эпизод о том, как Дракула отрубает голову приставу, осмелившемуся войти в дом государя в погоне за преступником [Сказание, с. 468]. Эпизод о турецких послых является «бродячим сюжетом», он встречается и в немецких брошюрах, но эпизодов о позолоченном коле и убитом приставе в немецких источниках нет [Лурье 1964, схема сс. 32-33], вероятнее всего это оригинальные эпизоды.

Некоторую сложность представляет толкование притчи о сожжённых нищих, которых Дракула пригласил на пир и сжёг заживо [Сказание, сс. 462]. Дракула даёт объяснение своему поступку – людей он избавил от нищих, а нищих избавил от страданий. И отправил нищих на небеса не грешниками, а мучениками, которым открыты врата рая.

Нищелюбие – добродетель, которую сегодня назвали бы милосердием или благотворительностью, это одна из обязательных добродетелей канонизированных русских князей, и в то же время возможность поддерживать обнищавшую часть населения, своеобразный социальный институт, способ перераспределения доходов. Считалось, что благотворительность больше нужна нищелюбу, чем нищему, поскольку была для него заботой о своей душе. С другой стороны, необходимость трудиться тоже была предписана христианину: *«в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю»* (Бытие 3:19).

Церковь собирала средства не только для нищих, но и для погорельцев, беженцев, для выкупа угнанных в рабство русских людей, что служило оправданием существованию монастырского имущества. «Сказание» появилось в период, когда разворачивалась жесткая полемика между нестяжателями, выступавшими против монастырского землевладения, к числу которых принадлежал Ф.В. Курицын, и иосифлянами, проповедовавшими нищелюбие как таковое:

«Алчнаго накрьми, жаднаго напои, яко же сам господь повеле, нагаго одежди, странна введи, болнаго посети, к темници доиди, и виждь беду их и, аще что требуют, подайждь им, и поскорби, и въздохни, и прослезися с ними» [Казакова Лурье, с. 358].

«Голодного накорми, жаждущего напои, как сам Господь повелел, нагого одень, дай приют страннику, посети больного, войди в темницу и узри беду узников, и если что-то будет

нужно, то дай им, и погрузи, и вздохни, и прослезись с ними (перевод О.Н. Талмазана).

Думается, в этой притче можно увидеть полемику с Иосифом Волоцким.

Исследователи А.А. Исаков и В.В. Неупокоева полагают, что поступок героя отражает свойственное раннему Новому времени стремление к отказу от социального иждивенчества, навязываемого христианской моралью [Исаков Неупокоева, с. 640]. Как утверждают средневековые хронисты, Генрих VIII за время своего правления казнил 72 000 бродяг [Harrison, p. 193]. Разумеется, эти данные могут быть многократно преувеличены, но можно не сомневаться, что бродяг власти истребляли нещадно. Однако это происходило в другой экономической ситуации, в условиях политики «огораживания» – разорения мелких крестьянских хозяйств, и дьяк Курицын был далёк от этой проблематики.

Эпизод сожжения нищих есть и в немецких текстах (сюжет является «бродячим», на Западе эта легенда связывалась обычно с майнцкими епископами X века Гаттоном I и Гаттоном II [Лурье 1964, с. 66]). Можно предположить, что для Курицына этот эпизод стал аргументом в контексте полемики с Иосифом Волоцким, но и в этом случае автор позволяет читателю самому делать выводы.

Эпизод о золотом кладе представляется простым, но допускает несколько толкований.

«Учиниша же ему мастера бочки желъзны; он же насыпа их злата, в рѣку положи. А мастеровъ тѣхъ постъци повелѣ, да никтоже увѣсть съдѣланнаго имъ окаанства, токмо тезоимениты ему диаволь» [Сказание, с. 468].

«Изготовили мастера для Дракулы железные бочки, а он наполнил их золотом и погрузил в реку. А мастеров тех велел казнить, чтобы никто не узнал о его коварстве, кроме тезки его – дьявола» (перевод О.В. Творогова).

По мнению Я.С. Лурье, рассказ о золотом кладе перекликается с легендой о тиране, приказавшем убить или ослепить работавших на него мастеров, чтобы они не могли создать ничего равного по мастерству (вариант произведений о «строительной жертве», такую же легенду рассказывают о храме Василия Блаженного) [Лурье 1964, с. 65].

М.П. Одесский не видит ничего общего между золотым кладом и работой мастеров, поэтому предлагает другое толкование – согласно фольклорным представлениям, клады прячут разбойники и колдуны [Одесский 2009, 81].

Можно предложить и третье толкование этого эпизода. Известно, что в Скандинавии найдено аномально большое количество монетных кладов, относящихся к раннему

Средневековью, хотя торговля в это время носила характер обмена. Золотые и серебряные предметы и монеты, полученные в дар и добытые войной, употреблялись не для обогащения – их прятали в землю, топили в реках и болотах, чтобы никто не мог воспользоваться драгоценностями. При этом действительно иногда убивали слуг, помогавших прятать клады. Язычники верили в то, что «удача», воплощенная в драгоценностях, сохраняется как при их жизни, так и в потустороннем мире [Гуревич 2003, с. 78]. Можно предположить, что в фольклоре сохранился отзвук дохристианских представлений, но в любом случае этот эпизод «Сказания» свидетельствует об отступлении от христианства.

Современному читателю может быть непонятна фраза Дракулы перед сражением с турками: *«Кто хочет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани zde»*. Доброму христианину всегда следовало думать о смерти, а пренебрежительное отношение к смерти, почитание себя готовым к Царству небесному было грехом, хотя и трусость была грехом также [Фома, с. 44]. С другой стороны, светское бесстрашие не приветствовалось, считалось безумием и даже кощунством. Таким образом, заявление Дракулы надо расценивать как богобоязненное.

В «Сказании» содержится ряд эпизодов, довольно прозрачных по содержанию, в которых Дракула жестокостью и справедливостью утверждает какие-то добродетели. Это наказание трусливых воинов, раненных в спину; эпизод с золотой чашей, которую никто не решался украсть; эпизод с честным купцом, объявившем о лишней золотой монете; наказание женщины, не заботившейся о своём муже; наказание за прелюбодеяние. Сюда можно было бы добавить и казнь брезгливого слуги, не одобрявшего жестоких методов Дракулы, и замечание автора о неприятии Дракулой зла.

Замечание о неприятии Дракулой зла интересно неявным провозглашением равенства простого человека, боярина и священника перед установлениями Государя:

«И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики боляринъ, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имгъл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозенъ бысть.» [Сказание, с. 462].

«И так ненавидел Дракула зло в своей земле, что, если кто совершит какое-либо преступление, украдет, или ограбит, или обманет, или обидит, не избежать тому смерти. Будь он знатным вельможей, или священником, или монахом, или простым человеком, пусть

бы он владел несметными богатствами, все равно не мог откупиться он от смерти, так грозен был Дракула» (перевод О.В. Творогова).

Сюжетно и композиционно «Сказание» распадается на две части, первая из которых представляет собой собрание рассказов-притч, объединенных общим персонажем и общей идеей, вторую часть связывает некоторый сюжет – история падения Дракулы от перехода в католицизм до гибели.

Вторая часть «Сказания» содержит вполне связный рассказ о переходе Дракулы в «латинство», что автор решительно осуждает, отступая от своего обычновения загадывать загадки. Поступки Дракулы во второй части непонятны и нечестивы, а смерть Дракулы, вступившего в бой со своими воинами, выглядит фантасмагорично. Поскольку Ф.В. Курицын, вероятнее всего, знал истинные обстоятельства гибели Влада, то такая смерть, должна была символизировать закономерный результат отступничества от истинной веры.

«Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша плъзнити. Он же удари на них, и побъгоша турци. Дракулино же войско безъ милости начаша их същи и гнаша их. Дракула же от радости възгнавъ на гору, да видить, како съкутъ турковъ, и отторгъся от войска; ближнии его, мнящисъ яко турчинъ, и удари его единъ копиемъ. Он же видѣвъ, яко от своих убиваемъ, и ту уби своих убийць мечем своимъ 5, его же мнозиими копии сбодоша, и тако убиень бысть» [Сказание, с. 468].

«Конец же Дракулы был таков: когда был он уже в Мунтьянской земле, напали на землю его турки и начали ее разорять. Ударил Дракула на турок, и обратились они в бегство. Воины же Дракулы, преследуя их, рубили их беспощадно. Дракула же в радости поскакал на гору, чтобы видеть, как рубят турок, и отъехал от своего войска; приближенные же приняли его за турка, и один из них ударил его копьем. Тот же, видя, что убивают его свои, сразил мечом пятерых своих убийц, но и его пронзили несколькими копьями, и так был он убит» (перевод О.В. Творогова).

Завершающий фрагмент «Сказания» содержит вполне реальные сведения о брате Дракулы, посаженном на валашский престол воеводой Стефаном, о детях Дракулы и жене брата. Возможно, они включены для придания большей достоверности повествованию. Впрочем, переписчики эту часть со временем отбросили.

2.2.4. Имена Дракулы

Показательно, что автор «Сказания» нигде не называет Дракулу по имени (так же, как это делали М. Бехайм и бенедиктинцы, а впоследствии Р. Флореску), а столицу «Мутении» именуется «его городом». Один из переписчиков XVII века «восполнил пробел» и придумал городу название – «Мутьян». На самом деле столица Валахии называлась весьма прозаично – Тырговиште, то есть «торжище» на современном русском языке. Думается, посол хорошо знал, как называлась валашская столица, но разве подходит столь заурядное название столице «зломудрого» Дракулы?

Несколько подробнее остановимся на имени исследуемого персонажа. Обратимся вновь к трудам М.П. Одесского: *«Звали воеводу не Дракула, но Влад, однако его имя ни разу не встречается в тексте (кроме единственного позднего списка, датируемого второй половиной XVIII века. И прозвище – Дракула (сам господарь писал «Dragkulya») – переводится не совсем так, как полагал автор древнерусского "Сказания". По-румынски "дьявол" – это "дракул" (dracul), а "Дракула" (Draculea) – "сын дьявола": прозвище "Дракул" получил отец Влада, и связь с нечистой силой тут ни при чем. Отец Дракулы, еще не заняв престол, вступил при дворе Сигизмунда Люксембурга в элитарный Орден Дракона, основанный венгерским королем ("по совместительству" – императором Священной Римской империи) для борьбы с «неверными», главным образом – турками. Орден этот, его элитарный характер и герб описаны Э. Виндеке, современником и биографом Сигизмунда Люксембурга. Став господарем, Влад по-прежнему относился к рыцарским обязанностям настолько серьезно, что повелел изобразить дракона – элемент орденской символики – даже на монетах, хотя изображение на монетах считалось сакральным. Соответственно, неумный рыцарь и заработал мрачноватое прозвище "Дракул", которое означает по-румынски не только "дьявол", но и "дракон"»* [Одесский 2009, с. 69].

Р. Флореску в своей статье «Что значит имя: Дракула или Влад Цепеш?» [Флореску 2012] вполне определённо говорит о происхождении прозвища Влада от Ордена Дракона, и эта работа, несомненно, была известна М.П. Одесскому.

В действительности же звали валашского господаря – Владислав III Басараб (Лурье ошибочно считает его Владом IV [Лурье 1964, с. 3]), всё остальное – прозвища, причём «Цепеш» – позднее прозвище, при жизни Влада никто так не называл.

Догадка о связи прозвища Дракулы с Орденом Дракона, по всей вероятности, верна.

Удивительно, что никто этого не замечал прежде, но словосочетание «дракъ змеи», то есть дракон, можно найти в русском переводе XVII века чешской рыцарской сказки «Повесть о Брунцвике» [Панченко]. Чешская сказка, приблизительно XIV века, в свою очередь, является переработкой немецкого сюжета, а по-немецки дракон – *der Drache*. Славянский язык (церковнославянский) при жизни Влада был литургическим у православных валахов и молдаван, а немецкий язык был употребим в городах Семиградья (Трансильвания) и в Венгерском королевстве, что позволяет принять версию происхождения прозвища от Ордена Дракона. Из какого языка пришло слово – немецкого или славянского – неясно [Талмазан 2021б, с. 168], но румынское слово *dracul* – это не «дракон», а определённый артикль от слова *drac*. Слово достаточно употребительное (частотное), на русский переводится как «чёрт» во всех значениях; в румынском же языке есть и «дьявол» – *diavol*, и «сатана» – *satana*. Лексема «дракон» переводится иначе – *balaur*, или *zmeu* – «змея», и если навести справку в авторитетном толковом словаре *DEX (Dicționarul explicativ al limbii române)* [DEX], то значения «дракон» у слова *drac* не обнаружится. Вряд ли можно воспринимать подпись Влада – Dragulya – как слово Draculea (малопонятное и отсутствующее в словарях). Но и вариант «Dracula» – странный; можно предположить, что это унгаризм, который Влад был вынужден принять, поскольку так его называли на венгерском языке или на латыни, и если бы Влад именовался как-то иначе, то его бы не поняли венгры и немцы. Славянские документы Дракула подписывал «Влад, сын Влада».

Возможно, следует обратить внимание на то, что в латинском тексте послания Стефана Великого в Венецию, звук «х» передаётся как в немецком языке – «drachula» [Bogdan, p. 342].

Вероятнее всего, Ф.В. Курицыну было известно значение прозвища Влада и его полное имя, но для героя его сочинения это было лишним.

2.2.5. Измышлённые автором события «Сказания»

Явным вымыслом Ф.В. Курицына, очевидным для современного исследователя, является эпизод пленения Дракулы в результате сражения с Матвеем Корвиным: *«Нъкогда же поиде на него воинством король угорскы Маттѣашъ; он же поиде противъ ему, и срътесе с ним, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своихъ изданъ по крамолгъ. И приведенъ бысть Дракула ко кралю, и повелъ его метнути в темницу. И съде в*

Вышеградъ на Дунаи, выше Будина 4 мили, 12 лѣт. А на Мунтъянской земли посади иногo воеводу» [Сказание, с. 468].

«Однажды пошел на него войной венгерский король Матьяш; Дракула выступил ему навстречу, сошлись, и сразились, и выдали Дракулу изменники живым в руки противника. Привели Дракулу к королю, и приказал тот бросить его в темницу. И провел он там, в Вышеграде на Дунае, в четырех верстах выше Буды, двенадцать лет. А в Мунтъянской земле король посадил другого воеводу» (перевод О.В. Творогова).

Влад действительно был вынужден бежать от турецких войск в Венгрию в 1463 году и там был схвачен людьми короля, но никакого сражения между валашским господарем и венгерским королём историография не знает, никто кроме Ф.В. Курицына не сообщает об этом. Король просто арестовал Влада и обвинил в связях с турками. О мотивах Матвея Корвина мы уже говорили выше (см. раздел 1.3.1.). Возможно, автору не хотелось, чтобы его герой был арестован без сопротивления.

Не подлежит сомнению, что в 1462 году Влад нанёс поражение армии султана Мехмеда II Фатиха «Завоевателя», некогда захватившего Византию. Но произошло это («Ночная атака под Тырговиште») при обстоятельствах, противоположных описанным в «Сказании» – не Дракула обманом проник на земли султана, а турки вторглись на земли Валахии. Думный дьяк Ф.В. Курицын, несомненно, знал об этом – поражение Мехмеда Фатиха слишком серьёзное событие, чтобы пройти незамеченным для одного из руководителей русской внешней политики и дипломатии.

Вымыслом является также эпизод смерти Дракулы, по версии «Сказания» погибшего в ходе турецкого нашествия. Мы располагаем записью послания Стефана Великого о смерти Влада [Bogdan, p. 342], прочитанного архимандритом Иоанном Цамблаком 8 мая 1478 года перед венецианским дожем и сенаторами во дворце Синьории. Приведем отрывок:

«Однако я заботился, чтобы воеводу Басараба (речь идёт о Лайоте Басарабе III Старом, примечание наше) изгнали из Валахии, а поставлен был другой христианский правитель, по имени Драхула (в латинском документе Drachula), потому что он прежде был известен (как враг турков). И я ждал, что этой идеей возгорится Его Величество король Венгрии (речь идёт о Матвее Корвине), и доказывал ему, что Уладо (Владислав) Драхулиа должен сделаться правителем. И, в конце концов, я убедил короля, и мне было позволено собрать воинов, чтобы осуществить своё намерение и предложить указанного правителя

на трон Валахии.

И я незамедлительно собрал воинов, а когда они пришли, то я объединился с одним из королевских капитанов (речь идёт о Стефане Батори из Эчеда) и, объединившись, мы привели упомянутого Драхулу к власти. И тот, когда пришёл к власти, попросил нас оставить ему наших людей в качестве стражи, потому что он не слишком доверял влахам, и я оставил ему 200 своих людей. И когда я это сделал, мы (с королевским капитаном) удалились. И почти сразу вернулся тот предатель Басараб и, настигнув Драхулу, оставшегося без нас, убил его, и также оказались убиты все мои люди, за исключением десяти» (перевод с латинского С.С. Лыжиной).

Как видим, Стефан не упоминает о турецком нашествии и никаких потусторонних явлений не отмечает.

Не могло быть и перехода Дракулы в католицизм, иначе бы Влад не мог занять валашский престол. Слухи о переходе Влада в католицизм ничем не подтверждены и не вызывают доверия, поскольку переход противоречил бы интересам венгерского короля – Матияшу был нужен Влад как претендент на валашский престол и опытный полководец, способный возглавить борьбу православных валахов против турок, а католик в этом качестве был бы бесполезен. Однако ряд авторов всерьёз считает переход Влада в католицизм фактом: «в тюрьме Влад оставался более десяти лет и получил свободу, лишь перейдя в католичество» [Одесский 2009, с. 84].

Приведенные эпизоды, безусловно, говорят об оригинальности произведения и о свободном обращении автора с материалом.

Тем не менее, некоторые российские исследователи всё же придерживаются точки зрения, что думный дьяк просто чего-то не знал или не понимал. «Автор повести, побывав в Венгрии и соседних землях, несомненно собрал там ряд интересных сведений из венгерской и "мутьянской" жизни – но сведения эти как раз и обличают иностранца, пишущего для иностранцев, а не местного жителя. Отсюда и ряд пробелов в его познаниях», – полагает Я.С. Лурье [Лурье 1964, с. 37]. Ему вторит и М.П. Одесский: «Но важно учитывать, что автор, описывая Валахию, сведения собирал в Венгрии (и, возможно, в Молдавии). Валахия оставалась для него "незнаемой" страной, что не компенсировалось даже конфессиональной общностью: католическая Венгрия в "Сказании" зримей и понятней, чем православная

Румыния. Более того, Валахия прямо мифична, ведь автор ориентировался на устные "анекдоты", в которых информация «кодировалась» по фольклорно-мифологическим законам. Румыния изображена сказочным – вне каких-то особых "этнографических" подробностей, без имени столицы – государством, где реализована утопия "грозного" царя» [Одесский 2009, с. 84].

«Показательно, кстати, что информированный автор "Сказания" безразлично именуется Стефана то молдавским властителем, то валахским», – пишет М.П. Одесский, – «видимо, в отличие от Молдавии Валахия оставалась страной легендарной, "антимирной"» [Одесский 2009, с. 88]. Валахия действительно оставалась антимиром, и в таком же качестве она выступает и в «Большой челобитной» Ивана Пересветова [Сочинения, сс. 432-450], но в данном случае всё проще: русские называли Молдавию и Мунтению «Большой Валахией» и «Малой Валахией», а российский автор этого не знает.

Кроме того, М.П. Одесский регулярно пишет «Румыния», но не очень понятно что это должно означать применительно к XV веку: Валахия (Цара Ромыняскэ), или территория современной Румынии, или так называемое «румынское пространство», или что-нибудь ещё.

Мы же придерживаемся мнения, что Ф.М. Курицын не только не «собирал сведения о жизни», а прямо их игнорировал. Автора утопии реальность не особенно интересовала, ему не был нужен Влад как историческое лицо, его больше волновала иная проблематика и нужен был иной образ Дракулы.

2.2.6. Идеино-художественное своеобразие повести о Дракуле

Между смертью Влада и созданием повести прошло меньше десяти лет, но «Сказание о Дракуле воеводе» ни в коей мере не стало жизнеописанием.

«Сказание о Дракуле воеводе» представляет собой утопию (или антиутопию, зависит от отношения) с элементами антиповедения на тему образа идеального правителя (по утверждению Б.А. Успенского, некоторые периоды русской истории характеризовались экспансией антиповедения [Успенский 1994а, с. 320]). И здесь действительно можно говорить о предпочтении автором дедукции перед индукцией.

В средневековой русской литературе (Ф.В. Курицын, И.С. Пересветов) Валахия, Молдавия – это утопические земли, где всё иначе, не всерьёз, понарошку, и повествование носит условный, игровой характер. «Мутения» Ф.В. Курицына это антимир, сказочное

царство, где возможно невозможное в привычном мире, что даёт автору определённую творческую свободу и возможность отойти от русской реальности, заставить современника задуматься об образе идеального правителя. «Петр, воевода волоцкий» из «Большой челобитной» И.С. Пересветова [Сочинения, сс. 432-450] также не воспринимался современниками, как реальное историческое лицо (Петру IV Рареш) – читатель понимал, что условная фигура Петра позволяет И.С. Пересветову давать советы царю, выступать с предсказаниями будущего, что было бы неуместно делать от своего имени. Однако антимир это не «чужое» в понимании имагологии, а отражение своего мира.

Образ «жестокого, но справедливого» правителя после Ф.В. Курицына появляется у И.С. Пересветова в «Сказании о Магмете Салтане», и мало отличается от трактовки образа Дракулы более поздними румынскими авторами: *«Без таковые грозы правды в царство не мочно ввести. Правда ввести царю в царство свое, ино любимаго не пощадити, нашедши виноватого»* [Пересветов, с. 627]. Можно предположить, что образ «жестокого, но справедливого» Дракулы впервые появляется у Ф.В. Курицына.

Следует указать на важную особенность построения «Сказания», отмеченную ещё Я.С. Лурье [Лурье 1964, с. 67]: сюжет представляет собой череду испытаний, загадок, некоторые из которых не имеют однозначного ответа. Такая же «игра с возможностью провести несколько параллелей» встречается и в других русских памятниках. Я.С. Лурье видит в этом связь с «эпическими» традициями древнерусской литературы. Так, на загадках, на их метафорическом смысле, недоступном собеседнику, строится месть Ольги древлянам в «Повести временных лет». Существенно, что загадка часто не предполагает нахождения ответа со стороны непосвященного, а язык загадок могут резко отличаться от языка других фольклорных жанров в сторону непонятности [Успенский, с. 320]. Некоторые эпизоды «Сказания» (притча о двух монахах, притча о сожжённых нищих, рассказы о честном купце, о золотом коле) имеют свой особый замысел, но тоже представлены как испытание.

Д.С. Лихачёв, говоря о светском духе второй редакции Хронографа, упоминает о «Сказании»: «Противоречивые черты могут быть замечены в изображении Дракулы в "Повести о Мутьянском воеводе Дракуле" (он справедлив и одновременно извращенно жесток), в изображении отдельных летописных героев и т. д. Однако противоречивость характера исторического деятеля никогда еще не отмечалась в письменности особо. Она не осознавалась, не декларировалась авторами, хотя невольно уже и изображалась. Никогда

исторические писатели сознательно не ставили себе целью описать эту противоречивость. Она слагалась как бы стихийно, слагалась в сознании читателя, а не в намерениях и тем более не в декларациях авторов. Впервые исторические писатели открыто заговорили о противоречивости человеческого характера только в начале XVII века» [Лихачёв, с. 8].

Иначе говоря, противоречивость героя была описана автором «Сказания о Дракуле» невольно, неосознанно, «стихийно».

«Древняя русская литература не знала открыто вымышленного героя. Все действующие лица русских литературных произведений XI–начала XVII века – исторические или претендующие на историчность: Борис и Глеб, Владимир Святославич, Игорь Святославич, Александр Невский, Дмитрий Донской или митрополит Киприан – всё это князья, святые, иерархи церкви, люди существовавшие, высокие по своему положению в обществе, участники крупных событий политической или религиозной жизни. Писатели XI–XVI веков ищут для своих произведений значительных лиц, значительных событий – при этом не в литературном, а в чисто историческом смысле. Они стремятся писать о реально существовавших лицах, о событиях, имевших место в конкретной исторической и географической обстановке, прибегают к ссылке на свидетельства современников, на материальные следы деятельности своих героев. При этом всё фантастическое, чудесное мыслится как объективно реальное, исторически свершившееся» [Лихачёв, с. 109].

Д.С. Лихачёв не раз возвращался к этой мысли: «Нетрудно видеть, что художественное обобщение было в тисках непреложного правила – изображать только исторические, реально существовавшие лица и события. Средневековый историзм требовал изображения только исторически значимых событий в жизни исторически значимого же лица» [Лихачёв, с. 90].

Точка зрения Д.С. Лихачёва была и остаётся общепринятой, вслед за ним и филолог-медиевист О.В. Творогов писал о том, что древнерусская литература «долгое время, вплоть до XVII века, не допускала литературного вымысла. <...> Рассказывая об исторических событиях, древнерусские авторы могли сообщить разные, порой взаимоисключающие версии <...>. Но это в их глазах было всего лишь неосведомленностью информаторов, так сказать, заблуждением от незнания, однако мысль, что та или иная версия могла быть просто придумана, сочинена, и тем более сочинена с чисто литературными целями, – такая мысль писателям старшей поры, видимо, казалась неправдоподобной» [Творогов, сс. 5-6].

Д.С. Лихачев справедливо указывал, что средневековый историзм требует идеализации, средневековый автор стремится изобразить в герое истинного князя, истинного святого и даже истинного злодея, отчего образы часто выглядят предсказуемыми и трафаретными. «Идеализация была одним из способов художественного обобщения в средние века. Писатель влагал в создаваемый им образ человека (государственного или церковного деятеля, святого) свои представления о том, каким должен был быть этот человек, и эти свои представления о должном отождествлял с сущим» [Лихачёв, с. 86].

Очевидно, что в случае «Сказания» всё обстоит совершенно иначе: валахский господарь не является сколько-нибудь значительной исторической фигурой для русского читателя, образ Дракулы никакому трафарету не соответствует и об «идеализирующем биографизме» здесь говорить не приходится. Ф.В. Курицын, хорошо осведомлённый об обстоятельствах жизни Влада III Басараба, не только не стремится, но сознательно уходит от возможности описывать хорошо известные ему обстоятельства жизни героя.

До XVII века, по мнению Д.С. Лихачёва, проблема характера вообще не стояла в повествовательной литературе [Лихачёв, с. 6]. Ученому принадлежит и более категоричное высказывание: «Обнаружение сложности человеческого характера, открытие в нём соединения злых и добрых черт, вели к гибели средневековой цивилизации» [Лихачёв, с. 101].

Трудно сказать, насколько способствовало гибели средневековой цивилизации сочинение Ф.В. Курицына, но «соединение злых и добрых черт» – это и есть суть его образа Дракулы.

Другой особенностью повествования, которую отмечал ещё Н.М. Карамзин, является уход от обычного по тем временам морализаторства: «Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о философии Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью» [Карамзин, с. 597]. О склонности средневековых авторов к морализаторству писал и Д.С. Лихачёв: «В той или иной мере, оценка действующего лица всегда присутствовала в произведении – оценка незавуалированная, прямая, излагаемая от автора» [Лихачёв, с. 109].

Несмотря на то, что отдельные фрагменты «Сказания» соответствуют эпизодам из

немецких манускриптов или представляют собой бродячие сюжеты, очевидны и различия. Бенедиктинские манускрипты не несут никакой идейной нагрузки помимо идеи очернения Дракулы и своеобразной развлекательности. Эти же эпизоды в интерпретации Курицына в значительной мере утрачивают оттенок иррациональности, приобретают большую осмысленность и метафоричность, встраиваются автором в русский культурный контекст (сюжет мыслится как череда испытаний) и обретают своеобразную идейно-художественную полноту.

Ясно, что повесть не может быть переводом с немецкого, совпадения между русским и немецким текстом сюжетно-композиционные, а не текстуальные, поэтому Лурье задаёт естественный вопрос: чем же объясняются совпадения между отдельными сюжетными мотивами этих памятников [Лурье 1964, с. 12]? И отвечает на него так: «Общим источником русского, немецкого и венгерского рассказов о Дракуле был не письменный памятник и вообще не какое-либо единое произведение, а ряд преданий или анекдотов, сложившихся еще при жизни "великого изверга" (частью до его пленения в 1462 году), распространенных в Центральной Европе во второй половине XV века и по-разному записанных и интерпретированных немецкими, русским и венгерско-итальянскими авторами» [Лурье 1964, с. 30]. К такому же выводу приходит и М.П. Одесский – «"дракулесные" анекдоты явно восходят к устным преданиям» [Одесский 2009, с. 65].

Однако, как мы уже отмечали, представляется сомнительным, что сколько-нибудь законченное предание о Дракуле сложилось до его смерти, учитывая, что поведение Влада соответствовало духу его времени. Отметим также, что образ Дракулы в известном сегодня румынском фольклоре не является отрицательным. Мы уже убедились, что Ф.В. Курицын весьма вольно обращается с известными ему фактами жизни Влада, и можем предположить, что он так же вольно обращался со слухами о Владе и текстами немецких листков, которые, возможно, могли попасть в его руки в Венгрии или Молдавии. Иначе говоря, доля вымысла и самостоятельного творчества в «Сказании» значительно больше, чем это предполагалось раньше, и чем это свойственно русской литературе конца XV века.

Автор «Сказания», думный дьяк Федор Васильевич Курицын, был прекрасно осведомлён об обстоятельствах жизни реального Влада Дракулы, но не только не стремился, а сознательно уходил от возможности описывать хорошо известные ему события. Автор ясно видел разницу между негативным образом Влада Дракулы из «немецких листков», реальным

воеводой Владом III Басарабом и своим героем.

При этом автор «Сказания» придавал жестокости Дракулы значительно меньшее значение, чем может показаться современному читателю, но естественно для человека Средневековья, и должно заставить изменить восприятие сочинения современным исследователем.

Притча о двух монахах является центральным эпизодом «Сказания о Дракуле» – суждения монахов содержательно предвосхищают полемику Ивана Грозного и Андрея Курбского и размышления о роли православного Государя, появившиеся во второй половине XVI века в произведениях Ивана Пересветова и других русских публицистов [Талмазан 2020-2021, 156]. Читателю предлагается самому выбрать сторону одного из монахов, а разгадка притчи находится в русле русских провиденциальных доктрин.

Философы А.А. Исаков и В.Я. Неупокоева определяют политическую концепцию Ф.В. Курицына как ренессансную, уточняя, что это была «изнаночная, почти макиавеллистская форма ренессанса» [Исаков Неупокоева, с. 641] с характерными идеями государственного суверенитета, приоритета закона и всеобщей справедливости, осуществлявшимися государем. Однако понимание Ф.В. Курицыным пределов царской власти, роли государя в христианском царстве является традиционным, и если и отличается от понимания иосифлян, то в сторону приоритета царя над церковью, о чём говорят притчи о двух монахах и о сожжении нищих. Взгляды Ф.В. Курицына были близки к взглядам И.С. Пересветова и Ивана Грозного, несколько опережая своё время.

Отдельный вопрос – проявление Ренессанса в восточноевропейской цивилизации. Интересно замечание Д.С. Лихачёва: «Между тем барокко на Западе явилось именно на смену Ренессанса, и этим во многом определяются его черты. Барокко на Западе было частичным возвращением к Средневековью. В России же барокко пришло на смену Средневековью и приняло на себя многие из функций Ренессанса» [Лихачёв, с. 156].

Русское Средневековье – часть европейского Средневековья, если понимать Средние века не только как период времени, но и как ряд особенностей религиозной, экономической, политической и культурной жизни (феодалная система землепользования, доминирование церкви и прочее), чего не было, скажем, в Китае. Но в то же время существовали очевидные цивилизационные различия между Западной и Восточной Европой, между западным и восточным христианством. Сегодня, когда появляется всё больше споров о принадлежности

России к Европе (что бы это ни означало), становится всё более очевидно, что Россия – это отдельная европейская цивилизация. Как Индия и Китай отдельные цивилизации внутри Азии.

Таким образом, своеобразие произведения состоит в том, что «Сказание» – первый известный памятник оригинальной русской беллетристики, сюжетное повествование, не входившее в летописные своды и посвященное герою, который не представлял интереса как историческое лицо (такого же мнения придерживается Я.С. Лурье [Лурье 1997, с. 575]). Если автором произведения действительно был дьяк Курицын, то он хорошо понимал, что его персонаж не соответствовал реальному историческому лицу, другими словами, образ был художественным вымыслом. Автор «Сказания» не называл имени героя, не рассказывал о его происхождении и детских годах, избегал описания подробностей жизни прототипа, не следовал средневековым образцам жизнеописания. Образ героя был создан противоречивым, неоднозначным, не соответствовал ни одному из привычных образов идеального князя, духовника, боярина, дружинника, святого или юродивого. Автор отказался от морализаторства, от возможности выразить отношение к герою в явной форме, что необычно для конца XV века. Повесть была «недушеполезной», не принадлежала к жанру церковно-нравоучительной литературы своего времени и не соответствовала ни одному из известных жанров и стилей древнерусской литературы.

2.3. Выводы к главе 2

Письмо Дана – первое известное нам заведомо вымышленное сочинение о Владиславе III Басарабе, которое легло в основу бенедиктинских манускриптов, а позднее поэмы М. Бехайма и печатных брошюр о Дракуле.

Все средневековые сочинения о Владе на немецком языке, несомненно, были политическими памфлетами, в которых факты искажались или интерпретировались превратно для создания отрицательного образа валашского правителя. Поэма М. Бехайма сложнее, но вторична по отношению к бенедиктинским листкам. Народные книги о Дракуле появляются уже после его смерти и реализуют другую лингвопрагматическую стратегию: благодаря мудрости и терпению венгерского короля закоренелый преступник встал на путь истины – публично крестился и принёс великое покаяние, стал творить добрые дела.

Некоторое жанровое различие между бенедиктинскими рукописями и народными книгами определяется не только прагматикой, но и различием аудитории, на которую предполагалось воздействовать, в первом случае – это духовенство и знать, во втором – массовый читатель. Развлекательность текста (понимая под этим и описание жестокостей) сохранилась и в чём-то усилилась. Проблематика немецких текстов, согласно типологии А.Б. Есина, отчасти мифологическая, отчасти романная (авантюрная и идейно-нравственная), даже учитывая политическую подоплёку.

«Сказание о Дракуле воеводе» – утопия или антиутопия в зависимости от отношения к нему – памятник оригинальной русской беллетристики. Проблематика сочинения Ф.В. Курицына прежде всего религиозная, то есть философская по типологии А.Б. Есина; речь идёт об образе и роли правителя в эсхатологической перспективе коллективного спасения в благочестивом государстве. Тем не менее, повесть не принадлежала к жанру церковно-наравоучительной литературы. Можно рассматривать мифологическую, романную и даже национально-историческую проблематику, но совсем в небольшой мере. Читателем Ф.В. Курицына является близкий автору по восприятию православный современник, для которого очевидны сотериологические и другие аспекты, не всегда доступные сегодняшнему читателю и исследователю. Автор отделяет своего героя и от исторического Влада III Басараба, и от мифологического Дракулы из разного рода памфлетов, слухов и анекдотов. Отношение Курицына к своему персонажу намеренно неоднозначно, автор даёт возможность читателю самому сделать выбор, прийти к собственным умозаключениям.

Суждения монахов в известной притче предвосхищают дискуссии о роли идеального правителя, развернувшиеся во второй половине XVI века в трудах русских публицистов [подробнее см. раздел 2.2.6.]. Очевидны резкие различия между проблематикой и образом Дракулы в бенедиктинских рукописях и «Сказании о Дракуле воеводе» (об этом же пишет А.И. Михайлова [Михайлова А.И., сс. 144-147]), что подтверждает оригинальность русской повести. Можно предположить, что образ «зломудрого» Дракулы, «жестокого, но справедливого» правителя, впервые появился в повести Ф.В. Курицына.

3. КАТЕГОРИЯ АВТОРА И КРУГ ПРОБЛЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ВЛАДЕ III БАСАРАБЕ (ДРАКУЛЕ)

3.1. Современная англоязычная литература о Дракуле

Фигура Дракулы была выбрана Стокером как фигура «чужого» (подробнее см. раздел 4.1.1). В этом же ряду можно назвать имена Ивана Грозного и Григория Распутина, которые для западного читателя являются больше персонажами, чем реальными историческими личностями.

Такое отношение предельно ясно выразила американский филолог Рут Роббинз: «География романа "Леди в саване" напомнит читателям о "Дракуле", потому что действие происходит в Восточной Европе, где-то между Грецией, Албанией и Турцией, – в месте, вообще-то не существующем на реальной карте Европы, лишь по видимости в европейском раю, на самом же деле в краю экзотическом, странном и чуждом законов» [Роббинз, с. 60].

Заметим, что русские авторы к Валахии и Молдавии относятся иначе. Возможно поэтому поток вампирической литературы вызвал интерес к реальному Владу в России, но не на Западе. Несмотря на гигантский поток вампирической литературы [Приложение, Список 5], кинофильмов и разного рода коммерческой продукции, интереса к личности исторического Влада III Басараба в сфере английской культуры не возникло. До появления в начале 70-х серии книг Р. Флореску и Р. МакНелли, эксплуатировавших интерес к вампиру Дракуле и демонизирующих Влада, отчасти из соображений информационной войны с режимом Николае Чаушеску (подробнее см. раздел 3.2), сколько-нибудь серьёзных книг об историческом Дракуле на Западе не издавалось. Работы румынских историков (Ш. Андреску, М. Казаку, Н. Стоическу) стали небольшими тиражами выходить на Западе в переводе на английский после 1991 года, если не считать попытку режима Н. Чаушеску распространять на Западе книгу Н. Стоическу [Stoicescu 1978], что большого успеха не имело. И только в начале нового тысячелетия на английском языке стали появляться книги о Дракуле таких историков, как Элизабет Миллер [Miller], Курт Трептов [Treprow], Мейрион Трой [Trow].

В англоязычной литературе существует традиция подражаний Стокеру, и некоторые романы написаны на приемлемом художественном уровне, к примеру «Историк» Элизабет

Костовой [Kostova], но всё же, по нашему мнению, они относятся к сфере мидкульта [Макдональд] и не имеют отношения к историческому Владу Дракуле.

Исторический роман канадца К. Хамфриса с этой точки зрения является уникальным – других сколько-нибудь заметных художественных произведений о валашском правителе (мы не будем его называть «реальным Дракулой», как это делает М. Трору, поскольку реальность нам по большому счёту неизвестна) на английском языке мы не обнаружили.

Исторические романы и пьесы о Дракуле румынских авторов 70-х и более позднего времени, к большому сожалению, на английском языке не издавались никогда.

3.1.1. Крис Хамфрис, «Дракула. Последняя исповедь»

Роман канадца К. Хамфриса интересен тем, что является историческим романом по определению, то есть главной мотивацией автора к созданию текста является интерпретация образа исторического Дракулы без примеси идеологических, политических, исторических, философских, психологических идей самого автора (в этом смысле «Война и мир» Толстого не является историческим романом). Разумеется, помимо коммерческих соображений, поскольку роман всё же эксплуатирует популярную тему.

В послесловии К. Хамфрис называет себя актёром и, если разобраться, то это и есть ключ к пониманию романа: «В душе я все еще остаюсь артистом, поэтому почти всегда стараюсь изучать своих персонажей точно так же, как актер исследует тот характер, который ему предстоит играть. Я стараюсь понять их мотивации, разобраться, какие события или отношения сформировали их жизнь и повлияли на действия, что побуждало их поступать так, а не иначе» [Хамфрис, с. 326]. Вольно или невольно, автор оправдывает Дракулу по формуле: «понять – значит простить». К. Хамфрис не пытается отрицать прегрешения Дракулы, даже явно выдуманные и совершенно невероятные, но создаёт обстоятельства, выстраивает события таким образом, что поступок героя становится оправданным, если не единственно возможным.

Приведём такой пример. Придя к власти, Влад встаёт перед необходимостью наказать бояр, отрубивших голову его отцу и закопавших живьём в землю его брата. И в тот момент, когда читателю становится понятно, что правитель просто не может поступить иначе, Влад произносит фразу из бенедиктинских рукописей: «Скольким валашским князьям вы присягали за свою жизнь, обязывались служить по долгу, верой и правдой?» В немецких

текстах предложенные обстоятельства совсем другие – Дракула казнит случайных бояр, присягавших многим князьям. Насколько немотивированным выглядит поведение Влада в манускриптах, настолько рациональны его поступки в романе. Очевидно, что дело не в самом поступке, а в его интерпретации.

Другой пример – убийство пристава, ворвавшегося в дом Влада в погоне за воришкой. В романе пристав ведёт себя заносчиво, оскорбляет князя, пугает его детей, обыскивает дом, и только после этого Влад вынужденно прибегает к оружию. Мотивировка «Этот дом и этот двор – часть Валахии, во всяком случае до тех пор, пока я здесь нахожусь» в таких обстоятельствах уже избыточна – в глазах читателя Влад поступил так, как и должен был поступить; в какой-то момент читатель уже сам готов убить пристава.

Эпизода убийства пристава нет в немецких листках, К. Хамфрис взял его у Ф.В. Курицына, но принципиально важные для русского книжника эпизоды – притчу о двух монахах, о золотом коле, о сожжении нищих – не использовал, поскольку они не соответствовали замыслу автора. Смерть Дракулы К. Хамфрис описал не по Ф.В. Курицыну, а по изложению письма Стефана Великого. Ночную атаку под Тырговиште представил по учебнику истории. Однако в романе есть фраза «Но что совершенно точно, так это то, что он ненавидит всякое преступление». А у Ф.В. Курицына так: *«И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ»* [Сказание, с. 462]. Иначе говоря, К. Хамфрису известны различные источники, и он выбирает из исторических исследований (К. Трептов), из бенедиктинских рукописей, из повести Ф.В. Курицына нужные ему эпизоды.

Писатель не хочет выглядеть эпигоном Б. Стокера: «Брэм Стокер создал прекрасный готический портрет чудовища по имени Дракула, высасывающего кровь своих жертв и обладающего поистине гипнотической притягательностью. Однако великолепным специалистом, профессором Элизабет Миллер, было доказано, что Б. Стокер на самом деле знал очень мало о реальном валахе, жившем в пятнадцатом веке» [Хамфрис, с. 326].

К. Хамфрис претендует на точное следование исторической правде, и это его публичная позиция, манифест: «Меня целиком захватила идея следовать исторической правде настолько полно, насколько это было возможно. Однако я прекрасно знал, каков на самом деле бывает разрыв между так называемыми фактами, о которых пишет романист, и реальностью. Здесь он получался чудовищным. Причина этого состояла в том, что на самом

деле о герое написано очень мало и почти все это отстоит очень далеко от правды» [Хамфрис, с. 327].

На деле автор не всегда следует историографии. Когда было нужно, автор использовал даже эпизод с колпаками турецких послов, который является бродячим сюжетом и заведомо не имеет отношения к реальному Дракуле. Автор неплохо знает историю, но для него история только материал.

К. Хамфрис осознаёт, что нажимает на те же струны в душе читателя, что и его предшественники – эротика и жестокость, натурализм и мистика, но всё же настаивает на историчности: «То, что приключилось с Интернетом в двадцатом веке, произошло с печатным прессом в пятнадцатом. Выяснилось, что на самом деле люди хотят вовсе не сказок о благородных рыцарях, а совсем другого. Им подавай секс и насилие. История Дракулы оказалась весьма лакомым куском, так как предоставляла вдоволь того и другого, особенно если все это изобразить под нужным углом, да еще с картинками. Говоря по правде, сам я делал то же самое, хотя старался следовать историческим фактам, насколько они мне были известны. В книге они изложены в той же последовательности, в которой происходили в жизни моего героя» [Хамфрис, с. 327].

Декларации К. Хамфриса иногда противоречат его действиям: «Я вдруг понял, что не должен судить своего героя, оправдывать или обвинять его. Мне хотелось показать все так, как это было на самом деле, и перестать выискивать ответы на вопросы о том, почему он делал что-то так, а не иначе» [Хамфрис, с. 327]. Но именно это автор и делает – оправдывает и судит. Сюжет романа построен на заочном суде над Дракулой. Казалось бы, кто может судить Дракулу? Современники? Читатели? «Только Господь может судить мои деяния», – говорит герой романа. Но автор-демиург решил иначе – устроил суд над героем, тем самым и поставил вопрос о судьях, и ушёл от вопроса о судьях.

Дракулу судят папский легат кардинал Доменико Гримани, рыцарь ордена Дракона Янош Хорвати, комендант замка Петру Иордаке, а свидетелями выступают друг детства Влада, любовница Влада и его духовник. Янош Хорвати желает воссоздать Орден Дракона, и для этого ему нужно если не обелить Дракулу, бросившего тень на орден, то по меньшей мере разобраться в реальности обвинений.

Роман очень кинематографичен, текст по структуре является сценарием, воспоминания каждого из свидетелей легко могут стать отдельным эпизодом фильма.

Действующие лица большей частью неисторичны, и сама идея надумана: в действительности Орден Дракона потерял своё значение вследствие смерти его основателя, императора Сигизмунда I Люксембурга, во времена, когда Влад ещё был ребёнком. Доменико Гримани – реальное лицо, но к указанной автором дате суда был совсем молодым человеком, а кардиналом стал значительно позже. Янош Хорвати погиб от руки Сигизмунда I задолго до учреждения Ордена и рождения Влада.

Автор точно указал обстоятельства и время пленения Хамзы-бея и Фоки Катаволеноса и описал личность Хамзы-бея, но это, скорее, исключение. Казнь Фоки автор обыграл как эпизод казни брезгливого слуги из бенедиктинских манускриптов. В романе действуют Мехмед Фатих и его отец Мурад, но события и диалоги вымышлены.

Стефана Великого К. Хамфрис сделал отрицательным героем. «Стефан Молдавский выбрал вполне подходящий момент, чтобы предать родственника, православную веру и заполучить то, чего он давно желал». По фабуле романа Баторий и Стефан бросили Влада одного и увели свои войска. «Ведь при этом Баторий уводил из замка свои войска. Ион не мог понять, почему он так поступил. Может быть, на него повлиял пример Стефана чел Маре, который уехал несколько дней назад?» [Хамфрис, с. 283]. Но посадив Влада на престол, венгерские и молдавские войска не могли оставаться в Валахии бесконечно. Больше того, Стефан оставил ему двести молдаван, которые впоследствии почти все погибли, о чём К. Хамфрису хорошо известно из письма Стефана, но автору важно представить Дракулу жертвой.

Автор упоминает Кодекс Иглау, чтобы показать, что ему известно разнообразие и широкое применение казней в Западной Европе, но исчадием зла К. Хамфрис делает турок. Дракула использует пытки и казни, которые видел в Турции, и он всего лишь жертва, таким его сделало пребывание в турецком плену. В трактовке автора, Влад эксцентричен, но не более того; «сумасшедший прагматик», по выражению кардинала Гримани.

Героем владеет лишь одна страсть – борьба с турками, что делает образ отчасти плоским. «Валахия станет наконецником копья, как и обычно, а весь христианский мир поднимется и двинется за нами». Любовная линия повествования приглушена жестокостью, эротикой, экстравагантностью героя. Но одержимого идеей человека лучше показывать живым, от этого роман только выиграет.

Второстепенные персонажи романа не похожи на людей Средневековья. При виде

пытках и казней они бледнеют, лишаются чувств, падают на пол, бросаются прочь, закрывают глаза и уши, «но пронзительные крики, полные страха и отчаяния, все равно прорывались в их сознание». Иногда автор сбивается на современную лексику: «информация», «запросы», «офицеры» и так далее.

Таким образом, К. Хамфрис не избежал типичной ошибки авторов Нового и Новейшего времени, наделяющих людей прошлого особенностями сознания современного человека; при довольно хорошем знании источников автор хуже понимает цивилизационные и нравственно-религиозные особенности православия, региональные балканские реалии Средних веков. Тем не менее, К. Хамфрис сделал искреннюю попытку написать исторический роман как таковой и создать реалистичный, непротиворечивый, не лишённый здравого смысла образ Влада Дракулы, отойти от тривиального образа безумного садиста, не содержащего ничего кроме алогичности и иррациональной жестокости. Автор дал возможность читателю путешествовать во времени, создал несколько противоречивый и натуралистичный мир, в котором есть место риску, благородству, жестокости и эротике. Декларируя историчность и близость к источникам, писатель создаёт оригинальный образ Дракулы, отдавая себе в этом отчёт. Особенно важно, что это, возможно, единственный роман об историческом Дракуле, написанный на английском языке.

Тему вампиризма К. Хамфрис не использует, лишь однажды в романе появляется упоминание о вампирах: «Георгий никак не мог появиться здесь, хотя, возможно, теперь он стал одним из бессмертных героев, восставших из мертвых и называемых в Валахии варколачь, а его черный плащ со знаком Дракона превратился в волчью шкуру» [Хамфрис, 196].

Произведение сочетает в себе признаки художественной литературы и массовой культуры, в этом смысле его можно отнести к мидкульту в понимании филолога Д. Макдональда.

Вместе с тем, К. Хамфрис, как и другие авторы, допускает некоторые неточности. Трансильванию К. Хамфрис считает «ещё одной провинцией Валахии». Крепостью Поенарь командует «спатар», а не «пыркэлаб» и так далее. Автор не знает, что православные монахи не бывают «бритоголовыми», что в православном храме нет исповедальных кабинок и нельзя поставить «три исповедальни в ряд».

Влад Дракула, как и его соперник Владислав II (не очень понятно, почему его так

называют, ведь Влад это тоже Владислав) – у Хамфриса опытные рыцари, много раз участвовали в турнирных поединках – но где и когда? В православных странах были судебные поединки как вид ордалий, где каждая сторона выставляла бойца, но это не было похоже на рыцарские турниры в католических странах. Рисковать жизнью ради забавы считалось греховным безумием. Разумеется, не было поединка между Владиславом II и Дракулой, это чистый вымысел.

Автор использует летоисчисление от Рождества Христова не только в авторской речи, но и в речи персонажей. Очевидно, что в Валахии XV века использовалось летоисчисление от Сотворения мира.

Современники называют Влада Цепешем и Казиклу-беем, Стефана называют Великим, между тем известно, что все эти прозвища появились значительно позже. Летописец Григоре Уреке называет молдавского господаря Стефаном Добрым. Отца Влада и автор, и турки, и сам Влад называют Дьяволом, чего в реальности не могло быть. В историческом романе всё это выглядит анахронизмом.

Роман К. Хамфриса вышел в переводе на русский язык в 2010 году, но, к сожалению, ещё не был издан на румынском языке.

3.2. Современная румынская литература о Дракуле

Сегодня в это трудно поверить, но роман Б. Стокера «Дракула», изданный в 1897 году в Лондоне, впервые вышел на румынском языке почти через сто лет – в 1990 году [Stoker 1990]. Некоторые исследователи [Martin] считают, что часть интеллигенции могла познакомиться с романом в переводах на французский, но очевидно, что массовый румынский читатель романа не видел и не испытывал непосредственного влияния ни в межвоенный период, ни позже. По всей вероятности, роман не вышел на румынском языке по той простой причине, что не был интересен румынскому читателю.

Можно сказать, что румынская литература на протяжении века избегала влияния мифа о вампире Дракуле, но и после публикации романа Б. Стокера на румынском языке в конце XX века, в Румынии не возник поток вампирической коммерческой продукции, в отличие от лавины маскультуры на английском и русском языках.

В первой половине XX века прозаических произведений о средневековом валашском правителе было немного: в 1909 году Михаил Сорбул опубликовал пьесу «Праздник нищих, трагикомедия в одном акте» [Sorbul], в 1932 вышла книга Михаила Садовяну о Стефане Великом [Садовяну], где косвенно упоминается Влад Дракула, но этот текст сложно назвать прозой, это, скорее, книга для чтения по истории.

В то же время среди историков того времени происходило обсуждение личности Дракулы. В первой истории Цепеша, опубликованной на румынском языке, И. Богдан утверждал, что Влад был тираном, за которого румынам должно быть стыдно, а причиной его жестокости были психические отклонения и садизм [Bogdan 1896, pp. 119-120]. Однако эта точка зрения не нашла широкого признания. А.Д. Ксенопол описывал Дракулу как одну из самых интересных фигур румынской истории и, признавая его жестокость, утверждал, что им двигало желание восстановить порядок на своей земле [Xenopol, p. 293]. Н. Йорга первоначально не одобрял действия Цепеша, но позже описал его как «свирепого героя, за чей труд и желание защитить страну так многое можно простить» [Iorga, p. 193]. По формулировке К. Джуреску, жестокость Цепеша не была исключительной и в любом случае была оправдана политическим императивом, а именно защитой и укреплением государства [Giurescu 1937, p. 41]. К началу Второй мировой войны эта позиция стала общепринятой: Влад был жестоким лидером, действия которого были оправданы в контексте времени, в котором он жил.

В средневековых воеводах, сражавшихся за независимость своей страны, историки-националисты нашли образцовых героев румынского национального прошлого [Voia, pp. 50, 192]. Наиболее значительными фигурами считались Михай Храбрый и Стефан Великий, но большим уважением пользовался и Влад Цепеш.

После прихода к власти коммунистов в конце 1947 года характер румынской историографии заметно изменился. Влад Цепеш стал игнорироваться в пользу других фигур, имевших более тесные связи с Россией. Он не исчез полностью из исторического повествования, но значение, придаваемое ему, уменьшилось.

В 1963 году профессор славянской истории Петре Панаитеску опубликовал в Бухаресте статью на русском языке, в которой утверждал, что «Сказание о Дракуле-воеводе» было написано на староболгарском языке неизвестным румынским автором из города Орадя, и представляет собой произведение славяно-румынской литературы, идеей которого является

борьба с турецкими захватчиками [Панайтеску, с. 279]. Позже, фольклорист Антон Балотэ, ссылаясь на Панайтеску, утверждал, что «Сказание» было написано на некотором «южнославянском» языке, но в Буде [Balotă, p. 166]. Последнее утверждение сегодня можно найти в английской Википедии и можно не сомневаться, что теперь так думают тысячи читателей. Если исходить из того, что «Сказание» было написано на средневековом русском языке в Аккермане (а мы придерживаемся именно такой точки зрения), то и тогда это произведение в некотором смысле можно считать произведением славяно-румынской литературы. Поскольку в православных странах корпус литературы на славянском языке в XV веке был практически общим, то между произведениями, создаваемыми в разных странах, не было резких идеологических различий, тогда как несходство с литературой на немецком языке бросалось в глаза.

В 1964 году Румыния заявила о своем праве следовать собственным путем развития в рамках коммунистического блока. В результате от социалистического интернационализма властям пришлось отказаться в пользу возврата к национализму. Кэтрин Вердери утверждала, что в Румынии национальная идея укоренилась настолько глубоко, что десятилетие социалистического интернационализма не добилось большого прогресса в ее искоренении [Verderi, p. 99]. Средневековые воеводы, боровшиеся за сохранение независимости Валахии и Молдавии перед лицом османской экспансии, были возвращены в пантеон национальных героев. Влад Цепеш подвергся новым интерпретациям, в 1964 году его описывали как «одну из самых ярких фигур в истории нашей страны» [Popescu, p. 18].

О Владе Цепеше был снят исторический фильм (в русском переводе «Господарь Влад», Румыния-фильм, 1979), но это не свидетельствует об особом внимании к Владу, поскольку ещё раньше вышла трилогия о Михе Храбром (1970–1974), а также фильмы о Дмитрие Кантемире (1973), Стефане Великом (1975), и длинный ряд популярных исторических фильмов о царях Дакии и Рима: «Даки» (1966), «Колонна» (1967), «Битва за Рим» (1968), и так далее, которые с большим успехом шли в прокате СРР и СССР [Румынские фильмы в советском и румынском кинопрокате].

В фильме «Господарь Влад» представлен период второго правления Влада (1456-1462) до его пленения Матвеем Корвиным, использованы несколько эпизодов из немецких памфлетов и Анонимная итальянская хроника «Потомки дома Оттоманского» [Льжина. Дракула на войне]. Образ Дракулы не выходит за пределы жёсткого патриота и борца за

независимость Валахии, действия Влада в целом разумны и рациональны. Несмотря на то, что консультантом выступал историк Н. Стоическу, фильм снят как батальный и не претендует на историчность (в какой-то момент Влад объявляет Дана III потомком Мирчи Старого, хотя Дан был из рода Данешти, то есть потомком Дана I).

Исследователи Р. Флореску и Р. МакНелли утверждали, что румынские коммунисты возвели Влада в ранг национального героя и всячески пытались оправдывать его жестокость [Florescu, McNally 1989, p. 220], а партийные историки преуменьшали значение зверств или стремились дать им рациональное объяснение [Florescu, McNally 1994, p. 4]. Те же авторы сообщали о том, что Н. Чаушеску был ярким поклонником Цепеша, а празднование в 1976 году 500-летия со дня смерти Влада было провозглашено «Годом Дракулы». Историк М. Казаку, работавший с Р. Флореску, также сравнивал Н. Чаушеску с Цепешем в негативном плане, но его книги были написаны значительно позже, в другой исторический период.

Британский исследователь Дункан Лайт [Light] в статье «Статус Влада Цепеша в коммунистической Румынии: переоценка» не согласился с таким видением ситуации. По его мнению, коммунистические историки говорили о Владе Цепеше в 70-е годы почти то же, что А.Д. Ксенопол, Н. Йорга и К. Джуреску в начале двадцатого века. Следовательно, это не реабилитация Влада коммунистическим режимом, а просто возврат к довоенному дискурсу, который прежде был подавлен в историографии послевоенного периода. Таким образом, попытки румынских историков рационализировать или оправдать жестокость и суровость Дракулы согласуются с националистической историографией во всех контекстах, а не являются чем-то специфичным для послевоенного румынского режима. Не говоря уже о том, что тезис о «жестокости и справедливости» Дракулы встречается ещё в «Сказании».

Историки позднего социалистического периода утверждали, что деяния Цепеша следует рассматривать в более широком контексте. Н. Стоическу напоминает [Stoicescu 1986, p. 204], что по всей Европе Средневековье было эпохой огромной жестокости, а сажание на кол не было изобретением Влада. Ш. Андрееску высказывает аналогичную точку зрения: Влад Цепеш был человеком своего времени, поведение которого не было необычным [Andreescu 1976, p. 269]. И другие румынские историки склонялись к тому, что жестокость Влада возникла не из-за садизма или какой-либо формы психического заболевания, а была вызвана политическими мотивами, в частности желанием укрепить и защитить государство [Stoicescu 1976, 207], [Giurescu 1974, 11]. Собственно, всё это уже было хорошо известно и с

1920-х годов описано в работах европейских исследователей Средневековья (см. раздел 2.2.2.).

В своих последующих трудах румынские историки стремились защитить репутацию воеводы от любых ассоциаций с вампиром Б. Стокера. Поскольку роман «Дракула» в то время не был переведен на румынский язык, остается только гадать, что обо всем этом думали румынские читатели.

Надо сказать, что мистическая, «вампирическая» массовая культура в Советском Союзе не пользовалась особой популярностью (фильм «Вий» (1967) и другое), хотя ассоциаций между вампирами и партийными вождями тогда ни у кого не возникало.

Государственные агиографы СРР действительно сравнивали Н. Чаушеску со средневековыми вождями Валахии и Молдовы и настаивали на преемственности между руководством страны и героическими деятелями прошлого. Но героями коммунистической Румынии, по утверждению Л. Бойя, были не только и не столько Дракула, но и такие личности, как Мирча Старый, Михай Храбрый, Стефан Великий, Тудор Владимиреску, Александру Иоан Куза, Николае Бэлческу, а также ряд царей даков [Voia, pp. 214–226]. Н. Чаушеску часто ссылался на Михая Храброго и Стефана Великого [Voia, p. 220], известно также, что он высоко ценил Мирчу Старого. К тому же Д. Лайт не нашел в Румынии никаких упоминаний о «Годе Дракулы»; в любом случае, румыны редко использовали антропоним «Дракула» в качестве имени Влада III Басараба во времена коммунистической власти.

Мы согласны с Д. Лайтом и в том, что обсуждение личности Влада Цепеша в Румынии не может не учитывать влияние книги «В поисках Дракулы», написанной Р. Флореску и Р. МакНелли и впервые опубликованной в 1970 году [Florescu, McNally 1970]. Р. Флореску и тогда, и позже, неустанно изображал Влада как абсолютного тирана, патологического садиста (подробнее см. раздел 3.4.3) и, хотя и не стал обвинять его в вампиризме, настаивал на том, что вампиры являются неотъемлемой частью трансильванского фольклора. Эта влиятельная и пользующаяся спросом книга, по мнению Д. Лайта, оказала воздействие на восприятие личности Влада Цепеша как в Румынии, так и во всем мире. Можно к этому добавить, что сочинения Р. Флореску оказали влияние и на российских авторов (подробнее см. раздел 3.4.2), не имевших никакого представления об идеологической борьбе, развернувшейся вокруг Дракулы в 70-х годах в Румынии.

Положительным результатом идеологического противостояния можно считать то, что

в эти годы вышел ряд произведений румынских прозаиков и драматургов о Дракуле: В 1970 году вышел первый вариант романа Георгины Виорики Рогоз, в окончательном виде получивший название «Дракулешти» (1977) [Rogoz], в 1971 в печати появились первые части пьесы Марина Сореску «Третий кол» (1978) [Sorescu], в 1973 году роман Мирчи Лериана «Цепеш» [Lerian], а в 1977 году книги Корнелиу Леу «Плач Дракулы» [Leu] и Дана Тэркилэ «Три исторические пьесы» [Tărchiilă]. Сложно сказать, попадали ли книги Р. Флореску и Р. МакНелли в Румынию, и если попадали, то на кого из румынских прозаиков повлияли.

К сожалению, ни одна книга румынских прозаиков о Дракуле не была переведена на английский язык. С другой стороны, исторические романы русских и англоязычных авторов тоже не переводились на румынский.

Удивительно, что ни западные, ни румынские историки не были знакомы с работами авторов, исследовавших сознание и мышление людей Средневековья, которые стали появляться ещё в 20-х годах. Или же, под влиянием идеологических установок, вели себя так, будто бы ни о чём подобном не слышали.

По замечанию Д. Лайта, постмодернистские взгляды на историографию ставят под сомнение существование такого понятия, как «настоящая» или «истинная» история. Вместо этого декларируется существование множества способов написания истории в зависимости от личности пишущего и контекста. Результат каждой попытки написать историю неизбежно будет выборочным и неполным. Особенно это касается написания национальных историй. Историки-националисты во всех контекстах материализуют определенные истории, события и личности, которые соответствуют взгляду нации на себя и свое прошлое; в то же время другие события и данные игнорируются или преуменьшаются. Поэтому писать о национальной истории часто означает не только помнить, но и забывать. Ренан сказал, что «неправильное понимание истории является частью существования нации».

Роман-мистификация Марина Минку «Дневник Дракулы» (1992) появился уже в другое время и в других условиях.

3.2.1. Марин Минку, «Дневник Дракулы» как роман-мистификация

Роман М. Минку представляет собой дневник Влада Дракулы, содержащий воспоминания детства, переписку с Папой Пием II, рефлексию героя, афористичные высказывания о мире и многое другое. По фабуле романа дневник был написан на

средневековом валашском языке (как известно, в XV веке никто не писал на валашском, кроме того, жанр дневника не соответствует эпохе), но в реальности текст романа создавался на современном литературном итальянском (тосканском) языке, был переведён на французский и через 14 лет на современный румынский язык. Разумеется, подлинность дневника – условность, которую читатель должен принять на веру, ибо роман не является историографическим исследованием и нельзя настаивать на соответствии сюжета историческим сведениям.

Неожиданностью здесь является то, что на абсолютной подлинности и достоверности повествования (речь не идёт о художественной правде) настаивает сам М. Минку как «биографический автор» (подробнее см. раздел 1.1) (например, в интервью К. Теодореску [Teodorescu, p.265]), хотя роман, вне всякого сомнения, является мистификацией. «Читатель, который предполагает обнаружить здесь привычного Дракулу готических романов, может воспринять роман как сенсационный. На самом деле для таких читателей сенсационной становится в первую очередь историческая информация (реальные документы, использованные в книге без ретуши), если подобный западный читатель не владел ею ранее, или, во всяком случае, не владел полностью. Подлинные хроники, как известно, бывают во много раз более сенсационными, чем нелепые вымыслы (Teodorescu, pp. 269-270] и далее обширный фрагмент такого же рода)».

Умберто Эко принадлежит такой афоризм: «Автору следовало бы умереть, закончив книгу. Чтобы не становиться на пути текста» [Эко, с. 427]. Но М. Минку не собирается умирать, он желает лично участвовать в мистификации – поведение «биографического автора» становится частью презентации романа. Или книга становится частью мистификации.

Итак, Влад Дракула, заключённый подземной пещеры над Дунаем, пишет дневник между 2 февраля 1463 года и 28 августа 1464 года. В дневнике вспоминает свою легендарную судьбу, полемизирует с Папой Пием II, вспоминает своих друзей – Козимо Медичи, Марсилио Фичино, Николая Кузанского. Оporоченный и брошенный сильными мира сего, Дракула создаёт собственную легенду о себе. По замыслу автора романа, Влад решил довести до абсурда слухи и выдумки о себе, чтобы показать их нелепость, и стал сочинять небылицы: «Я собираюсь помочь всем в этой всеобщей кампании против меня. Я придумаю несколько историй, полных отвратительной жестокости, и буду обильно питать бремя лжи, которую

вкладывают мне в уста. Я сам буду изобретателем самых чудовищных дел, которые обо мне будут рассказывать» [Mincu, p. 23]. В качестве творчества Дракулы в тексте романа полностью приведены на языках подлинников и в переводе на итальянский язык средневековые немецкие памфлеты [Кашперская, с. 152], «Сказание о Дракуле воеводе» [Сказание] и многое другое. Ничуть не смущаясь тем, что «Сказание» было написано лет через десять после смерти Влада.

Прежде чем анализировать авторскую позицию и проблематику романа, обратим внимание на образ Дракулы, созданный М. Минку, и меру его соответствия представлениям историков о Владе III Басарабе. Если исторический Дракула был набожным валашским средневековым правителем, то Дракула М. Минку – человек эпохи Возрождения, католик и практически итальянец. Жизнеописание персонажа соответствует такому образу – Влад был воспитан в традициях католицизма, много времени провёл в Италии, где участвовал в рыцарских турнирах (запрещённых для православных), свободно изъяснялся на итальянском, латинском, немецком, чем вызывал смертельную зависть у невежественного Стефана III Мушата и полуграмотного Матвея Корвина, который ещё мог как-то поддержать разговор на несложные темы, однако терпел многочисленные поражения в рыцарских турнирах. Дракула же успешно участвовал в ристалищах, вёл горячие дискуссии с теологом и энциклопедистом Николаем Кузанским [Mincu, p. 149] и даже принял участие в известном Ферраро-Флорентийском соборе [Mincu, p. 115]. Всё упомянутое происходило, по версии автора, в 1448 году, когда Янку де Хунедоара якобы отправил Влада вместе с Матвеем и Стефаном в путешествие для знакомства с великими европейскими дворами.

Несложно убедиться, что версия М. Минку является чистым вымыслом. В 1448 году Матвей Корвин вряд ли мог участвовать в рыцарских турнирах и философских беседах, поскольку к тому времени ему было пять лет. Собственно, и Ферраро-Флорентийский собор закончился до рождения Матвея, и ни Влад, ни Стефан, ни Матвей не могли в нём участвовать, да и не должны были – никто из них не был духовным лицом настолько высокого ранга. Тексты писем к Папе Пию II тоже вымысел (странно, что нет переписки с Франсуа Вийоном), как и многое другое. Вызывает недоумение неверное указание М. Минку даты смерти Дракулы – 1478 год [Mincu, p. 13] (в действительности – 1476 год).

Дракула отвечает согласием на предложение султана перейти в ислам: «Как однажды я перешёл из православия в католицизм, когда мой отец должен был войти в Орден Дракона,

мне не было тяжело принять это предложение» [Mincu, p. 102], чего в реальности не было и не могло быть – правитель Валахии не мог быть католиком, именно поэтому переход в католицизм не был условием вступления в Орден Дракона Сигизмунда I.

Дракула из романа утверждает, что все тексты его современников на всех языках написаны им самим, причём для разных народов по-разному, и предлагает сравнить фрагменты текстов на разных языках. В качестве текстов для славян предлагаются фрагменты «Сказания о Дракуле воеводе» Ф.В. Курицына, написанного уже после смерти Влада, причём некоторые фрагменты [Mincu, p. 74] не совпадают с предлагаемым автором румынским переводом. В качестве сочинённого Дракулой предлагается также бродячий сюжет о сожжении нищих [Mincu, p. 77], Дракула называет его «эвтаназией».

Помимо этого, есть множество других деталей, которые неподготовленный читатель может не заметить. В период позднего Средневековья самым большим городом Европы был Константинополь, культурное значение которого превосходило роль небольшого и захудалого к тому времени Рима. Престиж молодых итальянских языков (флорентийского, венецианского, неаполитанского, сицилийского) в XV веке был невысоким в сравнении с положением латыни и греческого. Влад не мог хвастаться знанием «итальянского», это явный анахронизм.

Из интервью К. Теодореску следует, что М. Минку воспринимал роман Б. Стокера как провокацию: «Почему румынскую культурную историю следует определять таким неестественным брендом, как вампиризм, и почему мы не должны добиваться места в восприятии других с помощью, казалось бы, более аутентичных творческих брендов?» [Teodorescu, p. 266].

Это заявление выглядит странно, если, конечно, можно относиться серьёзно к декларациям М. Минку. Сочинения о вампирах бытовали в Европе задолго до Стокера и не были никак связаны с валахами (трактат А. О. Кальме (1672-1757) [Кальме]). Абрахам (Брэм) Стокер был человеком викторианской эпохи, и роман о вампирах был формой, позволившей дать невзыскательному читателю предосудительные с точки зрения морали фрагменты. О «румынской культурной истории» Б. Стокер знал ещё меньше, чем о Дракуле. М. Минку, несомненно, понимал это и поэтому называл творчество Б. Стокера «прикорбным» [Mincu, p. 18]. Было бы нелепо воспринимать как вызов сочинение человека, не имеющего ни малейшего представления о румынской культуре. Собственно, итальянскому и французскому

читателю подобного рода переживания безразличны, но надо учитывать, что это интервью предназначалось румынскому читателю.

Если бы роман был переведён на другие языки, то, мы, возможно, могли бы наблюдать новые фазы мистификации.

Итак, вместо православного средневекового валашского правителя М. Минку желает видеть Дракулу представителем итальянского Возрождения, воспитанного в католицизме. Но Дракула М. Минку (в интервью есть синтагма «Дракула из романа») не получился ни человеком Средневековья, ни человеком Возрождения: при внимательном прочтении становится ясно, что «Дневник Дракулы» принадлежит второй половине XX века.

Человек Средневековья, как и человек Возрождения, не был равнодушным к религии. Человек прошлого постоянно ходил по лезвию ножа: проявить ли благочестие в ущерб земным интересам, или согрешить, рискуя судьбой бессмертной души, но не умереть с голоду. Сотериологические, эсхатологические переживания неустанно преследовали его.

Дракула из романа пишет: «Кто-то или что-то установил, что человек не должен совокупляться с животными, а я нарушил этот негласный запрет» [Mincu, p. 101]. Почему же негласный? И в Ветхом, и в Новом завете есть запрет на совокупление с животными, странно было бы не знать об этом образованному христианину. Другой пример: «я отрицаю всякую абстрактную мораль» [Mincu, p. 93]; для средневекового человека мораль не могла быть абстрактной, поэтому эта фраза лишена смысла. Некоторые высказывания Дракулы могут восприниматься как прямое выражение неверия и даже богохульства: «я не могу преклоняться перед Богом, если я не уверен, что он меня спасёт» [Mincu, p. 191]; «правда, что, когда я сажал кого-то на кол, мне казалось, что я превыше Господа» [Mincu, p. 132]. Любая из этих фраз несовместима с сознанием верующего человека.

Для средневекового человека крайне значимой была принадлежность к правильному вероисповеданию, важной была принадлежность к определённому сословию, и значительно менее важной – языковая или национальная принадлежность. Герой романа – полная противоположность: он невежественен в вещах, известных каждому христианину, но озабочен национальным вопросом («разбудить валашское сознание» [Mincu, p. 86]), что является явным анахронизмом.

Дракула пишет: «я бы хотел, чтобы после меня кто-то мог имитировать меня, или хотя бы однажды прожить мою архетипическую роль [Mincu, p. 86]». Но слово «архетип» впервые

появилось в XIX веке, а в юнговском смысле – в первой четверти XX века. В другом месте дневника Дракула говорит о «невероятной красоте наших басен, песен» [Mincu, p. 59], хотя интерес к фольклору проявился в Европе довольно поздно, не раньше XIX века. И подобных анахронизмов в речи героя довольно много: «экзотерический сценарий рождения Иисуса» [Mincu, p. 85], «монструозность насильственных поступков привнесена трансцендентально» [Mincu, p. 133], «патологическая одержимость» [Mincu, p. 60], «каталептическое состояние» [Mincu, p. 89], «эвтаназия» [Mincu, p. 77], «контакт с другими цивилизациями» [Mincu, p. 190], «отрицательный герой» [Mincu, p. 56], «выдуманная идентичность» [Mincu, p. 60], «мое Я» – этих понятий в XV веке не было ни в одном языке мира.

В дневнике также довольно много натуралистических сцен, эпизодов изнасилований, извращений, инцестуальных переживаний, которые могли быть описаны не раньше XX века.

Каким же получился образ Дракулы, является ли этот ницшеанский сверхчеловек личностью эпохи Возрождения? Дракула из романа получился человеком вполне современным, или, если быть точным, некоторой химерой – ухо кошки, хвост козы. Массовый читатель, как румынский, так и итальянский, эти ошибки и анахронизмы мог и не заметить, но тогда не вполне ясно, кто же читатель М. Минку. По мнению Пьеро Бигонджари, автор – поэт, семиолог – написал книгу, которая должна понравиться писателю и семиологу, наподобие Умберто Эко: «книга, в которой соприкасаются и путаются крайности: от самой извращенной деградации до несчастливой иллюзии величия» [Bigongiari, p. 226].

Любопытно также высказывание Николае Ляху о том, что Марин Минку самому себе интереснее, чем всевозможные собеседники вместе взятые [Leahu, p. 116].

Но зачем же автору нужен именно такой Дракула? Как такой образ героя связан с проблематикой произведения? Декларации М. Минку абсолютно фантазмагоричны: «Через Дракулу валахи присоединяются к участию в освобождении титанической индивидуальности, предлагаемом возрожденческим мировоззрением» [Mincu, p. 268]. Собственно, это и есть суть проблематики произведения. Автору хотелось рассвета Возрождения в отдельно взятой Валахии. И совершенно неважно, что в восточнохристианских странах не было признаков эпохи Возрождения ни в XV веке, ни позже: в этом регионе закат Средневековья сменялся Барокко.

Другими словами, М. Минку создавал новый миф о Дракуле, альтернативный

бытующему мифу о кровожадном вампире, но тоже вполне апокрифический. Никакие несоответствия, нестыковки, несуразности его не волновали. В преамбуле к роману автор делает следующее замечание: «Новый роман о Дракуле не мог бы существовать иначе как при условии абсолютной верности истории» [Mincu, p. 9]. И М. Минку действительно удалось убедить не только простого читателя, но даже некоторых критиков [Bagiu], что Дракула действительно был другом Козимо Медичи и участвовал в Ферраро-Флорентийский соборе.

Переводчик французского издания романа Анка-Домника Илеа находит оправдание Минку в том, что история, как и сама реальность, эластична, это наименее точная наука, интерпретация, где конкретное событие может выглядеть по-разному в зависимости от субъективности повествующего и идейно-политической установки эпохи [Илеа, p. 7]. История, безусловно, эластична, но всё же не настолько. А вот Георге Попеску менее склонен к политесу: «Для современного писателя *factum verbum est*, как и истина, впрочем. Автор «Дневника Дракулы» это прекрасно знает и, кроме того, он прекрасный манипулятор [Popescu 2021]». С последней фразой трудно не согласиться.

Если задачей автора действительно была «реабилитация» Дракулы, то нам следовало бы спросить – какого именно? Исторического Дракулы (что бы это ни значило), «Дракулы из романа», стокеровского Дракулы? И в чьих глазах его предполагалось реабилитировать – М. Минку, Б. Стокера, итальянского, румынского, французского читателя?

Исторического Дракулу можно судить только по законам его времени, современный массовый читатель Дракулу ни прощать, ни судить не может. У каждого времени свои истины и свои заблуждения. И чтобы научиться понимать, нужно смотреть в прошлое без осуждения или раболепия, не навязывая времени собственные заблуждения и свои истины.

Разумеется, никто не требует от автора следовать исторической правде, речь идёт о художественной условности. Правила игры устанавливаются художником, они могут быть какими угодно, но в любом случае они не должны нарушаться самим демиургом. Пространство романа, внутренний мир произведения должны существовать в некоторой определённой, пусть даже в очень условной логике, иначе разрушается внутренняя цельность произведения.

Серджио Дживоне назвал роман историей масок, которые выбирает Дракула, или которые Дракула присвоил на протяжении истории [Givone, p. 229]. Но и автор романа не

желает снимать маску даже во время интервью.

3.2.2. Марин Сореску, пьеса «Третий кол»

Для прозаика, пишущего об историческом Дракуле, обычно важна реабилитация Влада, даже при том, что главный герой не выходит безгрешным. Это верно для румынских прозаиков, особенно для М. Минку, верно для К. Хамфриса, и верно для русских авторов в неменьшей степени. Однако не для М. Сореску.

М. Сореску хорошо понимает рациональность поведения «Цепеша» (мы уже говорили, что при жизни Влада никто «Цепешем» не называл, но будем называть Дракулу так как его называют в пьесе), и объясняет зрителю сложность положения правителя, показывает благородные мотивы его жестокости – благополучие страны, поддержание порядка, сопротивление турецкому нашествию. Но, в отличие от К. Хамфриса, М. Сореску не прощает Владу вынужденную жестокость и не позволяет зрителю ему сочувствовать. Как только зритель начинает располагаться к Владу, испытывать симпатию, проникаться сочувствием, Цепеш (или автор) устраивает очередную зверскую выходку, вроде расправы над Джоицей [Sorescu, p. 125] или дикого убийства верного Папука [Sorescu, p. 193], которую с точки зрения логики ещё как-то принять можно («пока в стране будут курвы, у турок будет искушение напасть»), но сопереживать такому Цепешу нельзя.

Цепеш жертвует собой, своей бессмертной душой, ради страны, ради справедливости и счастья людей, но это не спасает его от морального распада. Автор последовательно, от убийства к убийству, ведёт его к саморазрушению.

Жанровую разновидность пьесы М. Сореску «Третий кол» определить довольно сложно. На первый взгляд, это народная драма – об этом свидетельствует национальный колорит, живой язык, простонародный юмор. Пьеса очень румынская, иностранец столкнётся со сложностями восприятия и перевода, чего нет в других исторических романах о Владе Дракуле. В этой пьесе много смешного, персонажи часто шутят над собственными зловключениями, но по большей части это чёрный юмор, иногда даже с элементами садизма. На первый взгляд, драма решена как трагикомедия или трагифарс. Автор называет пьесу «народной трагедией в пяти актах», но это далеко не так.

Персонажи вдруг начинают нарочито вворачивать в просторечье разного рода неологизмы, и это бывает даже смешно, но легко разрушает иллюзию историзма и атмосферу

народной драмы. Средневековые персонажи говорят о «программе» [Sorescu, p. 143], «продуктивности» [Sorescu, p. 145], «феномене» [Sorescu, p. 147], «флуктуации» [Sorescu, p. 151] и даже о «праве выражать своё мнение» [Sorescu, p. 163].

Нередко встречаются филологические шутки, которые диссонируют с народной лексикой и прямо указывают на постмодернистские элементы повествования. Пырву указывает Владу на бедный словарный запас Джоицы [Sorescu, p. 124]. Воевода Дан в ответ на риторику боярина Цени скептически замечает: «Фразеология» [Sorescu, p. 139]. На вопрос Турка, почему трупы не хоронят, Румын отвечает, что это открытый финал [Sorescu, p. 195].

Сюжет пьесы не представляет собой последовательного повествования, а распадается на несколько «общеизвестных», а на деле вымышленных эпизодов: сожжение нищих, заключение в Буде, суд над подданными. Действия немного, часть персонажей не принимает активного участия в происходящих событиях, а составляет нечто вроде античного хора: они обсуждают и поясняют поступки Влада и изменения ситуации. Такими персонажами являются, в частности, Турок, Румын, Художник и Домника.

Название пьесы идёт от трёх кольев, установленных на театральной сцене. На первых двух висят две жертвы, два мистических персонажа – Румын и Турок – ни живые, ни мёртвые, казнённые по случаю («по судебной ошибке»), но неумирающие и ведущие непрекращающиеся споры и беседы.

Домника, девушка из обслуги, по ходу пьесы превращает итальянского авантюриста Художника (легкомысленного, хотя талантливого и доброго человека) в содержательную личность, «румынизирует» его, женит на себе и производит на свет божий двоих детей – Влада и Домнику. Художник оправдывает жестокость Цепеша – «армия дезорганизована, бояре ужасны» [Sorescu, p. 130] – в этом и состоит роль данного персонажа. «Бьёт топором в Господа, а после кается». «Он блаженный, который изображает свирепого. Не надо судить о нём по маске» [Sorescu, p. 176]. Художник иногда предсказывает будущее Влада, благо для автора это несложно.

Перед сожжением Цепеш приглашает турецких послов на пир нищих и предлагает им отдать калек и попрошайек в качестве детей, составляющих часть дани («харач»), поскольку нищие такие же иждивенцы, как малые дети. После чего сжигает одного из послов вместе с нищими, а другого отпускает, чтобы он мог рассказать о том, что видел [Sorescu, p. 170].

Цепешу нравится объяснять свои поступки, но получается это почти всегда зловеще:

«Пока я не покончу с нашими родными и христианами, я не могу переходить к язычникам» [Sorescu, p. 137]. И всё время ёрничает: «Какую бы справедливость я учинил, было бы у меня время» [Sorescu, p. 126]. «Многих я мог простить. И это было бы на пользу родине. Но я убил их из застенчивости» [Sorescu, p. 183].

Цепеш циничен, глумлив, слегка бравирует, ему присуща постмодернистская чёрная ирония. Глядя на свой портрет, он говорит: «Кто это? Этот вампир ...»

Третий кол всегда свободен, на прямой вопрос боярина Папука – для кого этот кол – Цепеш отвечает неопределённо: «для тебя Папук, ты же не святой; или же для кого другого – мы все грешим время от времени; пусть будет под рукой на всякий случай, не помешает» [Sorescu, p. 127]. Цепеш, по выражению Художника, «шутит и не шутит» [Sorescu, p. 128].

Безысходность положения Цепеша подчёркивает такой персонаж как провидец Миникэ, отказывающийся жить в своём времени и на этом основании не желающий платить налоги. Влад по своему обыкновению подшучивает и над ним: «А нас оставляешь мучиться в этих временах? [Sorescu, p. 134]». Однако соглашается – времена ему тоже не нравятся: «Но я Правитель. Я не могу капризничать перед лицом истории как ты» [Sorescu, p. 135].

Позже Цепеш вновь возвращается к этой мысли: «Времена были ужасными, из тех, что не позволяют ни милосердия, ни прощения» [Sorescu, p. 191]. Но придёт время, когда Цепеш сам попросит о милосердии.

Моральный тупик правителя осознают живые мумии Турок и Румын и сообщают об этом зрителям:

«– У него больше нет друзей.

– А мы кто?

– Приближенные были вырезаны им за отсутствием иных. Оставалось несколько, но и тех он вырезал на скорую руку» [Sorescu, p. 198].

Цепеш со временем осознаёт бессмысленность своих усилий и говорит себе: «Ты думаешь, вселив ужас в своих, ты напугаешь врага? Свои уже сошли с ума от ужаса, а враг снова здесь» [Sorescu, p. 199].

Автора прежде всего интересует именно этот конфликт: Влад страдает за других, приносит себя в жертву, попав в ловушку неумолимых событий, но ни морального согласия с собой, ни достижения желанной цели нет. В финале пьесы смертельно раненный Цепеш пытается взобраться на третий кол.

Перед смертью Цепеш просит милосердия, он ищет сострадания и сочувствия: «Я страдал за всех» [Sorescu, p. 200], но ведь и Джоица просила того же – милосердия...

Как и всякий постмодернистский текст, пьеса допускает множество толкований, имеющих равное право на существование.

Некоторые критики видят в пьесе направленность против режима Н. Чаушеску. В самых общих чертах такое толкование допустить можно, но конкретных указаний в тексте пьесы нет. Идея пьесы М. Сореску в том, что никакие благие намерения не могут оправдать жестокость, а путь бесчеловечности приводит в конечном счёте к поражению и моральному саморазрушению. Соответствует ли образ Цепеша личности Н. Чаушеску и его деяниям – вопрос политических взглядов, а не творчества. Важно, что пьеса имеет самостоятельное значение, поскольку чисто политические произведения быстро утрачивают актуальность и перестают быть интересны читателю. Так или иначе, пьеса была опубликована, следовательно, цензура не видела опасности для существующего режима. Стихи и пьесы Сореску в 70-х годах переводились на русский язык и публиковались в СССР.

Исторические неточности Сореску не имеют большого значения, поскольку автор отказывается от историзма, но все же укажем на них. Дан-воевода ругает Гутенберга [Sorescu, pp. 141, 144] и говорит о печати, но при жизни Дана (1459 год) и Влада (1976 год) печатного станка ещё не было ни в Валахии, ни на Балканах, ни в Семиградье.

3.2.3. Георгина Виорика Рогоз, роман «Дракулешти»

Роман «Дракулешти» будто бы написан новеллистом, такую стилистику называют «прозой поэта»:

«Ninsoarea deasă îmi biciuiește cu suflul ei înghețat fruntea, obrazul. E frig. Dar, dintre vălurile reci ce îneacă decindea, alunecă din nou acum spre mine — o simt, o sorb, o văd, — crește și mă-nvăluie din nou aeeva acea noapte caldă, cumplită, cu iz înțepător de fum acru și uneori grețos, cu pale de vînt ce mișcă încet, răsucit, moale, frunzele verzi de stejar și arin, îngroșate cărnos și nefiresc de limbile aspre ale focului pus de noi, în margine de tabără...»

«Метель хлещет меня по лбу, по щеке своим ледяным дыханием. Холодно. Но из холодных валов, тонущих по ту сторону, снова скользит ко мне - я чувствую её, я пью её, я вижу – снова растёт и снова окутывает меня наяву та тёплая ночь, лютая, с колючим

привкусом кислого и слегка тошнотворного дыма, с порывами ветра, медленно, мягко закручивающего зеленые листья дуба и ольхи, неестественно распухшие от шершавых языков огня, который мы развели на краю лагеря...» [Rogoz, p. 286] (перевод О.Н. Талмазана)

Роман представляет собой своего рода сагу о борьбе между двумя ветвями правящего Валахией рода Басарабов – потомками Дана I Басараба («Данешти») и потомками его брата Мирчи Старого («Дракулешти») на фоне лавирования между зависимостью от венгерской короны и опасностью турецкого нашествия.

Повествование ведётся отстранённо, с особым вниманием к мелким деталям быта, одежды, оружия, к описаниям эмоционального состояния незначительных персонажей, кухни, погоды; фокус зрения автора перемещается между несколькими второстепенными персонажами, выступающими в роли нарраторов. Рассказчики на протяжении романа могут меняться, это может быть Харефта, валашский мальчик, ставший писцом у турок, или старый Влад II Дракул, или итальянский художник и путешественник Бенедикт, что позволяет заглянуть на консилиум у Папы Пия II, но при этом «чистый автор» (подробнее см. раздел 1.1) остаётся неизменным – тот же взгляд на мир, тот же язык, та же тематика. И это, скорее, недостаток романа. Произведение по жанру, безусловно, является историческим романом, но так же, как историческая проза Е. Артамоновой и С. Лыжиной, является и женским романом. Описания сражений занимают очень небольшое место и представляют собой мозаику малозначительных событий, мелких наблюдений, не позволяющих увидеть картину действия в целом, понять логику событий. Зато очень хороши сцены ревности к одалиске [Rogoz, p. 219], прекрасны эротические эпизоды, даже несмотря на то, что роман вышел в 70-е годы.

Рогоз, как и М. Минку, вестернизирует Дракулу, который говорит на гемуэском языке [Rogoz, p. 316], участвует в рыцарских поединках. Автор выдумывает рыцарский турнир в Буде [Rogoz, p. 50], где происходит столкновение рыцарей из кланов Данешти и Дракулешти, чего на самом деле не было и не могло быть. Православие не приветствовало такие развлечения, и даже судебный поединок («поле») осуждался священнослужителями. Ренессансные явления отчасти затронули Венгрию, но не Валахию и другие балканские страны.

Автор отправляет старшего, Влада II Басараба, в Византию для встречи с базилевсом, а младшего Влада Дракулу на турнир в Венгрию, хотя в реальности именно старший долгое время жил в Венгрии, а младший в Турции и Молдавии.

Описание Турции, турецких нравов, быта, жестокости, описание жизни героя при дворе султана определённо напоминает роман К. Хамфриса. Однако автора нельзя обвинить во вторичности, поскольку роман «Дракулешти» был написан значительно раньше, чем романы К. Хамфриса, Е. Артамоновой или М. Минку. С другой стороны, роман не был переведён ни на английский, ни на русский языки, вероятно, поздние авторы развивают какие-то общие линии произведений о Дракуле. Предполагаем, что М. Минку мог знать роман Г.В. Рогоз.

Один из немногих эпизодов, раскрывающих образ главного героя, и чрезвычайно важный для понимания идеи романа и образа мысли автора, это эпизод спора Влада с преданными слугами [Rogoz, p. 302].

В плен к валахам попадает престарелый поэт и летописец Торгуд-бей, прежний учитель и наставник Харефты, воспитавший и обучивший его, несколько раз спасавший ему жизнь. Харефта отчаянно пытается сохранить жизнь учителю, несколько раз обращается к Владу, объясняя, что учитель может быть полезен, но безуспешно – всё, чего ему удаётся добиться, это возможность убить учителя самому, прежде чем того посадят на кол. Торгуд убивает себя ножом, который ему передаёт ученик.

Чуть позже между Владом и его соратниками происходит столкновение, в ходе которого Влад обвиняет Штефана Туркула (Харефту) и Кодра в том, что они боятся мнения близких людей и Бога больше, чем правителя. По большому счёту, это манифест Дракулы.

«Я один знаю, почему я должен быть неумолимым, суровым. Я один понимаю причину. Я могу объяснить вам, для ваших посредственных и искалеченных страхом мыслей, только одно: что здесь, в наше время, под нашей судьбой, среди добродетелей правителя нет места милосердию».

«Чтобы обуздать неблагодарность, притеснения, злобу врагов всех мастей и языков, я один чувствую себя на этом уголке земли, издревле управляемым моими предками, своего рода орудием Божьим здесь. Только мечом, острым колом и уздой я держу своих внутренних врагов на поводу; только ужасом я могу смирять врагов внешних...»

«А ты боишься Бога гораздо больше, чем зла во мне, потому что он обрекает тебя навеки расплачиваться за какие-то минутные ошибки, которые он же и predeterminedил игрой твоей человеческой судьбы».

Последняя фраза – явная вольность, но остальное по сути совпадает со

средневековыми представлениями о предназначении правителя (подробнее см. раздел 2.2.1.).

«Вокруг меня одно предательство... одно предательство... Страх и предательство... Они, твари боярские, не понимают, что предавая меня в этот трудный для страны час, они предают больше, чем господина, которому присягали ... Мерзавцы! Собаки! Они бы хотели, они бы очень хотели, чтобы я прогнал Мухаммеда; этого и ждут, они жаждут это видеть, но издалека, из своих тихих и огороженных хоромов, и тогда они все бросятся меня рвать!» [Rogoz, p. 302]

Дракула Г.В. Рогоз – человек, для которого судьба Валахии является высшей ценностью. Судьбы близких, Божьи заповеди, безусловно, имеют для него значение, но, если для спасения страны надо будет пожертвовать бессмертием души, Дракула ни перед чем не остановится.

Как и большинство румынских прозаиков, Г.В. Рогоз выстраивает свою стратегию оправдания Дракулы, тогда как русские прозаики, при самом благожелательном отношении к Дракуле (Артемьева, Лыжина, Задунайский, другие), спокойно относятся к немецким памфлетам и выстраивают положительный образ героя, не оправдываясь и не оглядываясь на приписываемые ему поступки, мнимые или действительные.

До последней четверти романа автор не пользуется сюжетами бенедиктинских рукописей, что придаёт роману определённое настроение, но затем [Rogoz, p. 315] упоминает о монахе, который не умел разговаривать с правителем, историю про купца и про золотую чашу [Rogoz, p. 319], про высокий кол. Все эти эпизоды отмечены в каталоге А.П. Кашперской (см. раздел 2.1.4.). Сцена убийства Дракулы [Rogoz, p. 323] у Г.В. Рогоз совпадает с аналогичным эпизодом у Ф.В. Курицына (Дракула, наблюдающий за боем с вершины холма, получает удар копьём в спину), хотя последний приход Влада к власти соответствует посланию Стефана III в Венецию.

Автор использует устаревшую лексику, цитирует исторические документы, хотя допускает и анахронизмы.

В то же время в тексте есть признаки индоктринированности автора. К примеру, автор говорит о книге на «румынском языке» в XV веке, переводит с латыни Valachis [Rogoz, 134] как «румыны» и так далее. Но, надо заметить, русские авторы (С. Лыжина, М.Н. Одесский) поступают так же.

Есть фактические ошибки и другого рода. Печатные книги, содержавшие историю о

Дракуле, появились уже после его смерти в Баварии, а при жизни Влада саксонских печатных изданий Папа Пий II видеть не мог [Rogoz, p. 133]. Такая же неточность встречается и у М. Сореску [Sorescu, pp. 141, 144]. Когда К. Хамфрис говорит о влиянии печатного станка на судьбу Дракулы [Хамфрис, p. 327], речь идёт о его посмертной репутации, а не о прижизненной пропаганде.

3.3. Современная русская литература о Дракуле

Русский перевод романа Брэма Стокера появился довольно быстро: в 1902 году вышел перевод княгини Е.Ф. Крапоткиной; в 1912–1913 годах перевод Н. Сандровой выходил в серии приложений к санкт-петербургскому еженедельнику «Синий журнал».

О романе восторженно отозвался невероятно популярный в те годы поэт-символист Александр Блок: «...прочёл я "Вампира – графа Дракула". Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял ещё и глубину этого, независимо от литературности и т. д. Написал в "Руно" юбилейную статью о Толстом под влиянием этой повести. Это – вещь замечательная и неисчерпаемая, благодарю тебя за то, что ты заставил меня, наконец, прочесть её» (из письма Е.П. Иванову от 3 сентября 1908 года [Блок, с. 186]).

В 1912 году под псевдонимом Олшеври Барон (псевдоним, вероятно, Екатерины Молчановой-Хомзе) вышел роман «Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди» [Олшеври] – имитация и отчасти пародия на роман Б. Стокера.

Несмотря на то, что традиция «готических» повествований в России существовала задолго до Б. Стокера (уже упоминался сборник «Упырь на Фурштатской. Забытая вампирская новелла XIX-XX вв.»), интерес к роману был умеренный, а тиражи незначительными в сравнении с бестселлерами российской массовой культуры 1900-1910-х (Лидия Чарская, Анастасия Вербицкая, Михаил Арцибашев).

Исторический Влад III Басараб в России был известен в Новое время благодаря тому, что с времён Карамзина появился интерес к «Сказанию о Дракуле воеводе», над изучением которого работали известные русские учёные и румынские слависты – Иоан Богдан и Полихроние Сырку.

В 1964 году вышла монография Я.С. Лурье «Повесть о Дракуле» под редакцией Д.С.

Лихачёва, серьёзное академическое издание, куда помимо филологических, идеологических, текстологических исследований «Сказания» вошли немецкие памфлеты, поэма М. Бехайма, сообщение А. Бонфини, сказки П. Испиреску. Труд Я.С. Лурье во многих отношениях положительно отличается от довольно поверхностных работ Р. Флореску и Р. МакНилли, вышедших в свет десятью годами позже, однако не был переведен на иностранные языки и не был издан за границей ни в советское время, ни позже.

Недостатком исследования Я.С. Лурье, как уже отмечалось, является непонимание или игнорирование особенностей сознания средневекового человека (подробнее см. раздел 3.4.1), свойственное и западным, и румынским «дракуловедам».

Начиная с 50-х годов Советском Союзе выходили книги и фильмы, посвящённые истории Молдавского княжества, такие как, например, книга А.И. Бабия «Дмитрий Кантемир» (1984). Издавались исторические сочинения классиков: Г. Асаки «Исторические новеллы», К. Негруци «Александру Лэпушняну», Б.П. Хаждеу «Ион-воевода Лютый», М. Садовяну «Жизнь Стефана Великого» и другие. А. Коган выступил автором исторических повестей и романов о временах Стефана Великого, в том числе: «Высокий мост» (1976), «Замок братьев Сенарега» (1979), «Мангупская княжна» (1984), «Час нашествия» (1988), трилогия «Войку, сын Тудора: Хроника времён Штефана III Великого, господаря Земли Молдавской» (1990).

О правителях Валахии фильмов не снимали, поскольку было принято считать молдаван отдельным этносом. Тем не менее в кинотеатрах с успехом шли румынские фильмы о Михе Храбром (три части 1970-74), Дмитрие Кантемире (1973), Стефане Великом (1975), Владе Дракуле (1979), Мирче Старом («Благородное наследие», 1989), наряду с другими румынскими историческими лентами [Румынские фильмы в советском и румынском кинопрокате]. В 1973 году практически одновременно вышли два фильма о Дмитрие Кантемире: в МССР и СРР.

Идеологическая борьба вокруг фигуры Дракулы, развернувшаяся между румынскими и американскими историками в 70-х годах, прошла мимо внимания советской интеллигенции, поэтому Р. Флореску воспринимался российскими филологами как авторитетный и объективный учёный. К тому же книги Р. Флореску издавались на английском языке, более распространённом в России, чем румынский. Произведения румынских прозаиков 70-х годов о Дракуле, к большому сожалению, ни на английский, ни на русский язык не переведены по

сей день.

В 90-х годах несмотря на полную свободу, или, точнее, полный произвол, ничего нового о Дракуле на русском языке не появилось. Ситуация изменилась только в 2000-2010-х, когда Россию захлестнул вал разного рода вампирической массовой культуры; речь идёт о сотнях и сотнях произведений, как оригинальных, так и переведенных с английского языка. Эпигоны Б. Стокера – лишь небольшая часть этого потока, большей частью это разного рода мистическая литература, а также произведения других жанров массовой культуры с упоминанием вампира Дракулы.

В отличие от англоязычной литературы, поток мистики и ужасов не помешал появлению на русском языке исторических романов о Владиславе III Басарабе, в Интернете сформировались группы почитателей исторического Влада Дракулы, стали появляться произведения и работы о Дракуле русских исследователей и писателей: Е. Артамоновой, С. Лыжиной и других, были переведены книги румынских историков: Р. Флореску, М. Казаку, появились переводы отдельных румынских прозаиков, пусть и не всегда лучших, таких, как Василе Лупашк [Lupaş] и перевод с английского романа Криса Хамфриса.

В российских социальных сетях и сегодня можно найти группы, где посетители обмениваются книгами о Дракуле, фильмами, компьютерными играми, небольшими текстами, картинками и прочим: <https://vk.com/draculacult>; <https://vk.com/vladdraculaiii>; https://vk.com/dracula_1448; https://vk.com/vlad_iii_tepes. Иногда в социальных сетях появляются нелегальные любительские переводы румынских текстов о Дракуле.

В 2016 году в Москве был снят сериал «София» о временах Ивана III Васильевича, где отражена борьба между Еленой Стефановной (Волошанкой) и Зоей Палеолог (Софией), а Стефана Великого играл популярный актёр Александр Балуюв.

Интересно, что часть русских писателей, таких, как Светлана Лыжина и Злата Фрумоаса (псевдоним принадлежит Елене Петровне Синягиной), становятся румынофилами и начинают высказывать идеи румынского патриотизма. В финале рассказа З. Фрумоаса (так автор определяет жанр произведения) декларируется братство между Владом и Штефаном как объединение Румынии:

«Влад отстранился, разглядывая Штефана – все те же правильные черты, золотой шелк волос серьезные теплые глаза на лице воина. - Ты ничуть не изменился, брат мой! – Ты тоже, – сверкнул зубами в усмешке. – Все то же дикое порождение гор и лесов. Князья,

хранители своей земли. Равные во всем. И даже в своем посмертии. И что с того, что за одним стоят Небесные Силы, а другого сопровождают порождения ночи? Братья, навечно связанные друг с другом. И больше не надо ничего говорить.

В 1600 году от Рождества Христова Михай Храбрый, господарь Валахии, объединил под своим началом три княжества – Валахию, Трансильванию и Молдову. И смог удержать их вместе один год и один день» [Фрумоасэ].

3.3.1. Елена Артамонова, роман «Исповедь Дракулы»

«Исповедь Дракулы» Е. Артамоновой это, безусловно, исторический роман, но в то же время – это женский роман в исторической фабуле.

Дракула Артамоновой в своём дневнике уделяет немало страниц мягкой и романтической женской эротике. Часть повествования – история о разделённых влюблённых Владе и Лидии, внутренний конфликт между любовью к Лидии и необходимостью жениться на католичке. В повествование вплетены обстоятельные описания детей, замечания об особенностях детского поведения, автор рассказывает читателю как проходила беременность мамы Матьяша и каким он был в детстве. Если у К. Хамфриса дети – маленькие взрослые, то у Е. Артамоновой напротив, взрослые – большие дети.

Король Матиаш был врагом Влада не потому, что таковы были исторические обстоятельства, а потому, что завидовал Владу. Дракула был красавчиком с сияющими глазами, одного взгляда которого было достаточно, чтобы зародить желание в сердце самой неприступной красавицы, «и он никогда не испытывал тех проблем, с которыми постоянно сталкивался сам Матьяш, стоило ему разделить ложе с женщиной».

И вообще Матиаш был слабым, трусливым извращенцем. «Зато у короля было богатое воображение. Откинувшись в кресле, он представлял сцену допроса. Вот красивую полногрудую девицу вталкивают в пыточную камеру, срывают с нее одежду, оставив нагишом, вот палач туго скручивает ей руки за спиной, веревка впивается в нежную кожу, девица, парализованная ужасом, даже не пытается сопротивляться, ее затравленный взгляд мечется по камере, натываясь на жуткие инструменты, которыми долгими часами будут терзать ее упругую молодую плоть... Беспомощность и страх безраздельно принадлежавшей ему женщины возбуждали короля, он удовлетворял свои плотские желания в извращенной форме, хотя, как правило, не достигал того наслаждения, что испытывал, одиноко коротая

вечера в библиотеке» [Артамонова, с. 31].

Инициированный римским папой крестовый поход не состоялся не потому, что венгерский король присвоил деньги, а потому, что «Матьяш боялся и не любил воевать». Дракула же был противоположностью Матьяшу: «...князь умел и любил воевать», и так далее. Описания сражений созерцательны, в них больше внешних эффектов, чем логики борьбы. «Жаркое солнце блестело на доспехах и мечах, отражаясь в лужах крови, глазах обезумевших коней и опьяненных жаждой убийства мужчин» [Артамонова, с. 143]. И поистине прекрасна фраза: «И вот, наконец, пришло холодное серенькое(!) утро решающего сражения».

Язык повествования яркий и образный, однако диалоги бывают наивны, как в заурядных индийских фильмах: «– Убирайся! Я не предаю своего друга!»

Страсть к жестокости, приписываемую Дракуле, автор полностью отдал Матьяшу: «Мальчик медленно, перышко за перышком, ощипывал живых воробьев и потом радостно хихикал, наблюдая за тем, как голые птицы машут обципанными крыльями, пытаясь взлететь. А иногда Матьяш играл в "гуситские войны", наслушавшись рассказов отца, закапывал живьем, насаживал на палочки несчастных зверушек, с интересом созерцая агонию. Но маленькие животные умирали слишком быстро, а мальчику хотелось продлить удовольствие. Все закончилось на котенке, который, яростно защищая свою жизнь, исцарапал малолетнего мучителя. Когда Матьяш понял, что и сам может оказаться пострадавшим, ему как-то сразу расхотелось возиться с живностью, и он больше времени стал посвящать фантазиям. Они не находили воплощения в действительности, но зато и сами жертвы были уже не безобидными птичками. В своем воображении Матьяш делал объектами мучений людей, особенно ему нравилось представлять, как терзают молодых красивых женщин».

Стефан Молдавский, в трактовке Е. Артамоновой, был властолюбивым предателем, который боялся оказаться в тени Влада, в этом и была причина его предательства. «Дракулу поддерживал Ватикан, и он мог стать тем лидером, что возглавил бы борьбу христиан против султана. При таком повороте событий честолюбивому Штефану вновь была уготована роль второго плана» [Артамонова, с. 352]. Не будем спорить о том, кто был более крупной исторической фигурой, но такая трактовка событий полностью игнорирует роль Стефана в

возвращении Влада на валахский престол. Рассказывая в эпилоге о жестокостях Стефана, Е. Артамонова ссылается непосредственно на книгу Р. Флореску (а не на молдавско-немецкую летопись или другие источники), не замечая у Р. Флореску негативные характеристики Дракулы и гипертрофированные описания казней [Артамонова, с. 404].

Дневник начинается с возвращения Влада в Молдавию в 1453 году (опускается турецкий плен, время гибели отца и брата, первое правление), затем прерывается на период с 1463 по 1469 и продолжается с 1470 по 1476 годы. Обстоятельства пропущенных периодов иногда упоминаются, но не описываются подробно.

Некоторые повороты сюжета необъяснимы. Отец Дракулы и старший брат Мирча были демонстративно и жестоко убиты по приказу Яноша Хуньяди – Владу II отрубили голову, а Мирчу закопали в землю живьём. Удивительно, но Дракула об этом ничего не знает: «Мой отец сгинул в окрестных болотах, и никто не знал, как завершил он свой земной путь, какую смерть принял и где сейчас лежат его бранные останки» [Артамонова, с. 167].

Е. Артамонова обыграла эпизод из «Сказания» с проникновением вора в дом Дракулы: по её версии, и вора, и стражников подослал Матьяш. Вор должен был убить Дракулу, после чего стражники убили бы вора. Не очень понятно, что помешало стражникам убить и Дракулу, и вора: препятствий для этого не было.

При том, что историческую канву автор в целом выдерживает, ряд обстоятельств открыто выдуманы. Письма Стефана III Мушата произвольно искажены. По версии автора, мастерзингера М. Бехайма убили по приказу Матиаша Корвина, заодно убили и персонажа его поэмы – монаха Якоба [Артамонова, с. 288]. Сын Дракулы Михня родился в 1448 году, а в романе Влад женится на его матери Елене в 1470 и так далее.

Как и К. Хамфрис, Е. Артамонова винит Стефана Батори и Стефана Молдавского в том, что они вывели войска из Валахии, но очевидно, что венгерские и молдавские войска не могли оставаться в Валахии бесконечно. Различие в том, что гибели Влада в романе Артамоновой нет, повествование обрывается, когда отряд Влада отбывает из Снагова в Бухарест. Сложно сказать, что это означает. «Кто именно был убийцей князя, так и осталось тайной» [Артамонова, с. 358].

К сожалению, автор не понимает, что в Средние века не было «просто христиан». Спасти свою душу можно было только находясь в лоне Церкви: не христианской церкви вообще, а определенной, правильной конфессии – «истинной» Церкви. Выбор между

католицизмом и православием был куда серьезнее, чем представляется современному человеку, и определял почти все стороны жизни. Человек XV века так не мыслил: «Он не мог понять, почему и католики, и православные, верящие в одного и того же Бога, так ненавидели друг друга и считали врагами». Православный валах никогда бы не произнёс такой фразы: «Рим – последний оплот христианства, нравится нам это или нет» [Артамонова, с. 133]. Согласно валашским поверьям, человек перешедший в католицизм, становился вампиром.

Для исторического романа не вполне уместны такие фразы: «Став католиком, князь вместе с супругой регулярно посещал богослужения, был всегда на виду, всем своим поведением демонстрируя лояльность венгерскому королю» [Артамонова, с. 308]. Перейдя в католицизм, Дракула утратил бы права на престол православной Валахии и перестал бы представлять интерес для внешних игроков, поэтому ни Матиаш, ни Мехмед, ни папа Пий II никогда не стали бы на этом настаивать. Венчание с католичкой для православного правителя возможно только в случае перехода невесты в православие.

В целом Дракула Е. Артамоновой ничуть не средневековый, а вполне современный человек; смелый, порядочный, прекраснодушный, чувственный, открытый к прекрасному, равнодушный к власти, ничуть не жестокий. Дракула готов положить жизнь в борьбе с турками и засильем бояр, а начале повествования даже говорит о том, что сажать людей на кол «не по-христиански» [Артамонова, с. 158]. Но иногда ему приходится это делать, чтобы напугать врагов.

Роман «Исповедь Дракулы» написан в форме дневника с небольшими вставками и комментариями (опустим тот факт, что в Средние века на Балканах дневников в современном смысле никто не писал). Интересно, что роман М. Минку называется «Дневник Дракулы», а роман К. Хамфриса «Последняя исповедь». Книга К. Хамфриса вышла на русском языке за год до выхода книги Артамоновой, книга М. Минку на русский язык не переводилась, хотя вышла значительно раньше. Вряд ли Е. Артамонова была знакома с этими произведениями, но совпадения есть. Скажем, поединок Дракулы с Владиславом II, которого в реальности не было.

При том, что автор знает историю достаточно хорошо, ему не удалось избежать некоторых неточностей.

«В начале XIV века в Мунтении (восточная Валахия) образовалось государство во главе с воеводой Басарабом. В документах того времени оно называлось «Румынской

землей» или «Угровлахией», позже – Валахией» [Артамонова, с. 374]. На самом деле не существует документов XIV века, в которых Мунтения называлась бы «Румынской землёй».

«Сам Дракула, учитывавший нюансы румынского языка, всегда писал свое прозвище через букву «g», о чем свидетельствуют все обнаруженные на сегодняшний день автографы князя» [Артамонова, с. 376]. В XV веке не писали на валашском/молдавском/румынском языке, соответственно, не существовало узуса.

«Раздался треск ружей» [Артамонова, с. 234] – в XV веке в турецкой армии не было ружей, были только пушки. «Трансильвания являлась союзником Валахии, снабжала ее боеприпасами» [Артамонова, с. 199]. Непонятно, что автор называет «боеприпасами»: порох и ядра для пушек делали на месте.

«Бухарест по праву считают самой надежной и укрепленной крепостью на границе Османской империи» [Артамонова, с. 339]. В XV веке Бухарест был небольшим городом довольно далеко от границы.

«... истина состояла в том, что князь Молдовы Штефан, которого льстецы в глаза называли Великим, а за глаза – Святым ...» [Артамонова, с. 323] – Стефана при жизни не называли ни Великим, ни тем более Святым. Летописец Григоре Уреке называет Стефана Добрым (Штефан чел Бун) [Ureca, 34], но и Уреке не был современником Стефана.

Влад почему-то говорит о своём современнике Скандербеге (Георгий Кастриоти) в прошедшем времени.

М. Бехайм знаком с синтагмой «бродячий сюжет» [Артамонова, с. 99]. Дракула использует такую лексику как «тезисы речи» [Артамонова, с. 177], «интенсивность» [Артамонова, с. 233], и фразеологический оборот советского времени «я бы с ним пошел бы в разведку» [Артамонова, с. 248].

Персонажи Е. Артамоновой, как и герои К. Хамфриса, пользуются современным летоисчислением от Рождества Христова, а не от Сотворения мира.

3.3.2. Тетралогия Светланы Лыжиной

С. Лыжина посвятила истории о Владе Дракуле четыре романа («Время дракона», «Драконий пир», «Валашский дракон», «Принцесса Иляна»), образующих тетралогия общим объёмом более 2000 страниц. Автор превосходно знает фактологию событий, связанных с Владом III Басарабом, проводит самостоятельные исторические исследования, переводит

латинские тексты, связанные с Дракулой, но в то же время легко игнорирует дух эпохи и известные историкам события по своему авторскому усмотрению. Скажем, она пишет стихи современными размерами от имени Влада [Лыжина. Время дракона, с. 241], при том, что в XV веке в Валахии никто не писал стихов ни на валашском, ни на славянском языке, никто не писал интимных писем, дневников, и даже когда значительно позже стихи появились, это не были лирические стихи современного вида.

В первой книге представлено познание мира глазами ребёнка, длинные детские диалоги, сказки, рассказы, детские игры. Несмотря на форму исторического романа, как и у Е. Артамоновой, в реальности это женский роман, затрагивающий такие проблемы, как взросление юноши, подростковый эротизм, а в следующих томах – воспитание детей, психология взросления девушки, построение отношений с чуждыми родственниками в ситуации династического брака, отношения со слугами и так далее. В четвёртом романе Дракула впервые появляется лишь на 111 странице. В то же время текст перегружен ссылками с пояснениями различных событий и обстоятельств (ссылки не на источники, а на интерпретации автора), которые часто разрушают впечатление от текста, мешают читателю воспринимать роман как художественное произведение. Помимо прочего, в тетралогии включены обширные послесловия, представляющие собой краткое изложение авторской версии событий, описанных в романе, и ряд статей, отражающих взгляды С. Лыжиной.

Особенностью изложения является весьма детальное и красочное описание костюмов персонажей. «На правителе были жёлтые сапоги, сплошь покрытые замысловатым тиснёным узором, а таких сапог не закажешь здешнему мастеру. Только у турок, которые всегда славились умением выделывать кожу, получилось бы раздобыть что-то подобное. Синий кафтан до колен тоже казался наполовину турецким. Скроен был так, как носят многие христиане, а вот лепестки узора на ткани говорили – художник, придумавший этот рисунок, никогда не осенял себя крестом и, вероятнее всего, молится пять раз в день, стоя на коврике. Что до остальной одежды, то она полностью соответствовала румынским обычаям. Штаны не узкие, как принято, к примеру, у немцев, но и не широкие, как у татар или тех же турок. Из горловины кафтана выглядывала тонкая белая рубашка с вышивкой по краю ворота, и вышивка эта походила на местный орнамент. Голову венчала островерхая, но невысокая шапочка с загнутыми краями» [Лыжина. Время дракона, с. 12].

Военные действия и государственные дела представлены скупо, вооружённые

конфликты часто объясняются не геополитическими обстоятельствами, а личными симпатиями и антипатиями действующих лиц. Соратников Влада объединяют не общие задачи, религиозные, общественные идеи или экономические интересы, а положительные личные качества. Преданные люди – Нае, Войку, Турок – появляются ниоткуда, как серый волк в сказке про Ивана Царевича.

Фабула первой книги – долгая дорога в монастырь; навстречу правителю выходят крестьяне с просьбой их рассудить, и каждый спор – это новая притча, новая загадка, которую Влад должен разгадать. В беседах участвует верный слуга – боярин Войко, гарцующий за его правым плечом и олицетворяющий светлую сторону личности Дракулы, а также мелкий дракон, похожий на тень собаки, бегущей у ног лошади, и олицетворяющий тёмную сторону его личности. Этот мнимый персонаж, которого отчётливо видит только Влад, один из самых живых в книге. Дорога полна воспоминаний и видений, туманящих сознание Дракулы. К сожалению, следующие книги написаны проще и утилитарнее.

Повествователь иногда прибегает к простоватому народному стилю, за которым проступает образ реального автора – образованной молодой женщины первой четверти XXI века. Фокус восприятия повествователя может передаваться от автора отдельным персонажам: так, в третьей книге мы видим мир глазами ученика художника, флорентийского юноши Джулиано, в других книгах это может быть Влад или Илона. Иногда повествователь увлекается и излагает факты, которые современники Влада знать не могут. Скажем, сербский князь Стефан Лазаревич умер раньше, чем родился Влад, и Влад не мог знать, какие суждения «часто слышались» в Сербии в первые годы его правления [Лыжина. Время дракона, с. 240].

Время от времени С. Лыжина включает в повествование очерняющие Влада фрагменты из бенедиктинских манускриптов, но неизменно либо оправдывает Влада, либо отрицает сам факт события. Казнь бояр – это не преступление, а естественная и необходимая месть за отца; казнь нищих – заслуженная казнь мошенников [Лыжина. Время дракона, с. 591]. Дракула прибывает к головам турецких послов колпаки не просто так, а после набега турок на валашские земли [Лыжина. Валашский дракон, с. 256]. Пир между кольев с казнёнными турками произошёл совершенно случайно, когда валахи захватили обоз с припасами, и Влад дал войску команду их съесть, чтобы не испортились [Лыжина. Драконий пир, с. 39]. Некоторые истории приведены в качестве примера нелепого вымысла – история о

воришке и история о женщине, которая не сшила рубашку [Лыжина. Принцесса Иляна, с. 124]; некоторые нейтральные эпизоды просто пересказываются – история о купце, [Лыжина. Валашский дракон, с. 21], эпизод с колом [Лыжина. Валашский дракон, с. 130]. Но ничто не может бросить тень на образ Влада. Дракула С. Лыжиной немного Гамлет – рефлексирующий, хотя и сильный человек, которому многое пришлось испытать в этой жизни.

Действующие лица романа большей частью вымышлены, а исторические лица совершают вымышленные поступки, что приемлемо в ситуации, когда мы крайне мало знаем о событиях того времени. Разумеется, пока эти события не выбиваются из исторической канвы: одно дело – дописывать эпизоды и события, которые вполне могли бы произойти, и совсем другое дело игнорировать хорошо известное и выдумывать невероятное.

В романе С. Лыжиной описана идеальная Турция из восточных сказок, и такой же идеальный венгерский двор. И Влад, и повествователь весьма благожелательно относятся к туркам, читателю совершенно непонятно, зачем с такими милыми людьми воевать. Историческая канва, казалось бы, имеет место, но мир, созданный автором романа, это не мир Средневековья, а прогулка подростков по музею.

Автор тетралогии, как нам представляется, человек нерелигиозный, несуетливый и не пытающийся проникать в сознание средневекового человека, что иногда ведёт к мировоззренческим ошибкам.

Люди прошлого воспринимали десять заповедей далеко не так, как современные люди: круг ближних, которых следовало возлюбить, представления о добре и зле, были не совсем такими, как в современном секулярном обществе. Как уже было указано в разделе 2.2.1. – «Не природа вещей, но Божий суд делает их добрыми или дурными» (Иоанн Златоуст, против иудеев, Слово 4).

Поэтому Влад III Басараб никогда не сказал бы, и даже не подумал бы так: «На свете есть множество запретов, но почему-то их нарушает каждый, кому не лень. Сказано "не убий", но люди убивают. Сказано "не лги", но люди лгут на каждом шагу, и ложь оборачивается для легковверных гибелью!» [Лыжина. Время дракона, с. 574]

Детство в Средние века было коротким, взросление – ранним, и статус взрослого человека мужчина приобретал не позже 15 лет от роду. Определение «девятнадцатилетний юнец» для XV века звучит странно, и ещё более странно пытаться изображать недорослем

старшего родственника Влада – Стефана III Мушата. Неубедительно выглядит утверждение, что Влад не знал о Стефане до двадцатилетнего возраста [Лыжина. Драконий пир, с. 176] – Влад и Стефан были внуками Александра Доброго.

Поскольку матримониальные отношения крайне важны для женского романа, С. Лыжина, как и Е. Артамонова, неоднократно обсуждает возможность брака Влада с католичкой: «Он и сам был удивлён, когда ему рассказали, что благодаря унии, заключённой во Флоренции между католической и православной церковью лет тридцать назад, стало возможно то, о чём раньше никто и помыслить не мог – так называемые «смешанные браки». Правда, не все православные страны признавали унию, и Румыния до сей поры не признавала, но Влада убедили в том, что смешанный брак – это сейчас лучший выход, чтобы ни одна из сторон не чувствовала себя ущемлённой. Влад не стал бы переходить в католичество, а невесте перейти в православие не позволили бы родственники, да она и сама не хотела» [Лыжина. Валашский дракон, с. 421].

Проблема брака представителей разных конфессий состоит прежде всего в различии обряда и, что важнее, символики ритуала. Уния в этом смысле ничего не изменила и вообще просуществовала недолго. Православные страны восприняли падение Константинополя, как следствие «повреждения веры» в результате унии, и отказались от её последствий. В любом случае, спустя 35 лет после завершения Флорентийского Собора ничего нового Дракула узнать уже не мог.

Персонажи используют летоисчисление от Рождества Христова, чего в Валахии XV века не было [Лыжина. Валашский дракон, с. 405]. Справедливости ради надо сказать, что так же поступают и другие авторы исторических романов о Дракуле.

С. Лыжина, как и Е. Артамонова, В.Задунайский и К. Хамфрис, описывает рыцарский поединок между Владом и Владиславом II, которого в реальности не было. Причина этого – сообщение Р. Флореску: «В середине июля, в то самое время, когда турки и войска Хуньяди были связаны столкновениями в Белграде, Дракула вступил в бой с Владиславом II где-то возле Тырговиште. Он получил удовлетворение убив своего смертного врага и убийцу отца в рукопашной схватке» [Florescu 1989, p.106].

Автор забывает, что в XV веке книг было мало и стоили они дорого: «Несколько десятков книг – вот всё, что нажил отец Антим с тех пор, как принял постриг...» [Лыжина. Драконий пир, с. 600].

Автор настойчиво называет Валахию XV века Румынией, валахов – румынами, и даже коровы у Лыжиной – румынские: «Румынские коровы не отличаются высоким ростом, среднему человеку – по грудь» [Лыжина. Время дракона, с. 117]. Для исторического романа это лишнее.

3.3.3. Вук Задунайский, «Сказание о господре Владе и Ордене Дракона»

Сравнительно небольшое произведение Вука (псевдоним принадлежит юристу Милене Валериевне Глигич-Золотарёвой) представляет собой хитросплетение нескольких вариантов истории о Дракуле. В монастыре на Афоне живёт книжник, отец Николай, который записывает три разных варианта «Сказания о господре Владе и Ордене Дракона» и пересказывает их своему ученику Ратко. Повествование перемежается фрагментами из «Сказания о Дракуле воеводе» на средневековом русском языке.

Первый вариант нарратива можно условно назвать «Сказанием о великом Дракуле», Дракула выступает в нем выдающимся правителем и военачальником. В рассказе отца Николая узнаваемы эпизоды из повести Ф.В. Курицына – эпизоды о золотой чаше, о купце и дукатах, о переодевании в турецкую одежду. Пленение Влада описано не по Ф.В. Курицыну и нет отказа от православия, но смерть Дракулы соответствует версии «Сказания». Ночная атака под Тырговиште описана по учебнику истории.

Второй вариант нарратива можно назвать «Сказанием о злобном Дракуле». В этом повествовании упоминается сочинение М. Бехайма, история казни Хамзы-бея и Фоки Катаволиноса, пересказываются эпизоды о сожжении нищих, о наказании жены крестьянина, о казни брезгливого слуги, казни бояр, о колпаках послов, золочённом коле, о казни мышей и птиц, в искажённом виде представлена притча о двух монахах. Дракула в этом варианте – кровожадный оборотень, пьющий кровь юных девушек.

Третий вариант нарратива можно назвать «Сказанием о страданиях Дракулы», где Влад несёт тяжкое бремя ответственности за судьбу страны и разделяет с ней невзгоды. Влад окружён могущественными врагами – турками и венграми, правитель вынужден принимать жестокие меры. Нищие, которых казнил Дракула, на самом деле не нищие, а шпионы. Влад не отрекался от православной веры, нетопырём не летал, в плену крыс не казнил и вообще жил в дворце, а не в темнице.

Ученик Ратко остро переживает изменения в повествовании о Дракуле, что приводит

его к болезни и видениям. Призрак убитого Влада приходит к нему в келью, где происходит спор между отцом Николаем, обвиняющим Дракулу во всевозможных грехах, и Владом. Дракула и отец Николай соглашаются доверить Ратко решить судьбу Влада: отец Николай отдаёт ученику три манускрипта, где записаны три варианта «Сказания», Ратко должен выбрать один, а два других бросить в огонь. Но юноша поступает иначе, он сохраняет все три манускрипта, а в огонь бросает испорченный лист пергамента.

Ратко уходит из монастыря и, возможно, становится гайдуком Ратко Младичем. Отец Николай берёт себе нового ученика, но теперь переписывает только богословские книги.

Язык повествования упрощён и сведен к диалогу, поскольку значительная часть текста – беседа с мальчиком, к тому же одно и то же событие или эпизод выступают в разных версиях, поэтому об ошибках говорить не приходится.

Однако, и в этом произведении появляется рыцарский турнир в Нюрнберге [Вук Задунайский, с. 48], в котором якобы участвовал Влад. Раду чел Фрумос дарит туркам голову брата, хотя в реальности Раду пропал без вести раньше смерти Влада, и голову Дракулы никому подарить не мог [Вук Задунайский, с. 76].

3.4. Бессюжетная литература о Дракуле: эссе и исследования

Помимо сюжетной прозы о Дракуле, романов и повестей, существует некоторый корпус бессюжетной прозы о Дракуле: это либо эссе, либо исследования с явно выраженным отношением к личности Влада. Разумеется, наряду с исследованиями, книгами, статьями, где отношение к Владу никак не выражается. С другой стороны, если биография Дракулы в значительной мере вымышлена исследователем, можно ли её отнести к литературе нон-фикшн?

Восприятие образа Дракулы такими авторитетными исследователями, как Я.С. Лурье, М.П. Одесский, Р. Флореску чрезвычайно важно, поскольку оказывает влияние на прозаиков, не проводивших самостоятельных исследований.

3.4.1. Яков Лурье

В России изучением текста «Сказания о Дракуле воеводе» занимались Н.М. Карамзин,

А.Х. Востоков, А.Н. Пыпин, Ф.И. Буслаев, А.И. Соболевский, С.М. Соловьев и ряд других русских, а также и румынских учёных, работавших в университете Санкт-Петербурга, среди которых были И. Богдан и П. Сырку. В советский период исследованиями текста занимались Н.К. Гудзий, А.А. Зимин, Я.С. Лурье, Д.С. Лихачёв, в постсоветский – М.П. Одесский и другие. Однако до появления работ Я.С. Лурье это были в основном текстологические исследования.

Несмотря на то, что Я.С. Лурье был знаком с работами по истории ментальностей («Обратившись к классической, несколько не потерявшей своего значения книге голландского медиевиста И. Хёйзинги "Осень средневековья", мы найдем там целую главу "Жестокий уклад жизни", где речь идет как раз о соединении жестокости с юмором, характерном для XV века – времени, открывающего (во всей Европе, кроме Италии) эпоху Возрождения. Но совместимо ли это: эпоха Возрождения – и вера в жестокость как лучшее средство искоренения общественных зол?» [Лурье 1968, с. 143]), исследователь порицает Дракулу и уверен, что его осуждение разделяют и Ф.В. Курицын, и его современники: «История Дракулы, как ее понимал древнерусский автор XV века (и другие авторы той же эпохи), – это история жестокого тирана, безжалостно расправляющегося со своими подданными; центральная проблема повести – проблема власти, опирающейся на террор» [Лурье 1964, с. 5]. Не случайно Я.С. Лурье неизменно осуждает Ивана Грозного, многократно называя его «русским Дракулой» [Лурье 1964, с. 53,71,76 и в других работах] и не желая задуматься о мотивах поведения правителя.

Я.С. Лурье знает о том, что изуверские казни не были редкостью в Западной Европе: «Как "достойный подражания образец" Макиавелли приводит Цезаря Борджиа, который истребил "все потомство разоренных им сеньоров" и, поручив правителю Романьи действовать жестокими мерами, затем, когда эта задача была осуществлена, казнил его и выставил на площади его тело, рассеченное пополам. Такой же "необходимой жестокостью" представлялось Макиавелли и поведение другого князя, который пригласил на пир своего дядю-опекуна и всех именитых граждан города, а затем перебил их. Разве это менее отвратительно, чем пир Дракулы под кольями?» [Лурье 1968, с. 144]

Но почему-то он не знает, что практика изощрённых публичных казней двигалась с Запада на Восток, а не с Востока на Запад, – указывает исследователь Рожнов [Рожнов, сс. 42-59], (подробнее см. раздел 2.2.2.).

Я.С. Лурье понимает, что двойственность образа Дракулы – часть замысла автора, но не готов признать, что «Сказание» и есть размышление об идеальном правителе. «Несколько лет тому назад в монографии, посвященной «Повести о Дракуле», я пытался доказать, что двойственность образа Дракулы – соединение в главном герое жестокости «диавола» и справедливости – не случайность, а выражение сознательного авторского замысла. Дракула в повести вовсе не изображался как идеальный государь и пример для подражания, но русский публицист, создавший этот памятник (вероятнее всего, Федор Курицын, дьяк-еретик, ездивший с посольством в придунайские земли как раз в те годы, о которых упоминает автор повести), считал его жестокость неизбежным следствием всеобщего "зла", царящего вокруг, и сильным средством против такого зла. В этом он сходилась с итальянским гуманистом конца XV века Антонио Бонфини, описывавшим того же Дракулу в своей "Венгерской хронике", идеи которой предвосхитили теории знаменитого земляка и младшего современника Бонфини – Никколо Макиавелли. Перекликались идеи "Повести о Дракуле" и со взглядами русского публициста XVI века Ивана Пересветова, рассказывавшего о "грозном" правлении турецкого "салтана", "кровопивца" Магмета и утверждавшего, что *"без таковыя грозы немочно в царство правды ввести"* [Лурье 1968, с. 143]».

Причина заблуждений Я.С. Лурье состоит в том, что он, будучи западником и человеком нерелигиозным, пытается наделить дьяка Курицына своими представлениями о добре и зле, хочет увидеть сближение Руси и Западной Европы, восточной и западной ветвей христианства. «Идеология "Повести о Дракуле" интересна не только сама по себе, но и в связи с некоторыми общими вопросами русской общественной мысли XV века. Резкое расхождение автора с господствующим мировоззрением русского средневековья (оценка героя, независимая от религиозной морали, – "диавол" и вероотступник может искоренять "зло"!), совпадение его взглядов со взглядами Макиавелли и его предшественников – все это дает основание рассматривать повесть, вместе с некоторыми другими памятниками XV века, в ряду тех явлений, которые противостоят традиционной идеологии и сближают Русь этого времени с Западной Европой кануна и начала Возрождения» [Лурье 1968, с. 143].

Секулярность и модернизм мышления Лурье – главные причины того, что им не был понят и центральный эпизод «Сказания» – притча о двух монахах [подробнее см. Талмазан 2023а, сс. 41-53].

Слово Божье, по представлениям христиан прошлого, не только создаётся по вере, но

и воспринимается только по вере. По мнению Л.В. Левшун, это может объяснить, почему секулярная наука «оказывается бессильной в постижении истинного смысла церковной книжности и останавливается на изучении лишь её внешних признаков и особенностей» [Левшун, с. 29].

Сравнение сочинений Пересветова и Макиавелли – отдельный вопрос, подробнее об этом см. в нашей статье «Правда Пересветова и прагма Макиавелли» [Талмазан 2020-2021, сс. 156-175]. Однако анализ сочинений приводит к выводу, что Пересветов был приверженцем некоторой разновидности провиденциальной теории Третьего Рима и идеи исключительной роли Государя в Ромейском царстве, что предполагает традиционное православие. Все его реформаторские идеи могли быть проведены в жизнь только с использованием легитимного права государства на насилие в отношении преступников и отступников. Напрашивается вывод, что русские авторы, ничуть не смущаясь жестокостью, не могли бы принять в сочинениях Никколо Макиавелли отсутствие «правды» и истинной веры. Никто из русских книжников не решился бы ни написать, ни произнести, ни помыслить о том, что Государю можно только изображать набожность, притворяться благочестивым и добродетельным. Безусловно, о состоянии западноевропейской мысли XVI века нельзя судить по одному только Макиавелли, но здесь очевидно прослеживается цивилизационный разлом между восточным и западным христианством, между разными частями Европы, переживавшими в XVI веке разные стадии распада Средневековья и разные ступени секуляризации.

Таким образом, для Я.С. Лурье тиран Дракула – заведомо отрицательный образ, иначе ему не вписаться в картину мира и систему взглядов исследователя. В то же время, это обстоятельство ничуть не умаляет значения исследований Я.С. Лурье, не потерявших актуальности и сегодня.

3.4.2. Михаил Одесский

Работы российского филолога М.П. Одесского о Владе III Басарабе последних лет были опубликованы в двух сборниках «вампирической» прозы и в совместной книге с Т.А. Михайловой, где об историческом Дракуле пишет именно М.П. Одесский. Основным источником по истории Валахии XV века исследователь считает труды румынского историка Р. Флореску – «сведения о жизни Дракулы суммированы в монографии: [Florescu, McNally

1973]» [Одесский 2009, с. 57]. М.П. Одесскому известны книги В.Е. Вальденберга, Я.С. Лурье, вероятно, должны быть известны книги западных медиевистов, хотя по текстам работ этого незаметно: российский исследователь последовательно воспроизводит полный набор заблуждений и стереотипов, связанных с Дракулой – «патологическая жестокость» Дракулы, экзотичность подобных казней для Европы и тому подобное (подробнее о жестокости и казнях в Средневековье см. разделы 1.3.3., 2.2.1., 2.2.2.): «Его кровожадную изощренность европейцы воспринимали в качестве некоей восточной экзотики, абсолютно неуместной в "цивилизованной" державе» [Одесский 2009, с. 80]. Замечание М.П. Одесского по поводу притчи о двух монахах из «Сказания о Дракуле воеводе» (подробнее см. в разделе 2.2.3.) прямо противоречит исследованию В.Е. Вандельберга о пределах власти государя (подробнее см. в разделе 2.2.1.).

М.П. Одесскому известно, что исторически достоверных сведений о Владе крайне немного: «В XV веке, как и ранее, в Валахии не велись хроники – ни княжеские, ни монастырские» [Одесский 2009, с. 67]. Иначе говоря, описания пыток Дракулы можно найти только в немецких политических памфлетах, достоверность которых более чем сомнительна (подробнее см. раздел 1.3.1.). Однако исследователь считает возможным сослаться на поэму М. Бехайма как на достоверный источник: «Бехайм прямо именует Дракулу "тираном" (*tirann*, стих 271), обвиняет в том, что воевода "совершал злодеяния против Бога" (*wider Got*, стих 950), и оценивает победу турок как Божью кару» [Одесский 2009, с. 78].

Странно и то, что М.П. Одесский ссылается на А. Бонфини в одном ряду с немецкими текстами, поскольку позиция А. Бонфини по отношению к Дракуле была прямо противоположной: «Таковы немецкие печатные брошюры-памфлеты (ранний из них сохранился в рукописной копии), повествующие о "садистических" деяниях господаря-изверга, пространное стихотворение венского миннезингера М. Бехайма, латинская хроника итальянского гуманиста А. Бонфини, подвизавшегося при дворе Матьяша Корвина» [Одесский 2005, с. 16].

С другой стороны, нет никаких указаний на то, что современники осуждали Владу: валашской хроники XV века нет, каким был валашский фольклор XV века мы не знаем, а в современном румынском фольклоре образ Дракулы не является отрицательным. Как уже сообщалось выше (см. раздел 2.2.2.), исторический Влад III Басараб возводил храмы, отливал колокола, жертвовал монастырям сёла и земли, жертвовал на Афон – сохранились

жалованные грамоты монастырям Козия, Тисмана, Комана, Снагов, монастырю святого Пантелеймона на Афоне. Тезис М.П. Одесского о том, что современники могли видеть в Дракуле вампира – не более чем домысел.

«Хотя в древних сочинениях слово не произнесено, современники явно считали валашского воеводу злокозненным чернокнижником и вампиром. Это нашло выражение в имени, точнее – прозвище: Дракула» [Одесский 2005, с. 10]. Однако «Дракула», вероятнее всего, производное от немецкого «drache» или славянского «дракъ змей» – «дракон», но никак не «чернокнижник», и не «вампир» (подробнее см. в разделе 2.2.4.). Причём, у Р. Флореску уже есть верная догадка о происхождении прозвища Дракулы. Возможно, М.П. Одесский просто желал соответствовать содержанию «вампирских» сборников, выходявших в Москве в 2005, 2009, 2012 годах и выдержавших несколько переизданий.

Рассказывая о смерти Дракулы (подробнее см. в разделе 2.2.3.), М.П. Одесский принимает версию «Сказания», хотя «Сказание» не может быть историческим источником: «Есть основания предполагать, что "ближние" Влада обратили копьё против господаря по соображениям страха и мести. Правдоподобна и "турецкая" версия: в "Сказании" об этом ничего не говорится, но из других источников известно, что мертвого Дракулу обезглавили и голову послали султану – в Стамбуле её выставили на всеобщее обозрение. Но при всем том воины Дракулы действовали именно так, как обычай предписывал поступать с вампирами: тело кровопийцы надлежало пронзить острым оружием, а голову – непременно отделить от туловища» [Одесский 2009, с. 86]. В этом случае мы имеем дело с нарушением логики – «воины Дракулы» перекочевали из сочинения Ф.В. Курицына в «турецкую» версию, чтобы отсечь голову вампира.

М.П. Одесский, как и многие другие авторы, не понимает, что после перехода в католицизм, Влад не мог бы претендовать на престол Валахии: «Французский король Генрих IV говорил, что Париж стоит мессы – Дракула ценой перехода в католичество обеспечил себе свободу» [Одесский 2005, с. 8]. «Месса» тут взята из книги Р. Флореску: «Для Дракулы, православного по семейной традиции, вопрос об обращении в католичество, неизбежный в брачном контракте, не был особой проблемой. Он понимал, что трон валашского князя, как неперемненное следствие его венгерского брака, стоил католической мессы» [Флореску 2005, с. 622]. Ниже мы приведём примеры того, как непрямые цитаты из Р. Флореску перекочевали от М.П. Одесского к В.Л. Гопману.

К сожалению, М.П. Одесский не понял главного: Ф.В. Курицын, хорошо осведомлённый об обстоятельствах жизни реального Влада Дракулы ничуть не стремился описывать известные ему события. Автора утопии реальность не особенно интересовала, ему не был нужен Влад как историческое лицо (см. подробнее раздел 2.2.6.). Ф.В. Курицын не только не «собирал сведения о жизни», а прямо игнорировал известные ему сведения.

Неточности и поверхностность в трудах исследователя влекут за собой серьёзные последствия, поскольку работа учёного, в отличие от произведения беллетриста, воспринимается как достоверное историческое исследование. Позволим себе привести два фрагмента из статьи российского филолога В.Л. Гопмана, которые фактически являются цитатами из М.П. Одесского.

«Однако, несмотря на все совершенные им зверства, вампиром Дракула не был – скорее всего, дело в том, что в Средние века вампиром в странах нынешней Восточной Европы называли не только того, кто пил кровь, но и вообще колдуна-чернокнижника, заключившего союз с дьяволом» [Гопман, с. 551].

«Хотя в древних сочинениях слово не произнесено, современники явно считали валашского воеводу злокозненным чернокнижником и вампиром. Это нашло выражение в имени, точнее – прозвище: Дракула» [Одесский 2005, с. 10].

«Дракула был широко известен своей патологической жестокостью, проявлявшейся по отношению к представителям без исключения всех народов и конфессий – христианам, мусульманам, цыганам (всего в его правление было казнено, как считают различные историки, от 40 до 100 тысяч человек). По его приказу рубили голову, с живых сдирали кожу, принуждали к людоедству, варили заживо, сжигали, вспарывали животы. Но особо он любил сажать на кол, потому-то его так и называли Влад Цепеш – Влад Сажатель-На-Кол» [Гопман, с. 551].

«Но нет – даже в ту мрачноватую эпоху Влад Дракула выделялся патологической кровожадностью. Врагов, союзников, подданных – он обезглавливал, сжигал, сдирали кожу, принуждал к людоедству, варил заживо, вспарывал животы. Особенно преуспел в сажании на кол. В зависимости от социального статуса жертв колы различались по длине, диаметру, цвету, из них составлялись причудливые инсталляции – "сады пыток", где "взыскательный художник" пирувал на досуге. Так и запомнился Влад соотечественникам – с прозвищем Цепеш (букв. «Сажатель-На-Кол»)» [Одесский 2005, с. 9].

Здесь присутствует непрямая цитата из Р. Флореску: «Существовали различные формы обескровливания человека в зависимости от возраста, социального положения или пола. В истории Румынии Дракула по сей день известен как Влад Цепеш (Сажатель-На-Кол), хотя современники называли его Дракулой» [Флореску, 2005, с. 598].

Склонность М.П. Одесского видеть в образе Дракулы изуверскую жестокость и «вампиризм», как нам кажется, вызвана отчасти коммерческими причинами (желанием соответствовать потоку массовой культуры), отчасти некритическим отношением к аналогичными неточностям Р. Флореску.

3.4.3. Раду Флореску

Работы Р. Флореску являются, пожалуй, самым авторитетным источником по биографии Влада Дракулы, по меньшей мере, для российских исследователей и прозаиков, несмотря на существование фундаментального исследования Я.С. Лурье, появившегося десятью годами ранее. Вероятно, для русских исследователей было важно, что Р. Флореску является румыном и, следовательно, многие обстоятельства должен понимать глубже, чем иностранцы. Существенным обстоятельством было и то, что работы Флореску были доступны на английском языке, а румынская историография оставалась неизвестной и недоступной и для русских, и западных авторов.

Прямые указания на книгу Р. Флореску есть у М.П. Одесского, Т.А. Михайловой, В.Л. Гопмана, Ф. Морозовой, других российских исследователей и эссеистов, и это легко угадывается в их текстах. Меньше подвержены воздействию Р. Флореску русские прозаики, такие, как Е. Артамонова, С. Лыжина и другие, но влияние и не прямые цитаты всё же заметны и у них.

Между тем, книга Флореску [Florescu 1970] не является трудом по истории или биографией Влада III Басараба. Первое, что при знакомстве с этим исследованием вызывает удивление: Р. Флореску выдаёт эпизоды из очевидно вымышленных немецких политических памфлетов и художественных произведений за достоверные источники. При этом некоторые фрагменты немецких текстов объявляет румынскими балладами без ссылок на какие-либо сборники фольклора. Ниже мы будем идентифицировать эти фрагменты по «Каталогу эпизодов в немецких текстах» [Кашперская, с. 135], хотя в некоторых случаях было бы удобнее цитировать по схеме Я.С. Лурье [Лурье 1964, с. 32-33].

Ограничимся короткими цитатами:

«Как рассказывает народная баллада, став господарем весной 1456 г., Дракула пригласил в Тырговиштский дворец несколько сот самых знатных и влиятельных бояр» [Флореску 2005, с. 604]. Этот эпизод у А.П. Кашперской назван «О том, как Дракула спрашивал придворных, сколько государей они помнят».

«По другому преданию, один из бояр Дракулы зажал нос, видимо, из-за зловония, сопутствовавшего бойне. Дракула со свойственным ему извращенным остроумием немедленно приказал слугам посадить на кол и этого привереда, но более высокий, чтобы боярина во время его агонии не раздражал запах крови и трупов» [Флореску 2005, с. 599]. По А.П. Кашперской «О том, как Дракула завтракал среди посаженных на кол».

В главе «Румынские предания» Р. Флореску приводит два эпизода: «Иностранный купец» [Флореску 2005, с. 637] и «Сожжение нищих» [Флореску 2005, с. 638]; по А.П. Кашперской эти эпизоды называются «О купцах на рынке» (у Лурье «Испытание купца») и «О бедняках, которых Дракула велел сжечь».

Было бы примечательно, если бы действительно существовали и были записаны румынские баллады, близкие по содержанию к немецким памфлетам, но, к сожалению, это не более, чем вымысел автора «исторического исследования».

Нет сомнений, что Р. Флореску создаёт негативный образ Влада, используя для этого сюжеты средневековых немецких текстов, выдавая их за румынский фольклор и пытаясь скрыть свою роль: «Однако нам повезло – удалось разыскать множество румынских преданий, прославляющих Дракулу и других национальных героев. Пожалуй, румынский фольклор можно считать более объективным источником для воспроизведения исторической истины по сравнению с иностранными памфлетами, сосредоточенными исключительно на описаниях ужасов» [Флореску 2005, с. 611].

Среди прочего Р. Флореску вспоминает эпизод, известный как бродячий сюжет, (о чём уже говорилось в 3.1.1) по А.П. Кашперской «О том, как Дракула велел прибить послам шапки к головам»: «В тронном зале произошла история, упоминаемая почти во всех рассказах о Дракуле: послы турецкого султана, прибывшие к нему с официальной миссией, отказались снять свои чалмы. Дракула, болезненно чувствительный к любому проявлению неуважения к своей особе, тут же распорядился гвоздями прибить чалмы к головам послов. Турки агонизировали в лужах крови прямо у подножия трона» [Флореску 2005, с. 605].

Решительно непонятно – откуда исследователю известно, где были лужи крови?

Некоторые фрагменты используются без указания источника: «Другая любовница умерла при таинственных обстоятельствах, у нее были вырезаны половые органы» [Флореску 2005, с. 607] – «О любовнице Дракулы» по А.П. Кашперской.

Пожалуй, можно согласиться с С.С. Лыжиной: «Можно только удивляться, насколько серьезно (в буквальном смысле серьезно) историки относятся к памфлетам о Дракуле, ведь дату казни бояр историки "установили" по памфлету 1463 года и по поэме Бехайма, хотя эти тексты являются даже не историческими сочинениями, а литературными произведениями» [Лыжина, Вся правда про «казнь после пира» или «кровавую Пасху»].

Помимо немецких текстов Р. Флореску использует в качестве источника «Сказание о Дракуле воеводе», которое он объявляет «донесением» русского посла [Флореску 2005, с. 620]. Уровень познаний румынского автора в истории России настолько невысок, что Р. Флореску называет мужем Елены Волошанки её сына Дмитрия, и этот брак считает результатом мифического перехода Влада в католицизм: «Тогда великий князь московский Иван III посчитал необходимым укрепить родственными узами связь Молдовы с православным миром. В 1463 г. в Яссах был заключен брак украинской княжны Евдокии и молдавского родственника Дракулы – Стефана. Для упрочения нового православного союза дочь Стефана Елена вышла замуж за Димитрия, наследника русского трона» [Флореску 2005, с. 622]. На самом же деле Елена Стефановна вышла замуж за княжича Ивана Ивановича Молодого в 1483 году, когда Дракулы уже не было в живых. А княжна Евдокия – мать Елены Стефановны.

К сожалению, и Р. Флореску не понимает (или изображает непонимание), что с переходом в католицизм Влад потерял бы права на валашский престол, что не было нужно ни ему, ни венгерскому королю. Это заблуждение перешло в сочинения почти всех русских авторов, которые пользовались книгой Р. Флореску, возможно потому, что Р. Флореску говорит об этом многократно и строит на этом утверждении сюжет «биографии»: «Переход Дракулы в католицизм вызвал гнев православного мира, и это вполне понятно во времена, когда вопрос о вероисповедании был связан с национальной принадлежностью. Православному миру XV в. угрожал не только ислам, но и наступление католических крестоносцев» [Флореску 2005, с. 622]. Но где, в каких исторических источниках, есть упоминание о том, что православный мир хоть как-то отреагировал на эту вымышленную

опасность? Каким образом в Средние века вероисповедание было связано с национальной принадлежностью? Для человека Средневековья национальность имела третьестепенное значение, важнее было правильное вероисповедание и принадлежность к определённому сословию. «Он был жестоким палачом, впадавшим в набожность, чтобы облегчить совесть, и вместе с тем поразительно современным государственным деятелем националистского толка, способным всегда оправдать свои поступки интересами государства» [Флореску 2005, с. 599]. Румынский учёный явно не знаком или сознательно игнорирует исследования культуры Средневековья: национализм современного толка был немыслим в средневековой Европе.

Несколько эпизодов из антиутопии Ф.В. Курицына использованы в качестве источников для биографии Дракулы: это версия смерти Дракулы [Флореску 2005, с. 625], притча о двух монахах [Флореску 2005, с. 606], эпизод с золотым колом [Флореску 2005, с. 607] и эпизод с казнью птиц и мышей [Флореску 2005, с. 621], который он использует как доказательство жестокости Влада: «Эти эпизоды, поведанные русским послом, – еще одно свидетельство жестокости Дракулы, его жажды крови, видимо столь сильной и навязчивой, что он не мог совладать с нею даже в тюремной камере».

Притчу о двух монахах Р. Флореску передаёт по «Сказанию» [Флореску 2005, с. 606], хотя похожая притча (см. раздел 2.2.2.) есть в немецких памфлетах – «О после, сказавшем Дракуле правду о его жестокости» по А.П. Кашперской. Замечательно, что Р. Флореску один из немногих, кто правильно интерпретирует притчу Ф.В. Курицына: «Дракула, в данном случае никак не ожидавший провозглашения доктрины божественного права, пощадил монаха» [Флореску 2005, с. 606].

Ещё один эпизод «Сказания» Р. Флореску использует даже дважды, первый раз выдавая за венгерский фольклор: «Существует местное предание о жестокой смерти некоего венгерского капитана, тайком проникшего в дом Дракулы, который, обнаружив непрошеного гостя, якобы отрубил ему голову» [Флореску 2005, с. 597]. «Русский посол пишет еще об одном случае: Дракула сам свершил правосудие, убив солдата, проникшего к нему в дом» [Флореску, 2005, с. 624].

Зачинщиком пропагандистской компании против Влада исследователь считает не воеводу Дана III Басараба, а выдуманного М. Бехаймом монаха Якоба: «Возможно, один из монахов монастыря Горион – звали его Иаков – и был автором найденной позднее в Швейцарии, в Сен-Галленском монастыре, рукописи – старейшего документа (1462)

антидракуловской кампании, которая произвела такое неизгладимое впечатление на германоязычную Европу XV в.» [Флореску 2005, с. 608]. О письме воеводы Дана Р. Флореску, похоже, не знает.

Мы уже писали (см. в разделе 2.1.3), что в Германии XV века не было городов с населением больше 25 000 человек, а для села это совершенно невероятное количество людей даже сегодня; проще говоря, это преувеличение на совести М. Бехайма. Но Р. Флореску это не останавливает: «Ныне трудно точно восстановить статистику, но, вполне вероятно, около тридцати тысяч человек было убито в Алмаше утром 24 августа 1460 г. в День святого Варфоломея – больше, чем погибло в Варфоломеевскую ночь в Париже век спустя» [Флореску 2005, с. 598].

До сих пор мы говорили о том, что румынский исследователь выдавал за исторические источники разного рода сочинения о Дракуле. Но есть и сведения, которые выдумал он сам: «По рассказам турецких надсмотрщиков, Дракула, в отличие от своего необычайно послушного брата, был непокорен, хитер, коварен, груб; турки его побаивались» [Флореску 2005, с. 593]. Кому об этом рассказали турецкие надсмотрщики?

«Там, находясь в замке Хуньяди в Хунедоаре, Дракула и Стефан дали друг другу слово: тот, кто из них первым взойдет на княжеский трон, поможет другому получить власть» [Флореску 2005, с. 610]. Кто мог это слышать?

Р. Флореску долго и подробно описывает казни Дракулы, хотя никаких документов об этом не осталось. Описания казней есть в немецких текстах, но фантазии М. Бехайма не совпадают с фантазиями Р. Флореску:

«О преступлениях Дракулы, его изощренной жестокости следует сказать отдельно. Сажание на кол – едва ли новый и оригинальный вид пыток – его любимый способ умерщвления человека. Обычно ноги жертвы привязывали к двум лошадям и аккуратно насаживали человека на кол – так, чтобы смерть не наступала мгновенно».

«Иногда Дракула приказывал своим палачам не заострять, а закруглять концы колов, чтобы жертва не умирала от быстрой потери крови. Мгновенная смерть лишила бы его удовольствия наблюдать агонию своих жертв. Пытка, как правило, длилась несколько часов, иногда – несколько дней».

«Бывало, на кол сажали и вверх ногами; иногда же кол вбивали в сердце или в живот, а гвозди – в голову, увечили конечности, ослепляли, душили, отрезали носы, уши, гениталии,

скальпировали, варили заживо, сдирали кожу, оставляя на солнцепеке или под дождем на растерзание диким зверям. Чудовищная изобретательность Дракулы вполне могла послужить источником вдохновения для маркиза де Сада, которому, несомненно, были известны его преступления» [Флореску 2005, с. 598].

Но это уже «чудовищная изобретательность» автора, а не персонажа.

Доверившись фантазиям Р. Флореску сразу несколько прозаиков (С. Лыжина, Е. Артамонова, В. Задунайский и К. Хамфрис) рассказали о рыцарском поединке между Владом Дракулой и Владиславом II, которого в реальности не было: «В середине июля, в то самое время, когда турки и войска Хуньяди были связаны столкновениями в Белграде, Дракула вступил в бой с Владиславом II где-то возле Тырговиште. Он получил удовлетворение, убив своего смертного врага и убийцу отца в рукопашной схватке» [Florescu 1989, p.106].

Интересно, что Р. Флореску, как и авторы немецких текстов, не называет Влада по имени. В то же время Флореску называет по именам его братьев – Мирчу, Раду, Влада Монаха, хотя Дракулой можно назвать любого из рода Дракулешти.

Есть у Р. Флореску и фактологические ошибки – «умер император Константин Палеолог, при дворе которого Дракула, вполне вероятно, был пажом в 1430 году» [Флореску 2005, с. 596] – Влад родился позже 1428 года и в 1430 году никак не мог быть пажом.

После прочтения книги становится очевидной бедность источников Р. Флореску, и попытка выдать за научные источники художественные произведения о Владе Дракуле. Вряд ли у Я.С. Лурье было больше исторических сведений, однако Я.С. Лурье, даже при достаточно негативном отношении к Дракуле, не стремился выдумывать его биографию. Как уже отмечалось выше, неточности и поверхностность в текстах исследователя влекут за собой серьёзные последствия, поскольку книга учёного, в отличие от книги прозаика, воспринимается как историческое исследование.

У Р. Флореску есть по меньшей мере два мотива для очернения Дракулы: это участие в информационной войне, развернувшейся вокруг фигуры Влада в Румынии 70-х годов, о чём писал Д. Лайт (подробнее см. в разделе 3.2.), и эксплуатация коммерческого успеха стокеровского Дракулы.

Р. Флореску можно сравнить с М. Бехаймом: Влад III Басараб второй раз за последние 500 лет стал жертвой политического заказа.

3.5. Выводы к главе 3.

Итак, Дракула Криса Хамфриса, прежде всего, человек, которого формируют обстоятельства. Его Влад хочет быть добрым христианином, разумным правителем, хорошим отцом, защитником христиан, но, несмотря на его волю и разум, в предложенных обстоятельствах он вынужден переступить пределы человечности. Проблематика произведения в основном романная – авантюрная и идейно-нравственная.

Дракула Марина Минку декларируется автором, как человек итальянского Возрождения, католик, философ, рыцарь, но в реальности это маска человека XX века – равнодушного к религии интеллектуала, индивидуалиста, националиста, художника, мистификатора. Проблематика романа прежде всего национально-историческая, и, уже в меньшей степени, философская и романная (авантюрная).

Дракула Марина Сореску – вынужденно жестокий человек, попавший в жернова обстоятельств. При этом он ироничен, циничен и даже глумлив. От убийства к убийству «Цепеш» идёт к распаду личности, к саморазрушению. Жертвуя собой, Влад просит милосердия, но автор, хорошо понимая и даже декларируя вынужденность жестокости Дракулы, не прощает своего героя и не позволяет зрителю сочувствовать ему. Некоторые критики видят в пьесе полемику с режимом Чаушеску, но и вне политического контекста произведение несёт ясный эстетический смысл. По формальным признакам пьеса представляет собой народную драму, но обладает постмодернистским измерением, разрушающим заявленный жанр. Проблематика произведения прежде всего романная (идейно-нравственная) и философская, а национально-историческая проблематика (в отличие от романа Минку) является, скорее, фоном.

Дракула Георгины Виорики Рогоз – человек, для которого судьба Валахии является высшей ценностью. Судьбы близких, Божьи заповеди, безусловно, имеют для него значение, но, если для спасения страны надо будет пожертвовать бессмертием души, Влад ни перед чем не остановится. Проблематика произведения прежде всего романная (идейно-нравственная и авантюрная) и национально-историческая. По жанру роман является историческим, но в то же время отчасти женским, что сближает роман Рогоз с романами Артамоновой и Лыжиной.

Влад Дракула Елены Артамоновой – мечта женщины бальзаковского возраста, красавец с влажными тёмными глазами, чуткий, добрый, открытый к прекрасному,

внимательный к вопросам воспитания детей и подростков, по непонятным причинам вынужденный сажать на колья отвратительных турок. Дракула – обычный современный человек, а людей и нравов Средневековья в романе просто нет. В романе ощущается резкий диссонанс между историческими событиями, которые автору известны довольно хорошо, и полным игнорированием духа Средневековья. По формальным признакам это исторический роман, но, по существу, это женский роман в исторической оболочке. Проблематика произведения романная (авантюрная прежде всего) почти в чистом виде, а национально-историческая проблематика лишь слабо обозначена.

Дракула Светланы Лыжиной – идеальный герой. Автор эпизодически включает в повествование очерняющие Влада фрагменты из бенедиктинских манускриптов, но неизменно либо оправдывает Влада, либо отрицает сам факт события. Текст избыточно нагружен историографическими ссылками и пояснениями, разрушающими у читателя впечатление от повествования и цельность восприятия. С. Лыжина прекрасно знает историю, но легко игнорирует факты и реалии эпохи. Автор – несуетливый и нерелигиозный человек, бесконечно далёкий от мистического мышления людей прошлого. Тетралогия С. Лыжиной, как и роман Е. Артамоновой, представляет собой женский роман, затрагивающий такие проблемы, как взросление юноши, подростковый эротизм, воспитание детей, психология взросления девушки, построение отношений с чуждыми родственниками в ситуации династического брака, отношения со слугами и так далее. Другими словами, перед читателем женский роман в исторической оболочке. Национально-историческая проблематика выражена несколько в большей степени, чем у Е. Артамоновой, но ведущей остаётся романная проблематика.

Дракула Вука Задунайского распадается на три различных образа. Произведение явно экспериментальное, определить его жанр сложно. Автор показывает, как по-разному можно интерпретировать один и тот же исторический материал. Ведущая проблематика в данном случае философская, а национально-историческая присутствует лишь как предлог для повествования.

Если говорить о бессюжетной литературе о Дракуле, об эссе и исследованиях, то здесь необходимо сказать о Я.С. Лурье, М.П. Одесском и Р. Флореску, причём наибольшее влияние на писателей и филологов оказал, безусловно, Р. Флореску.

Я.С. Лурье, хорошо зная об изуверских казнях в Западной Европе, зная о такой черте Возрождения, как соединение жестокости и юмора, и будучи знакомым с работами Й. Хёйзинги, почему-то сравнивает Дракулу не с Цезарем Борджиа или Торквемадой, а с Иваном Грозным, причём делает это в разных работах и многократно. Причина этого явления понятна – политические взгляды Я.С. Лурье, его западничество, и секуляризм мышления, мешающий видеть цивилизационные различия между западным и восточным христианством. Неприемлемо здесь то, что Я.С. Лурье пытается наделять своим восприятием средневековых русских книжников. Учитывая изложенное, Дракула Я.С. Лурье – тиран и деспот, заведомо отрицательный образ, иначе ему не вписаться в систему взглядов исследователя.

М.П. Одесский – современный автор и профессиональный филолог, работы Й. Хёйзинги, В.Е. Вальденберга, Я.С. Лурье, А.Я. Гуревича, по всей вероятности, должны быть ему известны, но по его текстам этого не заметно – исследователь воспроизводит полный набор заблуждений и стереотипов, связанных с Дракулой: жестокость Дракулы европейцы воспринимали как восточную экзотику, современники считали Дракулу чернокнижником и вампиром, Дракула перешёл в католицизм и прочее. В статьях М.П. Одесского легко угадываются плохо скрытые цитаты из Р. Флореску. Склонность М.П. Одесского видеть в образе Дракулы изуверскую жестокость и «вампиризм», как нам кажется, вызвана отчасти коммерческими причинами – желанием повысить продажи, соответствовать потоку массовой культуры, отчасти некритичным подражанием Р. Флореску.

Р. Флореску является, пожалуй, самым авторитетным источником для русских исследователей и писателей, и не только русских. Это видно по прямым ссылкам на него у филологов М.П. Одесского, Т.А. Михайловой, В.Л. Гопмана, Ф. Морозовой, В.В. Эрлихмана, других исследователей и эссеистов. Русские прозаики подвержены воздействию авторитета Р. Флореску в меньшей степени, но влияние заметно и на них.

Р. Флореску, несомненно, стремится очернить Влада Дракулу, используя для этого фрагменты из немецких политических памфлетов, выдавая их за румынский фольклор и за достоверные исторические сведения без каких-либо обоснований или ссылок на сборники фольклора. Большую часть изуверских казней румынский автор просто выдумал, что соответствует его авторской задаче. Помимо прочего Р. Флореску пытается выдать «Сказание о Дракуле воеводе» за «донесение» русского посла. Уровень познаний румынского автора об истории России настолько низок, что Р. Флореску называет мужем Елены Волошанки её сына

Дмитрия, и этот брак считает результатом перехода Влада в католицизм. Ещё печальнее политическая и коммерческая подоплёка творчества автора.

Книга Р. Флореску не является ни историческим исследованием, ни биографией Влада Дракулы, но представляет собой художественное произведение, рассчитанное на успех у невзыскательного и неподготовленного читателя. Тем не менее фантазии и заблуждения Р. Флореску легко переходят в работы современных русских и англоязычных учёных и писателей.

4. КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ДРАКУЛЕ

4.1. Культурные различия между авторами произведений о Дракуле

С точки зрения имагологии [Иванова] произведения о Дракуле более или менее чётко разделяются на три потока по отношению к образу «чужого»: произведения на румынском, на русском и на английском языках.

В англоязычной литературе образ «чужого» по отношению к Румынии просматривается достаточно ясно, лучше всего это можно проиллюстрировать цитатой из статьи американского литературного критика Р. Роббинз (см. раздел 3.1.) о том, что действие происходит где-то между Грецией, Албанией и Турцией, в месте, вообще-то не существующем на реальной карте Европы, в краю экзотическом, странном и чуждом законов [Роббинз, с. 60].

Такой же была и рецепция английского читателя – именно поэтому Б. Стокер и выбрал для мифологизации Дракулу. Образ «чужого» лежит в основе ряда других персонажей произведений массовой культуры – Ивана Грозного, Григория Распутина, которые в реальности не превосходили в жестокости западноевропейских исторических деятелей, скажем, Генриха VIII или Екатерину Медичи, но были избраны для мифологизации. Нет в своём отечестве не только пророка, но и истинного злодея. Использование образа «чужого» объясняет отсутствие «светлого» (положительного) облика Дракулы и у современных англоязычных писателей. Исключением является, возможно, только К. Хамфрис, создавший положительный образ Дракулы и применивший любопытный приём: К. Хамфрис не пытается отрицать поступки, приписываемые Владу, но создаёт ситуации, в которых эти поступки становятся оправданными и даже единственно возможными. Характерно, что К. Хамфрис признаёт за собой желание соблазнить читателя эротикой и натурализмом, хотя грешит этим не более других авторов [Хамфрис, с. 327].

В русской литературе образ валашского правителя, казалось бы, должен был восприниматься как образ «чужого», но в реальности этого не происходит сегодня и не происходило в прошлом.

В средневековой русской литературе (Ф.В. Курицын, И.С. Пересветов) Валахия, Молдавия – это утопические, антимирные земли (подробнее см. 2.2.6.), где возможно

невозможное в привычном мире, что даёт автору определённую творческую свободу и возможность иносказательно говорить о русской реальности. Но антимир это не «чужое», а зеркало своего мира.

Образ «жестокого, но справедливого» правителя у Ф.В. Курицына в «Сказании о Дракуле воеводе», а также у И.С. Пересветова в «Сказании о Магмете Салтане» и «Большой челобитной», довольно близок к трактовке образа Дракулы более поздними румынскими авторами.

Для большей части современных русских прозаиков (Е. Артамонова, С. Лыжина, другие) Влад Дракула (каким они его видят) – близкий и понятный человек, даже более «свой», чем следовало бы быть человеку прошлого и чужеземцу. На историко-биографическую фабулу легко ложатся размышления о детстве, о взрослении, о замужестве, воспитании детей. Но русские филологи и эссеисты (в отличие от прозаиков) находятся под сильным влиянием румынско-американского историка Р. Флореску и воспроизводят образ «чужого». Даже румынские исследователи, как ни странно, не свободны от образа «чужого», находясь под внешним влиянием. В то же время отдельные русские прозаики настолько живоются в образ «своего», что иногда переходят на позиции румынского патриотизма.

Некоторая «чуждость» русских прозаиков иногда проявляется в отстранённости восприятия Дракулы: в отличие от румынских прозаиков, они не считают нужным во что бы то ни стало оправдывать Дракулу или оправдываться за него, а выстраивают положительный образ героя, не оглядываясь на приписываемые ему преступления, неважно – мнимые или действительные.

С некоторой долей условности, авторов произведений об историческом Владе III Басарабе можно разделить на создающих «светлый» и «тёмный» образ Дракулы, на принимающих и отвергающих героя. В таком ракурсе можно уловить любопытную закономерность: русские прозаики создают, как правило, довольно светлый (положительный) образ Дракулы (Е. Артамонова, С. Лыжина, А. Юрченко, братья Андреевы, К. Бенедиктов, В. Задунайский, З. Фрумоаса), как и румынские (М. Минку, М. Сореску, Г. В. Рогоз, М. Лериан, К. Леу, Д. Тэрчилэ), тогда как англоязычные (за исключением К. Хамфриса) – всегда тёмный. Напротив, русские филологи и эссеисты (Я.С. Лурье, М.П. Одесский, Т.А. Михайлова, В.В. Гопман, Ф. Морозова, В.В. Эрлихман), в отличие от русских писателей, обычно трактуют Дракулу как извращённого изверга и мракобеса.

Это странное, на первый взгляд, обстоятельство объясняется довольно просто. Среди прозаиков и филологов почти нет «дракуловедов» – исследователей или историков со своим собственным взглядом на Дракулу, за исключением разве что Я.С. Лурье и С.С. Лыжиной. Вероятно, поэтому вышеназванные русские филологи с негативным взглядом на Дракулу безоговорочно принимают на веру оценку личности Влада III Басараба румынско-американским историком Р. Флореску. Прямые указания на работы Р. Флореску и Р. МакНелли есть у М.П. Одесского, Т.А. Михайловой, В.Л. Гопмана, Ф. Морозовой, и это влияние легко угадывается в их текстах. Англоязычные авторы последнего времени, такие, как К. Хамфрис, ориентируются на других англоязычных исследователей: Э. Миллер, К. Трептова и других.

Прочитав Т.А. Михайлову: «Что же произошло и чему мы обязаны появлением самого персонажа и текста о нем? Ответ на этот вопрос содержится в трудах исследователей Р. МакНелли и Р. Флореску, которые приоткрыли, казалось бы, занавес и показали публике истинного монстра, стоящего за строками викторианского романа: Влада Дракулу по прозвищу Цепеш, Прокальватель, реального валашского господаря XV в., прославившегося не только борьбой с турками, но и поразительной жестокостью как к врагам, так и к собственным подданным» [Т.А. Михайлова, с. 35]. Ф. Морозова в эссе «Дракула и Стокер: двойной портрет в рамке мифа» прямо указывает: «факты из биографии Влада Цепеша излагаются по книге Флореску и Макнелли» [Морозова 2005, с. 572]. В.Л. Гопман в «Носферату: судьба мифа» [Гопман, с. 551] утверждает: «Дракула был широко известен своей патологической жестокостью ...» – и даёт ссылку на книгу Р. Флореску и Р. МакНелли.

М.П. Одесский помимо Р. Флореску ссылается на М. Казаку [Казаку], который также не благоволил Дракуле и сравнивает его с Н. Чаушеску (Я.С. Лурье сравнивал Дракулу с Иваном Грозным). Здесь, как мы видим, имеют значение политические взгляды авторов и слабое понимание ими культуры Средневековья.

Об особенностях сознания человека Средневековья довольно много писали медиевисты и культурологи. Обычно у средневекового человека выделяют относительно спокойное отношение к жестокости и насилию, повышенную эмоциональность, напряжённость эсхатологических переживаний, веру в магические ритуалы, склонность к мистике и суевериям, внимание к знаменьям и предвестиям, грубость нравов, подростковую доверчивость, склонность к ярким цветам и прочее. Однако историки, занимающиеся

Дракулой, а за ними филологи и прозаики, пишущие о Дракуле, упорно пытаются мерить поступки человека прошлого собственными представлениями о морали и правильном общественном устройстве. Многие исходят из того, что наиболее жестокие, изуверские казни существовали именно в Восточной Европе, хотя практика публичных казней была наиболее широко распространена в Западной Европе (см. в разделе 2.2.2) и продолжалась до середины XX века.

Пожалуй, негативнее других историков к Владу III Басарабу относится Р. Флореску: Дракула у него «извращённый, изворотливый, коварный, аморальный, подозрительный, мстительный, беспощадный» и прочее. Р. Флореску подробно описывает казни Дракулы, свидетельств которым в исторических источниках нет [Флореску 2010, 593]. Выше мы уже писали (см. раздел 3.4.3.) о том, что книги Р. Флореску фактически являются художественными произведениями: биография Влада Дракулы большей частью вымышлена, за подлинные факты выдаются фантазии, за румынский фольклор – немецкие политические памфлеты.

Очевидно, что румынским авторам, историкам и литераторам, мистическое отношение к Владу III Басарабу и Трансильвании не свойственно, при любом отношении к личности Дракулы. Русские исследователи тоже интересуются реальным Дракулой, а прозаики склонны создавать «светлые» образы Дракулы (пусть даже несообразные с точки зрения понимания культуры Средневековья), поскольку образ «чужого» над ними не довлеет.

Однако Р. Флореску не был британцем, почему же его Дракула – исчадие ада? Р. Флореску был румыном, но книгу он писал в Америке и для американского читателя: даже если забыть о политическом заказе (подробнее см. раздел 3.2.), ему хотелось, чтобы книга продавалась так же успешно, как книга Б. Стокера. И дело даже не в самом Р. Флореску, а в том, что именно такой образ Дракулы был востребован англоязычным читателем. Заметим, что более академичный и сдержанный по отношению к Дракуле труд Ш. Андрееску [Андрееску] широкой известностью не пользовался. Таким образом, популярность персонажа массовой культуры оказала влияние на профессиональных исследователей.

4.2. Черты сходства произведений различных по национальной культуре авторов

Одним из признаков существования культурных различий между румынской, русской

и английской литературы является очень небольшое число взаимных переводов исторических романов о Дракуле. Но в то же время необходимо отметить, что близость современных европейских культур проявляется в романах о Дракуле в совпадениях стереотипов, элементов сюжета, что отчасти вызвано секуляризмом восприятия и слабым знанием культуры Средневековья.

Среди наиболее типичных совпадений, которые можно найти практически у каждого автора вне зависимости от языка произведения, следующие:

- мифический переход в католицизм, после чего Влад не мог бы занимать валашский престол;
- династический брак без перехода невесты в православие;
- участие в рыцарских турнирах, что было осуждаемо в православии и не практиковалось;
- упрёки в адрес Иоганна Гутенберга, хотя при жизни Влада на Балканах печатных станков не было, они появились позже и повлияли уже на посмертную репутацию Дракулы.
- использование летоисчисления от Рождества Христова не только авторами, но и персонажами в прямой речи;
- попытка наделить людей прошлого современными представлениями о правильном общественном устройстве, правильной морали, собственными политическими взглядами;
- Дракула непременно исповедуется и ведёт дневники современного вида совершенно нетипичные для эпохи; иногда даже пишет стихи современного вида.
- в произведениях авторов-женщин используются элементы женского романа независимо от языка и культуры;
- присутствие анахронизмов разного рода.

Помимо этого, есть сюжетные совпадения практического плана, скажем, создание отрицательного образа Стефана Великого, который, как более успешный современник, затенял бы образ Влада Дракулы.

4.3. Выводы по главе 4.

Итак, «тёмный» образ Дракулы (извращённого изверга, жестокого деспота, воспринимаемого с позиций современной морали, часто с долей мистицизма) прозаики и эссеисты создают: 1) опираясь на такую же «тёмную», некорректную с точки зрения понимания средневековой культуры, интерпретацию историков; 2) под влиянием образа «другого», «чужого»; 3) желая создать коммерчески успешный образ с элементами мистики, эротики, ужаса; 4) следуя политическому заказу.

«Светлый» же образ создают: 1) стремясь воссоздать образ исторического Влада III Басараба; 2) предлагая авторскую «светлую» интерпретацию образа Дракулы, не всегда корректную в историческом смысле.

Очевидно, что образ Дракулы для английских прозаиков был образом «чужого», именно поэтому произведений об историческом Владе III Басарабе на английском языке почти нет, но есть огромный поток массовой культуры в жанрах мистики, ужасов с участием вампира Дракулы.

Для румынских авторов и румынских читателей Дракула, предсказуемо, был своим, поэтому в XX веке интерес к стокеровскому Дракуле был невысоким, но создавались произведения об историческом Дракуле. Часть румынских авторов находилась под влиянием образа «чужого» Дракулы, но это не привело к появлению настолько большого потока массовой культуры как в английской и русской литературах.

В то же время, для значительной части русских прозаиков и читателей Дракула не является образом «чужого». Следует отметить существование в русскоязычных социальных сетях нескольких групп, посвящённых историческому Дракуле (наряду с многочисленными группами и сайтами, посвящёнными вампиру Дракуле). Представляется, что именно восприятие образа Дракулы как «своего» и привело к созданию ряда исторических романов на русском языке в первой четверти XXI века и, судя по существующему интересу к личности средневекового правителя, можно предположить, что произведения об историческом Владе III Басарабе на русском языке будут продолжать создаваться.

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В результате проведенного диссертационного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Письмо воеводы Дана к венгерскому королю от 2 апреля 1459 года – первое известное нам заведомо вымышленное сочинение о Владиславе III Басарабе, которое легло в основу бенедиктинских манускриптов из монастыря в Ламбахе, и, таким образом, явилось точкой перехода истории о Дракуле в область художественной словесности. Дан нашёл своему родственнику и смертельному врагу соответствие в Священном Писании: Влад стал отражением Навуходоносора в их слитности во вневременном бытии. Основной набор сюжетов из бенедиктинских рукописей вошёл в поэму М. Бехайма, «Констанцскую хронику» и первопечатные книги о Дракуле. Все средневековые сочинения о Владе на немецком языке были политическими памфлетами, в которых факты искажались или интерпретировались превратно для создания отрицательного образа валашского правителя.

Первопечатные «народные книги» о Дракуле (как и печатный станок в регионе) появляются уже после его смерти и реализуют другую лингвопрагматическую стратегию: благодаря мудрости и терпению венгерского короля закоренелый преступник встал на путь истины – публично крестился, принёс великое покаяние и стал творить добрые дела. Некоторое жанровое различие между бенедиктинскими рукописями и «народными книгами» определяется различием аудитории, на которую предполагалось воздействовать, в первом случае – это духовенство и знать, во втором – массовый читатель. Важную роль сыграло появление печатного станка, отчего развлекательность текста (понимая под этим в какой-то мере и описание жестокостей) сохранилась и усилилась.

Проблематика немецких текстов, согласно типологии А.Б. Есина, отчасти романная (авантюрная и идейно-нравственная), отчасти мифологическая, даже с учетом политической подоплёки.

2. «Сказание о Дракуле воеводе» не является биографическим сочинением или хроникой, автор сознательно отделяет своего литературного героя от исторического Влада III Басараба, от Дракулы из немецких политических памфлетов, от Дракулы из разного рода прижизненных слухов и анекдотов. Своеобразие произведения состоит в том, что автор не следует средневековым образцам жизнеописания, повесть лишена «идеализирующего

биографизма», образ Дракулы не соответствует ни одному из привычных образов идеального героя, в ней нет ни «истинного князя», ни «истинного злодея». «Сказание о Дракуле воеводе» – утопия или антиутопия – размышление об образе и роли правителя в эсхатологической перспективе коллективного спасения в благочестивом христианском государстве. Образ Дракулы, жестокого, но справедливого правителя, вероятно, впервые появляется у Ф.В. Курицына, позже его можно найти у А. Бонфини, И.С. Пересветова и в произведениях современных авторов. Отношение Ф.В. Курицына к своему герою намеренно неоднозначно, автор даёт возможность читателю самому разобраться, прийти к собственным умозаключениям. Читателем Курицына является близкий автору по восприятию православный современник, не обязательно русский, для которого очевидны сотериологические аспекты, не всегда доступные сегодняшнему читателю и исследователю. Автор отказался от морализаторства, от возможности выразить отношение к герою в явной форме, что необычно для XV века.

Суждения монахов из «Притчи о двух монахах» идейно предвосхищают дискуссии об идеальном правителе, о роли Государя для коллективного спасения в Ромейском царстве, о мученичестве и тиранстве, о пределах царской власти, развернувшиеся во второй половине XVI века в трудах русских книжников, а также полемику Ивана Грозного и Андрея Курбского.

Ф.В. Курицын прежде всего религиозный и социальный мыслитель, его творчество следует отнести прежде всего к философской проблематике. Присутствуют также романная (авантюрная и идейно-нравственная) и национально-историческая, можно выделить и мифологическую проблематику. Очевидны резкие различия между проблематикой и образом Дракулы в бенедиктинских рукописях и в «Сказании», что подтверждает оригинальный характер русской повести.

3. В произведениях о Дракуле авторов Нового времени, которые можно отнести к художественной прозе (в отличие от массовой культуры в жанре ужасов, эротики, мистики, боевиков, детективов и так далее), почти всегда заметен интерес автора к реальной истории Влада III Басараба, который, между тем, у разных писателей проявляется в различных типах проблематики. Обобщая выводы предшествующих глав, приходим к заключению, что доминирующей проблематикой современных произведений о Дракуле обычно выступает романная (К. Хамфрис, М. Сореску, Г.В. Рогоз, Е. Артамонова, С. Лыжина, другие), причём у

румынских авторов сильнее выражен идейно-нравственный подтип, а у прочих – авантюрный подтип. Национально-историческая проблематика обычно присутствует в той или иной мере (Г.В. Рогоз, М. Сореску, С. Лыжина), но доминирующей (или центральной по А.Б. Есину) она выглядит только у М. Минку. Философская проблематика наблюдается у части авторов (М. Сореску, М. Минку, К. Хамфрис), но доминирующей выглядит только у В. Задунайского. У Е. Артамоновой и С. Лыжиной выделяется социокультурная проблематика, что объединяет их с Г.В. Рогоз. У В. Задунайского помимо философской проблематики, отметим мифологическую, а романная проблематика представлена слабо. Таким образом, можно говорить, что представлены все типы и подтипы проблематики по А.Б. Есину.

4. Произведения о Дракуле современных авторов, с точки зрения имагологии, более или менее чётко разделяются на три потока по отношению к образу «чужого»: тексты на английском, русском и румынском языках.

В англоязычной литературе образ «чужого» просматривается достаточно ясно, именно поэтому Б. Стокер и выбрал для мифологизации Дракулу. Использование образа «чужого» объясняет отсутствие светлого (положительного) образа Дракулы и у современных англоязычных прозаиков. Исключением является К. Хамфрис, применивший любопытный приём – К. Хамфрис не пытается отрицать поступки, приписываемые Владу, но создаёт ситуации, в которой эти поступки становятся оправданными и даже единственно возможными.

В средневековой русской литературе (Ф.В. Курицын, И.С. Пересветов) Валахия, Молдавия – это утопические земли, где всё иначе, не всерьёз, «понарошку», и повествование носит условный, игровой характер. «Мутения» Ф.В. Курицына – это антимир, сказочное царство, где возможно невозможное в привычном мире, что даёт автору определённую творческую свободу и возможность отойти от русской реальности. Однако, антимир – это не «чужое», а лишь логическое отрицание своего мира.

В современной русской литературе образ валашского правителя, казалось бы, должен восприниматься как образ «чужого», однако в реальности этого не происходит. Для большей части современных русских прозаиков Влад Дракула – близкий и понятный человек, даже более «свой», чем следовало быть человеку прошлого; на историко-биографическую канву легко ложатся размышления о детстве, о взрослении, о замужестве, воспитании детей. Некоторые русские прозаики (З. Фрумоаса, С. Лыжина) даже высказывают идеи румынского

патриотизма.

Здесь можно уловить любопытную закономерность: русские прозаики создают, как правило, довольно «светлый» (положительный) образ Дракулы (Е. Артамонова, С. Лыжина, А. Юрченко, братья Андреевы, К. Бенедиктов, В. Задунайский, З. Фрумоаса), так же, как и румынские литераторы (Г.В. Рогоз, М. Сореску, М. Минку), тогда как англоязычные (Дж. Калогридис и др.) – почти всегда отрицательный. Однако русские филологи и эссеисты (Я.С. Лурье, М.П. Одесский, Т.А. Михайлова, В.Л. Гопман, Ф. Морозова, В.В. Эрлихман), в отличие от русских прозаиков, обычно трактуют Дракулу как извращённого изверга и мракобеса.

Это странное, на первый взгляд, обстоятельство объясняется довольно просто. Среди прозаиков и филологов почти нет «дракуловедов» – самостоятельных исследователей или историков со своим собственным взглядом на Дракулу, за исключением Я.С. Лурье и С.С. Лыжиной. А «тёмные» русские филологи находятся под влиянием румынско-американского историка Р. Флореску и некритично воспроизводят образ «чужого» (в отличие от англоязычных авторов последнего времени, таких как К. Хамфрис, ориентирующихся на таких англоязычных исследователей как Э. Миллер и К. Трептов). Даже румынские исследователи (М. Казаку), как ни странно, не свободны от образа «чужого», находясь под внешним влиянием.

Исследователь Р. Флореску писал для американского читателя, откровенно эксплуатируя образ «чужого», как Б. Стокер, и отчасти исполняя политический заказ, как М. Бехайм, поскольку именно такая книга была востребована. В то время как более академичный и сдержанный по отношению к Дракуле труд Ш. Андреску [Андреску] широкой известностью не пользовался. Таким образом, популярность персонажа массовой культуры вампира Дракулы оказывала влияние на творчество профессиональных исследователей и прозаиков.

5. Обобщая вышеизложенное, отметим, что «тёмный» образ Дракулы (извращённого изверга, жестокого деспота, воспринимаемого с позиций современной морали, часто с долей мистицизма) прозаики и эссеисты создают:

1) опираясь на такую же «тёмную», некорректную, с точки зрения понимания средневековой культуры, интерпретацию историков;

2) под влиянием образа «другого», «чужого»;

- 3) желая создать коммерчески успешный образ с элементами мистики, эротики, ужаса;
- 4) исполняя политический заказ.

«Светлый» же, положительный образ создают:

- 1) желая воссоздать образ исторического Влада III Басараба;
- 2) желая предложить свою «светлую» интерпретацию образа Дракулы, не всегда корректную в историческом смысле.

6. Необходимо отметить, что близость современных европейских культур проявляется в романах о Дракуле в виде совпадений в элементах сюжета и бродячих анахронизмах, в попытках наделить персонажей прошлого современными представлениями о правильном общественном устройстве, правильной морали, а также современными политическими взглядами, что вызвано, прежде всего, секуляризмом восприятия и слабым знанием культуры Средневековья.

Историки, занимающиеся биографией Влада III Басараба, а за ними филологи и прозаики, пишущие о Дракуле, нередко игнорируют работы исследователей культуры Средневековья, и упорно пытаются мерить поступки человека прошлого собственными представлениями о добре и зле.

Многие исходят из того, что наиболее жестокие, изуверские казни существовали именно в Восточной Европе, хотя практика публичных казней была наиболее широко распространена в Западной Европе и продолжалась до середины XX века.

Авторский вклад:

– было установлено, что письмо воеводы Дана к венгерскому королю от 2 апреля 1459 года (первое известное нам заведомо вымышленное сочинение о Владиславе III Басарабе) легло в основу анонимных бенедиктинских манускриптов из монастыря в Ламбахе, и, таким образом, явилось точкой перехода истории о Дракуле в область художественной словесности;

– впервые доказательно с исторической, идеологической, культурологической точек зрения была интерпретирована притча о двух монахах из «Сказания о Дракуле воеводе», показано отличие от притчи о двух монахах в рукописях Ламбахского бенедиктинского монастыря;

– впервые указаны параллели между притчей о двух монахах и полемикой Ивана Грозного и Андрея Курбского, Ивана Пересветова и Иосифа Волоцкого;

- с новых позиций были раскрыты художественные особенности и своеобразие «Сказания о Дракуле воеводе» в контексте произведений русской литературы XV века;
- были получены новые результаты в исследовании «Сказания о Дракуле воеводе» благодаря введению в рассмотрение таких документов, как послание Дана III Басараба, «Молдавско-немецкой летописи», «Повести о Брунцвиге» и других;
- были представлены новые материалы, подтверждающие происхождение прозвища Влада Дракулы от ордена Дракона, в частности, употребление в «Повести о Брунцвиге» синтагмы «дракъ змеи»;
- привлечено внимание к необходимости более глубокого понимания особенностей мировоззрения человека прошлого для анализа литературы Средневековья;
- показаны текстуальные и хронологические связи между произведениями румынских, английских, русских авторов, эссеистов и исследователей;
- показаны имагологические особенности, различия и сходства в произведениях об историческом Владе Дракуле принадлежащих румынской, русской, английской (англоязычной) литературным традициям.

Апробация работы:

Тезисы и выводы исследования нашли отражение в 12 статьях (см. Библиография), опубликованных в журналах и сборниках, из которых 4 статьи в молдавских журналах категории В, 5 статей в журналах категории С и 3 статьи в российских изданиях.

В 3 выступлениях на международных конференциях:

«Жестокость и набожность в средневековой литературе». Международная научно-практическая конференция по гуманитарным наукам «Славянские чтения» VIII, 9-10 октября 2014, Славянский университет РМ, Кишинёв, улица Флорилор, 28/1, ответственный П. Катан.

«Жестокие сказки и сообщения средневековых хронистов». Международная научно-практическая конференция по гуманитарным наукам «Славянские чтения» IX, 18-19 сентября 2016, Славянский университет РМ, Кишинёв, улица Флорилор, 28/1, ответственный П. Катан.

«Истоки и суть русского средневекового мессианства». Международная научно-практическая конференция по гуманитарным наукам «Славянские чтения» X, 15-16 ноября 2018, Славянский университет РМ, Кишинёв, улица Флорилор 28/1, ответственный П. Катан.

Материалы исследования использовались:

В докладе В. Головановой «Социально-исторические и художественные аспекты «Сказания о Дракуле воеводе»» [Голованова, сс. 36-44], 17 апреля 2021 в рамках Пятых студенческих научных чтений «АКТУАЛЬНАЯ КЛАССИКА», организованных кафедрой русской классической литературы и славистики Литературного института имени Горького [см. видео Голованова].

В докладе А.И. Михайловой «Ментальные варианты образа Дракулы в поэме Михаэля Бехайма "О злодее, который звался Дракул и был воеводой Валахии" и в "Сказании о Дракуле воеводе" Фёдора Курицына» [Михайлова А.И., сс. 144-147], 21 октября 2022 в рамках VIII Международной научно-практической конференции, Минск, БГУ.

Кроме того, обсуждение основных положений диссертации осуществлялось в работе VI-X научных коллоквиумов докторантуры филологии Бельцкого государственного университета им. Алеку Руссо.

Рекомендации:

Результаты нашего исследования могут быть учтены при подготовке последующих исследованиях о Дракуле, а также лекций, семинаров и спецкурсов по истории русской и зарубежной литературы, по всемирной истории, истории культуры и по компаративистике, а также, учитывая дальнейшее развитие сюжета о Дракуле в новейшей литературе, – в общем курсе истории европейских литератур.

Исследование привлекает внимание к важности изучения особенностей сознания человека прошлого. Именно это обстоятельство делает настоящую работу актуальной в практическом и дидактическом плане, а также с позиции развития диалога культур.

Возможные направления будущих исследований:

- отдельное и более глубокое исследование произведений о Дракуле румынских прозаиков и драматургов 1970-х годов: Георгины Виорики Рогоз, Марина Сореску, Мирчи Лериана, Корнелиу Леу, Дана Тэркилэ;

- отдельный имагологический вопрос: способен ли современный автор создать близкий к реальности образ средневекового человека для современного читателя и каким он может быть.

БИБЛИОГРАФИЯ

- АВЕРИНЦЕВ, Сергей Сергеевич. Автор. В: *Краткая литературная энциклопедия*. М: Советская Энциклопедия, 1978. 970 с.
- Автор и текст: сборник статей. Петербургский сборник, выпуск 2*. СПб: Издательство СПбГУ, 1996. 470 с. ISBN 9785288017162.
- АНДРЕЕВ, Александр, АНДРЕЕВ, Максим. *Хочу в Румынию. Подлинная история Влада Цепеша Дракулы*. М: Алгоритм, 2016. 480 с. ISBN 978-5-906880-72-7.
- АРТАМОНОВА, Елена Вадимовна. *Исповедь Дракулы*. М: Спорт и культура, 2011. 470 с. ISBN 978-5-91775-047-7.
- БАРКОВСКАЯ, Анастасия Павловна. К проблеме философского понимания жестокости. В: *Фундаментальные исследования*. Оренбург: ОГУ, 2015, № 2-7, сс. 1513-1517. ISSN 1812-7339.
- БАРТ, Ролан. *Избранные работы: Семиотика. Поэтика*. М: Прогресс, 1989. 616 с.
- БАХТИН, Михаил Михайлович. *Проблемы поэтики Достоевского*. М: Художественная литература, 1972. 470 с.
- БАХТИН, Михаил Михайлович. *Вопросы литературы и эстетики*. М: Художественная литература, 1975. 502 с.
- БАХТИН, Михаил Михайлович. *Эстетика словесного творчества*. М: Искусство, 1979. 444 с.
- БАХТИН, Михаил Михайлович. *Проблемы творчества Достоевского*. Киев: НЕХТ, 1994. 510 с.
- БАХТИН, Михаил Михайлович. *Собрание сочинений: в 7 томах*. М: Научное издание ИМЛИ, 1997–2012.
- БЕНЕДИКТОВ, Кирилл, БУРНОСОВ, Юрий. *Балканы. Дракула*. М: АСТ, 2014. 288 с. ISBN 978-5-906338-10-5.
- БЕХАЙМ, Михаэль. Дракул-воевода. В: *Брем Стокер. Дракула*. М: Энигма, 2005, ISBN 978-5-94698-038-8, 640 с.
- БЛОК, Александр Александрович. *Собрание сочинений в 9 томах*. М: Гослитиздат, 1962, Том 8, Письма 1898-1921.

- БЛОК, Марк. *Феодальное общество*. М: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 504 с. ISBN 5-8242-0086-6.
- БОЛЬШАКОВА, Алла Юрьевна. Теории автора в современном литературоведении. В: *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. М: Наука, 1998. Том 57, №5, сс. 5-24.
- БОНЕЦКАЯ, Наталья Константиновна. Проблема методологии анализа образа автора. В: *Методология анализа литературного произведения*. М: Наука, 1988. 347 с.
- БУЛАНИН, Дмитрий Михайлович. Поучение Агапита. В: *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. М: Наука, 1987–2004. Выпуск 2 (вторая половина XIV–XVI). Ч 2: Л–Я. 528 с. ISBN 5-02-027979-X. сс. 300-303.
- БУЛЕЙ, Екатерина, Морозова Фотина. *Туман и дракон*. СПб: Написано пером, 2016. 302 с. ISBN 978-5-00071-434-8.
- БУСЛАЕВ, Федор Иванович. Для определения иностранных источников Повести о мутьянском воеводе Дракуле. В: *Летописи русской литературы и древности*. М: 1863, отд. III, сс. 84-86.
- ВАЛЬДЕНБЕРГ, Владимир Евграфович. *Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века*. М: Территория будущего, 2006. 366 с. ISBN 5-91129-021-9.
- ВИНОГРАДОВ, Виктор Владимирович. *О теории художественной речи*. М: Высшая школа, 1971. 238 с.
- ВИНОГРАДОВ, Виктор Владимирович. *О языке художественной прозы: избранные труды*. М: Наука, 1980. 366 с.
- ВОСТОКОВ, Александр Христофорович. *Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума*. СПб: типография императорской Академии Наук, 1842.
- ГАННУШКИН, Пётр Борисович. Сладострастие, жестокость и религия. В: *Избранные труды*. М: Медицина, 1964, сс. 80-94.
- ГАСПАРОВ, Михаил Леонович. Поэтика. В: *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М: Интелвак, 2001. 798 с.
- ГОЛОВАНОВА Вероника. Социально-исторические и художественные аспекты «Сказания о Дракуле воеводе». В: *«АКТУАЛЬНАЯ КЛАССИКА»*. М: Издательство «Литера», Литературный институт им. Горького, 2021, сс. 36-44.

- ГОПМАН, Владимир Львович. Носферату: судьба мифа. В сборнике: *Брем Стокер. Дракула*. М: Энигма, 2005, сс. 547-566. ISBN 978-5-94698-038-8.
- ГРОМОВ, Михаил Николаевич, МИЛЬКОВ Владимир Владимирович. *Идейные течения древнерусской мысли*. СПб: РХГИ, 2001. 960 с.
- ГУРЕВИЧ, Александр Яковлевич. *Категории средневековой культуры*. М: Искусство, 1984. 350 с.
- ГУРЕВИЧ, Александр Яковлевич. Викинги. В: *Словарь средневековой культуры*. М: Росспэн, 2003, 632 с.
- ЕМЕЛЬЯНОВА, Ирина. Смерть как зрелище: Казнь Дамьена. В: *History Illustrated*. М, 2012, №10, сс. 64-79.
- ЕСИН, Андрей Борисович. *Принципы и приёмы анализа литературного произведения*. М: Наука, 2000. 248 с. ISBN 5-02-011311-5.
- ЗАДУНАЙСКИЙ, Вук (Глигич-Золотарёва Милена Валерьевна). Сказание о господре Владе и Ордене Дракона. В: *Балканский венец*. М: Эксмо, 2012. сс. 43-83. ISBN 978-5-699-59056-8.
- ЗЕЛИНСКИЙ, Андрей Николаевич. Конструктивные принципы древнерусского календаря. В: *Контекст–1978: Литературно-теоретические исследования*. М: Наука, 1978. 77 с.
- ИВАНОВА, Анастасия Дмитриевна. О понятийном аппарате современной имагологии. В: *Вестник Вятского ГУ*. Вятка: ВГУ, 2016, №11, сс.74-78. ISSN 2541-7606.
- ИСАКОВ, Алексей Александрович, НЕУПОКОЕВА, Валентина Юрьевна. Философские и социально-политические идеи русских еретиков конца XV века в «Сказании о Дракуле воеводе». В: *Молодой ученый*. Казань: 2015, №2, сс. 639-642. ISSN 2072-0297.
- КАЗАКОВА, Наталья Александровна, ЛУРЬЕ, Яков Соломонович. *Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века*. М-Л: АН СССР, 1955. 544 с.
- КАЗАКУ, Матей. *Дракула*. М: Этерна Палимпсест, 2011. 320 с. ISBN 978-5-180-00195-7.
- КАЛОГРИДИС, Джин. *Дети вампира*. М: Эксмо, 2010. 336 с. ISBN 5-699-18306-2X.
- КАЛОГРИДИС, Джин. *Князь вампиров*. М: Эксмо, 2007. 400 с. ISBN 9785699238637.
- КАЛЬМЕ, Огюстен. *Трактат о Явлениях Ангелов, Демонов и Духов, а также о Привидениях и Вампирах в Венгрии, Моравии, Богемии и Силезии*. М: Саламандра, 2013. 338 с. ISBN 978-5-4481-0945-4.
- КАРАВАШКИН, Андрей Витальевич. Мифы Московской Руси: жизнь и борьба идей в XVI веке. В: *Россия XXI*, М: РГГУ, 1998, №12. 134 с. ISSN 0869-8503.

- КАРАВАШКИН, Андрей Витальевич. *Русская средневековая публицистика*. М: МПГУ, 2001. 390 с.
- КАРАМЗИН, Николай Михайлович. *История государства Российского*. М: Эксмо, 2016, Т7, 1024 с. ISBN 978-5-699-33755-2, 978-5-699-25867-3.
- КАШПЕРСКАЯ, Александра Петровна. *Эволюция языка и жанра в немецких текстах XV века о валашском князе Владе III*. М: МГУ, 2015. 22 с.
- КОНЯВСКАЯ, Елена Леонидовна. *Авторское самосознание древнерусского книжника. (XI – середина XV)*. М: Языки русской культуры, 2000. 199 с. ISBN: 5-7859-0168-4.
- КОРМИЛОВ, Сергей Иванович. Проблема. В: *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М: Интелвак, 2001, 1600 с. ISBN 5-93264-026-X.
- КОСТОВА Элизабет. *Историк*. М: АСТ, 2005. 701 с. ISBN 5-17-031087-0.
- КРАСОВСКИЙ, Вячеслав Евгеньевич, ЛЕДНЕВ, Александр Владимирович. *Литература: справочник*. М: Слово, 1998. 734 с. ISBN 5-900411-45-1.
- КРИСТЕВА, Юлия. Бахтин, слово, диалог и роман. В: *Вестник Московского университета*. М: МГУ, 1995. Сер. 9. Филология. № I. сс. 97-124.
- ЛЕВШУН, Любовь Викторовна. *История восточнославянского книжного слова XI–XVII веков*. Минск: Эконопресс, 2001. 353 с. ISBN 9856479215.
- ЛИХАЧЁВ, Дмитрий Сергеевич. *Человек в культуре древней Руси*. М: Наука, 1970. 180 с.
- ЛУРЬЕ, Яков Соломонович. *Повесть о Дракуле. Исследование и подготовка текстов*. М-Л: Наука, 1964. 212 с.
- ЛУРЬЕ, Яков Соломонович. Ещё раз о Дракуле и макиавеллизме. В: *Русская литература*. Л: Наука, 1968, №1, сс. 142-145.
- ЛУРЬЕ, Яков Соломонович. Комментарии к Сказанию о Дракуле. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 7. СПб: Наука, 1997.
- ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. *Время Дракона*. М: Вече, 2018. 608 с. ISBN 978-5-4484-0261-6.
- ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. *Драконий пир*. М: Вече, 2019а. 480 с. ISBN 978-5-4484-0754-3.
- ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. *Валашский дракон*. М: Вече, 2019б. 448 с. ISBN 978-5-4484-1102-1,

ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. *Принцесса Ильяна*. М: Вече, 2019в. 480 с. ISBN 978-5-4484-1527-2.

ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. Богоугодные дела Дракулы. *Журнал Самиздат*. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

http://samlib.ru/l/lyzhina_s_s/dracula_ziznvzrosl_1456_1462_bogougodnoe.shtml

ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. Вся правда про «казнь после пира» или «кровавую Пасху». *Журнал Самиздат*. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

http://samlib.ru/l/lyzhina_s_s/dracula_ziznvzrosl_1456_1462_kazn.shtml

ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. Дракула на войне. Первый задунайский поход. *Журнал Самиздат*. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

http://samlib.ru/l/lyzhina_s_s/dracula_ziznvzrosl_1456_1462_strateg_02.shtml

ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. О Дракуле и не только. *Журнал Самиздат*. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: http://samlib.ru/l/lyzhina_s_s/

ЛЫЖИНА, Светлана Сергеевна. *Дракула исторический*. [дата обращения – 01.09.2024].

Режим доступа: <https://dzen.ru/dracula>

МАКДОНАЛЬД, Дуайт. Маскульт и мидкульт. В: *Российский ежегодник'90*: Выпуск 2. М: Советская Россия, 1990, сс. 243-275.

МАРИНЬИ, Жан. *Дракула и вампиры*. М: АСТ, 2002. 144 с. ISBN 5-17-011191-6.

МЕДВЕДЕВ, Павел Николаевич. *Формальный метод в литературоведении*. М: Лабиринт, 1993, 205 с. ISBN 5-87604-014-2.

МИХАЙЛОВА, Анна Ивановна. Ментальные варианты образа Дракулы в поэме Михаэля Бехайма «О злодее, который звался Дракул и был воеводой Валахии» и в «Сказании о Дракуле воеводе» Фёдора Курицына». В: *Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире: материалы VIII Международной научно-практической конференции*. Минск: БГУ, 2022. сс.144-147. ISBN 978-985-881-450-2.

МИХАЙЛОВА, Татьяна Андреевна, ОДЕССКИЙ, Михаил Павлович. *Граф Дракула. Опыт описания*. М: ОГИ, 2009. 208 с. ISBN 978-5-94282-523-2.

Молдавско-немецкая летопись. В: *Славяно-молдавские летописи XV–XVI*. М: Наука, 1976. сс. 36-54.

МОМОТОВ, Виктор Викторович. *Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв*. М: ЗЕРЦАЛО-М. 2003. 415 с. ISBN 5-94373-062-1.

- МОРОЗОВА, Фотина. Дракула и Стокер: двойной портрет в рамке мифа. В сборнике: *Брем Стокер. Дракула*. М: Энигма, 2005. 566-590с. ISBN 978-5-94698-038-8.
- МОРОЗОВА, Фотина. Упырь в начале тысячелетия. В: *Darker*, 2012, №11. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: <https://darkermagazine.ru/page/upyr-v-nachale-tysjacheletija>
- ОДЕССКИЙ, Михаил Павлович. Явление вампира. В: *Брем Стокер. Дракула*. М: Энигма, 2005. сс. 7-56. ISBN 978-5-94698-038-8.
- ОДЕССКИЙ, Михаил Павлович. Древнерусское «Сказание о воеводе Дракуле» и комментарии. В: *Михайлова Татьяна Андреевна, Одесский, Михаил Павлович. Граф Дракула. Опыт описания*. М: ОГИ, 2009. сс. 66-92. ISBN 978-5-94282-523-2.
- ОЛШЕВРИ, Барон (Молчанова-Хомзе Екатерина). Вампиры. *Из семейной хроники графов Дракула-Карди*. М: Т8, 2020. 234 с. ISBN: 978-5-517-02489-3.
- ОЩЕПКОВ, Алексей Романович. Имагология. В: *Знание. Понимание. Умение*. М: 2010, № 1, сс. 251-253. ISSN 1998-9873.
- ПАНАИТЕСКУ, Петре. Характерные черты славяно-румынской литературы. В: *Romanoslavia*. Bucuresti: 1963. сс. 267-290.
- ПАНЧЕНКО, Александр Михайлович. *Чешско-русские литературные связи XVII века*. Л: Наука, 1969, 181 с.
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому. В: *Библиотека литературы Древней Руси*, Том 11, СПб: Наука, 2001. 683 с. ISBN 5-02-028407-6.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. Л: Наука, 1979. 432 с.
- ПЕРЕСВЕТОВ, Иван Семёнович. Сказание о Магмет-салтане. В: *Все народы едино суть*. М: Молодая Гвардия, 1987. сс. 626-641.
- ПЕРЛИНА, Нина Моисеевна. Диалог о диалоге: Бахтин-Виноградов (1924–1965). В: *Бахтинология. Исследования, переводы, публикации*. СПб: 1995. сс. 155-170.
- ПЕШКОВ, Игорь Валентинович. Р. Барт и М. Фуко о генезисе категории авторства. В: *Российский гуманитарный журнал*. СПб: Социально-гуманитарное знание, 2017. Том 6. №3, сс. 230-241. ISSN 2305-8420.
- Повесть временных лет. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Т1, СПб: Наука, 1997. сс. 62-316. ISBN 5-02-028308-8.
- Послание на звездочетцев. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Том 9, СПб: Наука, 2000, 566 с. ISBN 5-02-028307-X, 5-02-028387-8.

- Послания Ивана Грозного*. М-Л: АН СССР, 1951. 552 с.
- ПОСПЕЛОВ, Геннадий Николаевич. *Проблемы исторического развития литературы*. М: Просвещение, 1972. 269 с.
- ПОТЕБНЯ, Александр Афанасьевич. *Эстетика и поэтика*. М: Искусство, 1976. 614 с.
- РОББИНЗ Рут. Предисловие. В: *Брэм Стокер. Леди в саване*. М: Эксмо, 2012. сс. 60-69. ISBN 978-5-94698-081-4.
- РОДНЯНСКАЯ, Ирина Бенционовна. Автор. В: *Краткая литературная энциклопедия*. М: Советская Энциклопедия, 1978. сс. 28-34.
- РОЖНОВ, Артемий Анатольевич. Смертная казнь в Московском государстве по Уложению 1649 и законодательству второй половины XVII. В: *Российский юридический журнал*. Екатеринбург: УрГЮА, 2008, №1, сс. 42-59. ISSN 2071-3797.
- Румынские фильмы в советском и румынском кинопрокате* [дата обращения – 01.09.2024].
Режим доступа:
https://www.mediagram.ru/netcat_files/108/110/h_3880ef128a088c671b7c231bcb05ba6f
- РУСАНОВ, Гавриил Андреевич. Поездка в Ясную Поляну 24-25 августа 1883 г. В: *Толстовский ежегодник. 1912*. М: 1912. 306 с.
- САДОВЯНУ, Михаил. *Жизнь Штефана Великого*. Бухарест: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. 225 с.
- СЕДЕЛЬНИКОВ, Александр Дионисьевич. Литературная история повести о Дракуле. В: *Известия по русскому языку и словесности Академии наук*. Том II, кн. 2. Л: АН СССР, 1929, 638 с.
- СИНИЦИНА, Нина Васильевна. *Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI)*. М: Индрик, 1998. 410 с. ISBN 5-85759-076-0.
- Сказание о Дракуле воеводе. В: *Библиотека литературы Древней Руси*. Том 7. СПб: Наука, 1999. сс. 460-472. ISBN 5-02-028361-4.
- ТУПИКОВ, Николай Михайлович. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. СПб: Типография Скороходова, 1903. 857 с.
- Славяно-молдавские летописи XV–XVI*. М: Наука, 1976. 152 с.
- Слово о Законе и Благодати. В: *Библиотека литературы древней Руси*. Том 1, СПб: Наука, 1997. сс. 26-61. ISBN 5-02-028308-8.
- СОБОЛЕВСКИЙ, Алексей Иванович. *Переводная литература Московской Руси XIV–XVII*.

СПб: тип. Императорской АН, 1903. 460 с.

СОЛОВЬЁВ, Сергей Михайлович. *История России с древнейших времен*. кн.1, TI-V. СПб: Общественная польза, 1851-1879.

Сочинения Ивана Семёновича Пересветова. В: *Библиотека литературы Древней Руси*, Том 9, СПб: Наука, 2000. сс. 432-450.

Сочинения преподобнаго Максима Грека, изданныя при Казанской Духовной Академіи. Ч1: Догматико-полемицескія сочиненія. Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1894. 552 с.

СУХИХ Игорь Николаевич. *Структура и смысл: Теория литературы для всех*. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 544 с. ISBN 978-5-389-08000-3.

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Жестокость и набожность в средневековой литературе (на материале «Сказания о Дракуле воеводе» и «Молдо-немецкой летописи»). В: *Славянские чтения*, Кишинёв: СУРМ, 2015, №6, сс. 62-88, 293 с. ISSN 1857– 4580. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

https://ibn.idsi.md/ru/vizualizare_articol/98798

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. *Образ идеального правителя в древнерусской литературе 16 века*. СПбГУ, 2018а. 118 с. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

<https://dspace.spbu.ru/handle/11701/13056>

<https://expert-mik.ru/master/obraz-idealnogo-pravitelya-v-drevnerusskoj-literature-xvi-veka/>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Авторский вымысел в Сказании о Дракуле воеводе. В: *Философский полилог*. СПб: Международный центр изучения русской философии, 2018б, №3, сс. 151-176, 195 с. ISSN 2587-7283. <https://doi.org/10.31119/phlog.2018.3.10> [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

<http://polylogue.jourssa.ru/index.php/polylogue/article/view/20/43>

<http://polylogue.jourssa.ru/index.php/polylogue/article/view/20>

<https://g.eruditor.one/file/2787906/>

https://www.academia.edu/39289617/%D0%90%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%B2%D1%8B%D0%BC%D1%8B%D1%81%D0%B5%D0%B%D0%B2_%D0%A1%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8_%D0%BE_%D0%94%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B5_%D0%B2%D0%BE%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B5

<https://www.twirpx.com/file/2787906/>

<https://cyberleninka.ru/article/n/avtorskiy-vymysel-v-skazanii-o-drakule-voevode>

<https://mejdurecie.md/istorija/zagadka-drakuly-avtorskiy-vymysel-v-skazanii-o-drakule-voevode-chast-pervaja.html>

https://vk.com/wall348818142_20669

<https://podlinnik.org/literaturnyy-resurs/literaturnyy-protsess/avtorskiy-vymysel-v-skazanii-o-drakule-voevode.html>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Истоки и суть русского средневекового мессианства. В: *Славянские чтения*. Кишинёв: СУРМ, 2019, №13, сс. 64-76, 161 с. ISSN 1857– 4580. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/64-76_1.pdf

[http://surm.md/images/2019/12_2019/%D0%A1%D0%A7-13%20\(19\)%202019_%20site.pdf](http://surm.md/images/2019/12_2019/%D0%A1%D0%A7-13%20(19)%202019_%20site.pdf)

<https://g.eruditor.one/file/3274467/>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Послание Федора Курицына к Ефросину Белозерскому. В: *Славянские чтения*, Кишинёв: СУРМ, 2020, №14-15, сс. 253-263, 364 с. ISSN 1857– 4580. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

[http://surm.md/images/2020/10_2020/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D0%A1%D0%A7-2020%2014-15\(20-](http://surm.md/images/2020/10_2020/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D0%A1%D0%A7-2020%2014-15(20-)

[21\)%20%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB_site.pdf](http://surm.md/images/2020/10_2020/%D0%B6%D1%83%D1%80%D0%BD%D0%B0%D0%BB%20%D0%A1%D0%A7-2020%2014-15(20-21)%20%D1%84%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%BB_site.pdf)

https://ibn.idsi.md/ru/vizualizare_articol/117154

https://pureportal.spbu.ru/files/70287064/2020_14_15_20_21_site.pdf

<https://g.eruditor.one/file/3275787/>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Правда Пересветова и прагма Макиавелли. В: *Славянские чтения*. Кишинёв: СУРМ, 2020-2021, №16-17, сс. 156-175, 314 с. ISSN 1857– 4580. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

http://surm.md/images/2021/02_2021/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2_%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_16-17_2020-2021_site.pdf?fbclid=IwAR3s9G6a-

[PTA_wi6fPdUprEkCQy5AzWUrA0hlM0T9G8aZ5RIPMi7Rq_vJIw](http://surm.md/images/2021/02_2021/%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B2_%D1%87%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_16-17_2020-2021_site.pdf?fbclid=IwAR3s9G6a-PTA_wi6fPdUprEkCQy5AzWUrA0hlM0T9G8aZ5RIPMi7Rq_vJIw)

https://ibn.idsi.md/ru/vizualizare_articol/123554

<https://g.eruditor.one/file/3367392/>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Загадка имени Дракулы. В: *Славянские чтения*. Кишинёв:

СУРМ, 2021б, №18, сс. 168-170, 224 с. ISSN 1857– 4580. [дата обращения – 01.09.2024].

Режим доступа:

http://surm.md/images/2021/slavic%20readings%2018_24_2021.pdf

https://ibn.idsi.md/ru/vizualizare_articol/142686

<https://g.eruditor.one/file/3876205/>

<https://mejdurecie.md/istorija/drakula-zagadka-imeni.html>

<https://ru.scribd.com/document/541630083/%D0%A2%D0%B0%D0%BB%D0%BC%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BD-%D0%9E%D0%BB%D0%B5%D0%B3-%D0%97%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0-%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8-%D0%94%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8B>

<https://www.twirpx.com/file/3876205/>

<https://www.twirpx.com/file/3876205/>

<https://www.twirpx.com/file/3876205/>

<https://www.twirpx.com/file/3876205/>

<https://www.twirpx.com/file/3876205/>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Притча о двух монахах в «Сказании о Дракуле воеводе». В: *Идентичность на перекрестке культур: язык, литература, образование*. СПб: Алетейя, 2023а, сс. 41-53, 226 с. ISBN 978-5-00165-634-0. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

<https://g.eruditor.one/file/3943346/>

<https://www.twirpx.com/file/3943346/>

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Авторская позиция и проблематика в романе Марина Минку «Дневник Дракулы». В: *Studia Universitatis Moldaviae*. Кишинёв: СЕР USM, 2023б, №10, сс. 117-120, 149 с. ISSN 1811–2668. [https://doi.org/10.59295/sum10\(180\)2023_14](https://doi.org/10.59295/sum10(180)2023_14) [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

https://ibn.idsi.md/ro/vizualizare_articol/201025

ТАЛМАЗАН, Олег Назарович. Авторская позиция и проблематика в романе Криса Хамфриса «Дракула, последняя исповедь». В: *Studia Universitatis Moldaviae*. Кишинёв: СЕР USM, 2024б, №4, сс. 164-168, 196 с. ISSN 1811–2668.

[https://doi.org/10.59295/sum4\(184\)2024_21](https://doi.org/10.59295/sum4(184)2024_21) [дата обращения – 01.10.2024]. Режим доступа:

https://humanities.studiamsu.md/wp-content/uploads/2024/09/21_Talmazan.pdf

ТАМАРЧЕНКО, Натан Давидович. Система персонажей. В: *Литературоведческие термины: Материалы к словарю*. Коломна: КПИ, 1997. 36с. ISBN 5-9000307-20-4.

ТВОРОГОВ, Олег Викторович. *Литература Древней Руси: Пособие для учителя*. М:

Просвещение, 1981. 128 с.

УЖАНКОВ, Александр Николаевич. *О специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века: Стадии и формации*. М: Языки славянской культуры, 2009. 259 с. ISBN 978-5-9551-0307-5.

УЖАНКОВ, Александр Николаевич. *Историческая поэтика древнерусской словесности. Генезис литературных формаций*. М: Литературный институт, 2011. 510 с. ISBN 978-5-7060-0099-8.

Упырь на Фуриштатской. Забытая вампирская новелла XIX–XX вв. М: Саламандра, 2013, 168 с.

УСПЕНСКИЙ, Борис Андреевич. Антиповедение в культуре Древней Руси. В: *Избранные труды*. Том 1. М: Гнозис, 1994а. 429 с. ISBN 5-7333-0385-9.

УСПЕНСКИЙ, Борис Андреевич. Восприятие истории в Древней Руси. В: *Избранные труды*. Том 1. М: Гнозис, 1994б. 429 с. ISBN 5-7333-0385-9.

ФЛОРЕСКУ, Раду, МАКНЕЛЛИ, Раймонд. В поисках Дракулы. В сборнике: *Брем Стокер. Дракула*. М: Энигма, 2005. сс. 590-629. ISBN 978-5-94698-038-8.

ФЛОРЕСКУ, Раду. Что значит имя. В сборнике: *Брэм Стокер. Леди в саване*. М: Эксмо, 2012, сс. 516-524. ISBN 978-5-94698-081-4.

ФОМА Аквинский. *Сумма теологии*. М: Ника-Центр, 2002. 559 с. ISBN 5-94773-003-0.

ФРУМОАСА, Злата (Синягина Елена Петровна). Возлюбленный брат мой. *hStor*. 2011. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: <https://hstor.ru/stories/vozlyublennyy-brat-moy-creepypasta>

ФУКО, Мишель. Что такое автор? В: *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. М: Магистериум, 1996. сс. 396-443. ISBN 5-85374-006-7.

ХАМФРИС, Крис. *Дракула. Последняя исповедь*. М: Эксмо, 2010. 560 с. ISBN 978-5-699-43804-4.

ХЕЙЗИНГА, Йохан. *Осень Средневековья*. СПб: изд. Ивана Лимбаха, 2011. 768 с. ISBN 978-5-89059-166-1.

ЧЕХОВ, Антон Павлович. *Полное собрание сочинений и писем: В 30 томах*. М: Наука, 1974-1983. Письма. Том 3.

ЧУДАКОВ, Александр Павлович. В.В. Виноградов и теория художественной речи первой трети XX века. В: *Виноградов В.В. О языке художественной прозы*. М: Наука, 1980. 360 с.

- ШМИД Вольф. Бахтин и проблема автора. В: *Narratorium*. М: РГГУ, 2021, выпуск 15. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: <https://narratorium.ru/2018/07/26/278/>
- ЭКО, Умберто. *Имя Розы*. М: Книжная палата, 1989. 496 с. ISBN 5-7000-0614-0.
- ЭРЛИХМАН, Вадим Викторович. *Дракула*. М: Молодая гвардия, 2020. 272 с. ISBN 978-5-235-04245-2.
- ЮЗЕФОВИЧ, Леонид Абрамович. Смерть Дмитрия-внука. В: *Славянские чтения*. Кишинёв: СУРМ, 2020-2021, №16-17, сс. 209-222. ISSN 1857– 4580.
- ЮРЧЕНКО, Александр Андреевич. *Федор Курицын. Повесть о Дракуле*. Киев: Оптимум, 2010, ISBN: 978-966-344-418-5.
- ЮНГ, Карл Густав. Архаичный человек. В: *Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени*. М: Прогресс, 1993, 336 с.
- ЯУСС, Ханс Роберт. История литературы как вызов теории литературы. В: *Современная теория литературы. Антология*. М: Наука, 2004, сс. 192-200. ISBN 5-89349-623-X.
- ANDREESCU, Ștefan. *Vlad Țepeș (Dracula): Între legendă și adevăr istoric*. București: Editura Minerva, 1976. 296 p.
- BAGIU, Lucian Vasile. Death and immortality in "Dracula's Diary": readings through "Corpus Hermeticum", In: *Swedish Journal of Romanian Studies*, Vol.6 No.1 Lund: Lund University, 2023. [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/370800284_Death_and_immortality_in_Dracula%27s_Diary_readings_through_Corpus_Hermeticum
- BALOTĂ, Anton. "An analysis of the Dracula tales". In: *Treptow, Kurt W. (ed.). Dracula: Essays on the Life and Times of Vlad Țepeș*. NY: East European Monographs, Distributed by Columbia University Press, 1991. pp. 153-184. ISBN 978-0-88033-220-0.
- BIGONGIARI, Piero. Redesteptarea la viata a unui erou sado-masochist. In: *Mincu Marin, Jurnalul lui Dracula*. Iasi: Polirom, 2004. 280 p. ISBN 973-681-824-1.
- BOGDAN, Ioan. *Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui*. București: Editura Librăriei Soceco, 1896. 192 p.
- BOGDAN, Ioan. *Documente privitoare la relațiile Țării Românești cu Brașovul, și cu Țara Ungurească în sec. XV și XVI*. Volumul 1 – 1413–1508, București: Institutul de Arte Grafice Carol Gobl, 1905. 502 p.

- BOGDAN, Ioan. *Documentele lui Ștefan cel Mare*. vol 2. București: Atelierele Grafice Socec & Comp., Societate Anonimă, 1913. 612 p.
- BOIA, Lucian. *History and Myth in Romanian Consciousness*. Budapest: Central European UP, 2001. 285 p.
- BOLITINEANU, Dimitrie. *Legende Istorice. Basme*. București: Ed. Ion Creangă, 1989. 163 p. ISBN 973-25-0084-0.
- BUDAI-DELEANU, Ioan. *Țiganiada sau Tabăra țiganilor*. București: Editura Biblioteca Bucureștilor, 2003. 454 p. ISBN 973-8369-08-8.
- CAZACU, Matei. *L'histoire du prince Dracula en Europe centrale et orientale (XVe siècle): Présentation, édition critique, traduction et commentaire*. Genève: Librairie Droz, 1988. 217 p. ISBN 9782600005043.
- CHALCOCONDIL, Laonic. *Expuneri istorice*. București: Editura Academiei, 1958. 355 p.
- DEX (*Dicționarul explicativ al limbii române*). [data обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: <https://dexonline.ro/>.
- EMINESCU, Mihai. *Opere*. București: Editura Grai si suflet – Cultura nationala, 1995. 401 p. ISBN 973-9232-02-7.
- FLORESCU, Radu and McNALLY Raymond T. *In Search of Dracula. The History of Dracula and Vampires*. NY: Houghton Mifflin Company, 1970. 297 p.
- FLORESCU, Radu R. and McNALLY Raymond T. *Dracula: A Biography of Vlad the Impaler, 1431-1476*. NY: Hawthorn Books, Inc., 1973. 239 p.
- FLORESCU, Radu R. and McNALLY Raymond T. *Dracula, Prince of Many Faces: His Life and Times*. Boston: Little, Brown and Company, 1989. 261 p.
- GIURESCU, Constantin C. *Istoria românilor*. vol II, parte întâi. București: Fundația pentru literatura și artă "Regele Carol II", 1937. 425 p.
- GIURESCU, Constantin C. *Viteazul și temutul Vlad Țepeș*. București: Magazin istoric, 1974. pp. 3-12.
- GIVONE, Sergio. Dracula si Faust. In: *Mincu Marin, Jurnalul lui Dracula*. Iasi: Polirom, 2004. 280 p. ISBN 973-681-824-1.
- HARRISON, William. *Description of England*. Washington: Courier Corporation, 1994. 512 p. ISBN 0-486-28275-9.

- HUMPHREYS, Chris. *Vlad: The Last Confession*. London: Orion Books, 2009, 366 p. ISBN:978-1-4091-0330-1.
- ILEA, Anca-Domnica. Prefața. In: *Mincu Marin. Journal de Dracula*. Éditions Xenia, 2018. ISBN: 978-2-88892-217-9. [data обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: http://www.orizonturiculturale.ro/ro_proza_Marin-Mincu.html
- IORGA, Nicolae. *Istoria românilor*. Vol IV. București: Monitorul Oficial și imprimăriile statului imprimăria națională, 1937. 412 p.
- KARADJA, Constantin. Incunabule povestind despre cruzimile lui Vlad Tepes. In: *Inchinare lui Nicolae Iorga cu prilejul împlinirii vârstei de 60 ani*. Cluj: Cartea Românească, 1931.
- KOSTOVA, Elizabeth. *Historian*. NY: Little Brown & Company, 2005. 484 p. ISBN 9780759513853.
- LEAHU, Nicolae. De ce iubim literatura. In: *Metaliteratură*. Chișinău: Institutul de Filologie al AȘM, 2010, anul X, nr. 1-4(23-24), pp. 115-124. ISSN1857–1905.
- LERIAN, Mircea. *Țepeș*. București: Cartea românească, 1973. 329 p.
- LEU, Corneliu. *Plângerea lui Dracula*. București: Cartea românească, 1977. 310 p.
- LIGHT, Duncan. The Status of Vlad Tepes in Communist Romania: A Reassessment. In: *Journal of Dracula Studies*. Liverpool: Hope University, 2007, Vol 9, Article 2. [data обращения – 01.09.2024]. Режим доступа: <https://research.library.kutztown.edu/dracula-studies/vol9/>
- LODGE, David. *After Bakhtin. Essays on Fiction and Criticism*. L-NY: Routledge, 1990. 198 p. ISBN 0-415-05038-3.
- LUPAȘC, Vasile. *Răstignit între cruci sau viața și dupăviața lui Vlad Vodă căruia norodul iau zis Țepeș*. Teil 1: Târgoviște 2009, ISBN 978-6-06-537020-3; Teil 2: Târgoviște 2010, ISBN 978-6-06-537040-1; Teil 3: Târgoviște 2021, ISBN 978-6-06-946044-3.
- MARTIN, Anca-Simina. Romanul Dracula în limba română: ipoteza intermedierei prin traducerea franceză. In: *Transilvania*. Sibiu: Universitatea Lucian Blaga, 2020, #4, pp. 38-42.
- MILLER, Elizabeth. *Dracula: Sense & Nonsense*. L: Desert Island Books, 2000. 208 p. ISBN 978-1-905328-15-4.
- MINCU, Marin. *Jurnalul lui Dracula*: Iasi, Polirom, 2004. 280 p. ISBN 973-681-824-1.
- MUSCHG, Adolf. *Das Licht und der Schlüssel. Erziehungsroman eines Vampirs (suhrkamp taschenbuch)*. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1984. 521 s. ISBN 978-3-518-39329-1.

PANN, Anton. *Povestea vorbii*. București: Editura Litera Internațional, 2002. 314 p. ISBN 9975-74-396-8.

POPESCU, Grigore. *Vlad Țepeș*. București: Editura Științifică, 1964. 49 p.

POPESCU, Grigore. Un "jurnal" textualizant al lui Dracula sau o poveste postmodernă a lui Vlad Țepeș. *Mondo/Texte*. [data обращения – 01.09.2024]. Regim de acces:

<https://www.mondotexte.On.ro/08.10.2021/un-jurnal-textualizant-al-lui-dracula/>

ROGOZ, Georgina Viorica. *Draculesti*. București: Albatros, 1977. 346 p.

Scarpatetti, B.M.v. Die Handschriften der Stiftsbibliothek St. Gallen, Bd. 1: Abt. IV, Codices 547-669. *Hagiographica, Historica, Geographica*, 8.-18. Jahrhundert, Wiesbaden: 2003, ss. 279-281.

SORBUL, Mihail. *Praznicul calicilor, comedie tragica intr-un act*. Craiova: 1911. București: 1916.

SORESCU, Marin. A treia teapa. In: *Teatru*. București: Editura Minerva, 2006. 206 p. ISBN 978-973-21-0755-3.

STOICESCU, Nicolae. *Vlad Țepeș*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1976. 239 p.

STOICESCU, Nicolae. *Vlad Țepeș: Prince of Wallachia*. București: Editura Academiei, 1978. 193 p.

STOICESCU, Nicolae. Vlad Tepeș și Dracula: Intre adevăr și legendă II. *Contemporanul*. 14(4 aprilie) București: 1986. pp. 10-11.

STOKER, Bram. *Dracula*. Traducere de Barbu Cioculescu și Ileana Verzea. București: Editura Univers, 1990. 427 p.

TALMAZAN, Oleg. The image of Dracula in the light of the ideological issues of "The Tale of Dracula the Voievode". In: *Limbaș și context / Speech and Context International Journal of Linguistics, Semiotics and Literary Science*. Volume I (XIII). Bălți: USARB, 2021a, pp.23-39, 91 p.

ISSN 1857-4149. DOI: [https://doi.org/10.62413/lc.2021\(1\).02](https://doi.org/10.62413/lc.2021(1).02) [data обращения – 15.09.2024].

Regim de acces:

https://www.usarb.md/limbaj_context/ap/v25/talmazan.html

<https://zenodo.org/records/10410564>

<https://sciarium.com/file/617840/>

<https://h.twirpx.one/files/science/literature/russian/ancient/?ft=article>

TALMAZAN, Oleg. Imaginea lui Vlad al III-lea Basarab în izvoarele germane din secolele XV-XVI. In: *Dialogica. Revistă de studii culturale și literatură*. Chișinău: CEP USM, 2024a, nr. 1,

pp.19-23, 148 p. ISSN 2587-3695. DOI: <https://doi.org/10.59295/DIA.2024.1.03> [дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

https://dialogica.asm.md/articolePDF/Dialogica_1_2024_Talmazan.pdf

https://ibn.idsi.md/ro/vizualizare_articol/202905

TĂRCHILĂ, Dan. *Trei piese istorice*. București: Editura Eminescu, 1977. 256 p.

TEODORESCU, Cristian. Il Diario di Dracula. In: *Mincu Marian. Jurnalul lui Dracula*. Iasi: Polirom, 2004. 280 p. ISBN 973-681-824-1.

TREPTOW, Kurt. *Vlad III: The Life and Times of the Historical Dracula*. Portland, Oregon: The Center of Romanian Studies, 2000, 296 p. ISBN: 978-973-98392-2-8.

TROW, Meirion James. *Vlad the Impaler: In Search of the Real Dracula*. Stroud, Gloucestershire: Sutton Publishing, 2003. 280 p. ISBN 9780750929653.

URECE, Grigore. *Letopisețul Țării Moldovei*. Chișinău: Litera, 1998, 271 p. ISBN 9975-74-055-3.

VERDERY, Katherine. *National Ideology Under Socialism: Identity and Cultural Politics in Ceaușescu's Romania*. Berkeley: U of California Press, 1991. 406 p.

XENOPOL, Alexandru Dimitrie. *Lupta dintre Dănești și Drăculești*. București: Institutul de Arte Grafice Carol Gobl, 1907.

ZIMMERMANN F., WATTENBACH W. Über den walachischen Woiwoden Wlad IV. In: *Archiv des Vereines für siebenbürgische Landeskunde* N.F. 27: 1896. ss. 331-343.

ВИДЕО

ГОЛОВАНОВА Вероника. Социально-исторические и художественные аспекты «Сказания о Дракуле воеводе», 17 апреля 2021, *Пятые студенческие научные чтения «АКТУАЛЬНАЯ КЛАССИКА»*, Литературный институт им. Горького. М: Издательство «Литера», 2021. сс. 36-44.

<https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47346235>

<https://litinstitut.ru/content/v-studencheskie-nauchnye-cteniya-aktualnaya-klassika-video>

[дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

https://www.youtube.com/watch?v=3oVxVICMTM8&list=PLrG_vt19gXDHnqoNeCcEi0_h4IbNI5XDv&index=3&t=2s

«Господарь Влад», Ромыния-филм, 1979, режиссёр Дору Нэстасе.

[дата обращения – 01.09.2024]. Режим доступа:

<https://www.youtube.com/watch?v=g-HZGGWnMDM&t=365s>

Список 1. Вампирское фэнтези с упоминанием Дракулы русскоязычных авторов

Александрова Наталья. *Клинок князя Дракулы*. М: Эксмо, 2013. 320 с. ISBN: 978-5-699-65524-3. Вампиры, мистика, ужасы, в сюжете присутствует кинжал Дракулы, стилистика тривиальная, ничего общего с реальным Дракулой.

Артамонова Елена. *Готический замок Дракулы*. М: Эксмо, 2010. ISBN: 244с. 978-5-699-40718-7. Вампиры, мистика, ужасы, стилистика тривиальная, ничего общего с реальным Дракулой.

Вайс Лора. *Музей Дракулы*. М: сетевое издание Московский Тацит, 2014. Вампирское фэнтези, Дракула и его сын являются главными героями, место действия – Румыния, но ничего общего с реальным Дракулой, в литературном смысле роман слабый, язык примитивный.

Велимера. *Дракула*. М: сетевое издание – любовный роман, отношения между кошкой-оборотнем и вампиром, подростковая лексика, женская эротика, стилистика тривиальная, ничего общего с реальным Дракулой, слово «дракула» появляется только как синоним «вампира».

Дидан Оксана. *Поединок Дракулы и Дьявола*. Екатеринбург: Издательские решения, 2019. ISBN 978-5-44-968877-4. Псевдоисторическое фэнтези, мистика, ужасы, есть претензия на историчность, но при этом масса исторических несуразностей; в литературном смысле роман слабый.

Емец Дмитрий. *Юный граф Дракула*. М: Емец Д.А., 2014. Детский мистический детектив, с Дракулой связывает только имя.

Качур Екатерина. *Последняя из рода Дракулы*. М: сетевое издание. Фэнтези, вампиры, мистика; с Дракулой связывает только имя и некоторые топонимы, в литературном смысле роман слабый.

Коути, Кэтрин, Гринберг Кэрри. *Длинная серебряная ложка*. М: Алгоритм, 2013. 416 с. ISBN: 978-5-4438-0579-5. Вампирское фэнтези, мистика. Язык аутентичный (не перевод), но уровень художественности соответствует массовой культуре, с точки зрения жюри литературной премии – ниже критики.

Огнева Елизавета. *(Не)счастье стать невестой Дракулы*. М: Самиздат, 2020.

Любовное фэнтези, вампиры, эротика, литературно крайне слабо.

Палёк Олег. *Марго – светлый вампир*. М: Автор, 2012. 220 с. Вампирское фэнтези, боевик, ничего общего с реальным Дракулой, стилистика соответствует жанру.

Писаренко Алёна. *Кольцо князя тьмы. Замок Дракулы*. Екатеринбург: Издательские решения, 2017. 90 с. ISBN 978-5-44-741540-2. Вампирское фэнтези, Дракула упоминается, но роман неисторичный, стилистика соответствует жанру.

Список 2. Оригинальная масскультура на русском языке с упоминанием Дракулы

Александрова Наталья. *Причуды графа Дракулы*. М: Эксмо, 2014. 320 с. ISBN – 978-5-699-76194-4. Иронический авантюрный детектив, стилистика соответствует жанру, ничего общего с реальным Дракулой, словом «дракула» называют одного из уголовных авторитетов.

Булей Екатерина, Морозова Фотина. *Туман и дракон*. СПб: Написано пером, 2016. ISBN 978-5-00071-434-8. Псевдоисторическое фэнтези и вампиры, Влад Дракула попадает в 19 век, его именем воспользовался вампир, стилистика соответствует жанру.

Крючкова Ольга. *Доспехи Дракулы*. М: Вече, 2015. 288 с. ISBN: 978-5-9533-3933-9. Исторический детектив, призрак Дракулы появляется в доме коллекционера доспехов, эпоха – 18 век, присутствует некоторая стилизация языка.

Луганцева Татьяна. *Диета для Дракулы*. Москва: АСТ, 2011. 320 с. ISBN: 978-5-17-072453-6. Иронический авантюрный детектив, стилистика соответствует жанру, ничего общего с реальным Дракулой.

Мартова Людмила. *Зеркало графа Дракулы*. М: Эксмо, 2019. Детектив, предание о большом зеркале, в котором можно исчезнуть, на деле за зеркалом тайный ход, литературно крайне слабо, язык примитивный.

Монастырская Анастасия. *Тёща Дракулы*. М: сетевой роман, псевдоисторическое фэнтези, вампиры, мистика, ужасы, эротика, литературно слабо, угадываются эпизоды из Курицына.

Палев Михаил. *Копьё графа Дракулы*. М: Эксмо, 2010. 320 с. ISBN 978-5-699-43100-7. Детектив, в сюжете присутствует копьё Влада Дракулы.

Список 3. Переводы вампирической литературы с английского

Акоста Марта. *Счастливей час в Каса Дракула*. М: Книжный клуб, 2008, 376 с. ISBN: 978-5-98697-090-5. Любовное вампирское фэнтези, стилистика тривиальная, ничего общего с реальным Дракулой.

Антология «Вампирские архивы: Книга 1 Дети ночи». М: Эксмо, 2011. 1362 с. ISBN: 978-5-699-47142-3.

Антология «Вампирские архивы: Книга 2 Проклятие крови». М: Эксмо, 2012. 1630 с. ISBN: 978-5-699-48110-1.

Антология «Вампиры». СПб: Азбука, 2007. ISBN: 5-91181-197-9. Составитель Стивен Джонс. Оригинальное название «The Mammoth Book of Vampires»/«Большая книга о вампирах», 1992.

Антология «Дракула». СПб: Азбука, 2012. 684 с. ISBN: 5-389-01560-9.

Предисловие. Джонс Стивен

Фаулер Кристофер, «Библиотека Дракулы», сс. 45-59, Дневник гостя Дракулы, изучающего библиотеку Дракулы, каждую ночь его преследуют грёзы - мистика, ужасы, эротика. Библиотека Дракулы раскрывала его суть и позволяла раскрыть суть читателя. Написано хорошо.

Лиготти Томас, «Сердце графа Дракулы», сс. 60-62.

Слейтер Мэнди, «Папина малышка», сс. 63-69, миниатюра, Дракулы нет, есть некий седой вампир и его дочь, мистика, ужасы. Написано хорошо.

Кэмпбелл Рэмси, «Перемена», возможно, сс. 70-74, никак, Дракула только упомянут.

Веллман Мэнли Уэйлд, «С дьяволом не шутят», сс. 71-81, заурядно, Дракула в трансильванском замке уничтожает отряд гитлеровцев.

Килпатрик Нэнси, «Порнорама», сс. 82-87, заурядно, Дракула крадёт киноленту с понравившейся девушкой. Мистика, ужасы, эротика.

Холдер Нэнси, «Помешенный на крови», сс. 88-99, поверхностно, Дракула среди хиппи, наркотики, обман. Мистика, ужасы, эротика.

Ламли Брайан, «Зак Фаланг-Влад Цепеш», сс. 100-105, заурядно. Голливудская съёмочная группа едет в Трансильванию снимать фильм про Дракулу, неожиданно чертовщина оживает и расправляется со всеми. Мистика, ужасы.

Коппер Бэзил, «Когда встречаются два грека», сс. 106-136, написано хорошо, несколько излишне доходчиво. Ласковое и нежное умерщвление доктора медицины парой вампиров, Дракулы нет.

Ньюмен Ким, «Дракула Фрэнсиса Копполы», сс. 137-193, написано обычно, обстановка съёмочной площадки, персонажи списаны с мемуаров Копполы и вампиры, сосуществующие с людьми; повествование ведётся от имени женщины – вампира. Дракула – персонаж сценария фильма.

Кейб Хью Б., «Второе пришествие», сс. 194-210, написано обычно, два автомобильных рейдера сбивают и грабят автомобиль специалиста по вампирам, которого подбирают и иницируют вампиры для мести.

Муни Брайн, «Вымирающие виды», сс. 211-253, рассказ стокеровского Дракулы о переселении в Америку с ремарками и уточнениями Стокера.

Лэннес Роберта, «Депрессия», сс. 254-265, написано хорошо, рассказ о влюблённом и рефлексирующем вампире, посещающем психоаналитика, есть попытка выстроить психологию вампира, но Дракула только имя.

Мортон Лиза, «Дети долгой ночи», сс. 266-292, написано сумбурно – экскурсии в Освенцим, вампир Лиза помогает детективу убить вампира Дракулу.

Ройл Николас, «Мбо», сс. 293-313, написано плохо, Дракула живёт в Африке и использует местных для отлова и высасывания белых туристов.

Макоули Пол, «Худшее место на земле», сс. 314-340, написано тривиально, вампир в ситуации гражданской войны в Африке.

Смит Гай, «Гость Ларри», сс. 341-352, заурядно, граф Дракула только имя.

Эдвардс Иэн, «Многообразие культур», сс. 353-355, заурядно, Дракула имя вампира.

Четвин-Хэйс Рональд, «Рудольф», сс. 353-379, рассказ женщины об инициации о рождении ребёнка вампира, Дракула только имя вампира.

Мастертон Грэм, «Асфальт», сс. 380-385, нападение вампира на юную проститутку, намёки на Дракулу.

Лэмсли Терри, «Волонтёры», сс. 386-404, вампир – немощный старик, двое волонтёров попадают к нему в дом, вампира зовут Дракколо, ничего другого.

Гордон Джон, «Чёрные бусы», сс. 405-414, написано хорошо, девушка вампир выпивает влюблённого юношу.

Лейн Джоэл, «Твой европейский сын», сс. 415-429, написано хорошо, психологический рассказ с участием вампира, Дракулы нет ни в каком качестве.

Стэблфорд Брайан, «Контроль качества», сс. 430-461, написано неплохо, элементы психологии, рассказ с участием вампира, граф Дракула только имя.

Смит Майкл Маршалл, «Дорогая Элисон», сс. 462-470, имитация эмоциональности, Дракулы нет.

Уильямс Конрад, «Кровные линии», сс. 471-494, сюжет сложный, но плохой перевод. Серийный убийца совершает ужасные преступления под влиянием вампира Дракулы (только имя).

Морган Крис, «Душа в оболочке Windows'98», сс. 495-499, вампир это устройство, способное потреблять данные компьютера. Дракулы нет.

Чинн Майк, «Кровь Эдема», сс. 500-515, вампир Дракула желает организовать небольшую ядерную войну между Россией и Украиной, и поработить человечество.

Ходж Брайан, «Последний завет», сс. 516-536, историческое фэнтези, Влад не вампир, а ипостась Дьявола.

Кроутер Питер, «Последний вампир», сс. 537-561, омерзительные ужасы, постапокалипсис, Дракула – имя вампира.

Уилсон Пол, «Господни труды», сс. 562-594, вампиры, поработанные люди, коллаборационисты, мститель. Дракула – только имя вампира.

Флэтчер Джо, «Властелин неуспокоенных», сс. 595-596, слабые стихи.

Вилсон Фрэнсис Пол. *Замок*. М: Эксмо, 2009. 384 с. ISBN: 5-699-37761-9. Псевдоисторическое фэнтези, немецкие войска несут потери от зубов вампиров.

Дэвис Дэвид. *Шерлок Холмс против Дракулы*. СПб: Амфора, 2013. 380 с. ISBN: 5-4357-0053-4. В книгу вошли два детективных романа Дэвиса, Холмс вступает в противоборство с Дракулой и расследует дело о похищении папируса ведущего к «Книге мёртвых».

Лори Роберт. *Оживший Дракула. Рука Дракулы*. Минск: Мока-Имидж, 1992. ISBN: 5-86728-017-9. Криминальный детектив, вампир Дракула присутствует как персонаж.

Манискалко Керри. *Охота на князя Дракулу*. 512 с. М: АСТ, 2019. ISBN: 978-5-17-111693-4. Горе и ужас, преследовавшие Одри Роуз после открытия ею истинной личности Джека Потрошителя, не оставили ей выбора. Она бежит из Лондона и от воспоминаний и отправляется в тёмное сердце Румынии, где находится одна из лучших европейских школ судебной медицины... и еще один печально известный убийца, Влад Цепеш, чья жажда крови стала легендой. Но исполнение мечты всей её жизни оказывается под угрозой – в стенах школы происходят жуткие, странные убийства, и Одри Роуз вновь оказывается в эпицентре событий. И то, что она обнаруживает, приносит в её жизнь лишь ещё больше страхов...

Саберхаген Фред. *Шерлок Холмс и узы крови*. СПб: Петроглиф, 2012. 287 с. ISBN: 978-5-4357-0046-6. Детектив, мистика. Родственники – Холмс и Дракула борются с русским графом Кулаковым.

Симмонс Дэн. *Сироты вечности*. СПб: Азбука, 2019, 1120 с. ISBN 5-389-16577-9. Политическое фэнтези, группа западных учёных и священников после падения режима Чаушеску путешествует в Трансильвании, Дракула только упоминаемое имя.

Шейн Патрик. *Дракула против Гитлера*. 2019. Сетевой перевод. Румынское сопротивление решает оживить Дракулу.

Эссекс Карина. *Влюблённый Дракула*. М: Эксмо, 2013. 109 с. ISBN 978-5-699-65579-3. Любовное фэнтези.

Список 4. Переводы с немецкого

Швайкерт Ульрике, серия книг «Наследники ночи». Сага вампиров, оборотней, людей:

Зов крови. Белгород: Клуб семейного досуга. 2010. 448 с. ISBN: 978-5-9910-1292-8.

Кровная месть. Белгород: Клуб семейного досуга. 2011. 544 с. ISBN: 978-5-9910-15936.

Власть тьмы. Белгород: Клуб семейного досуга. 2011. 544 с. ISBN: 978-5-9910-1811-1.

Пленница Дракулы. Белгород: Клуб семейного досуга, 2012. 512 с. ISBN: 978-5-9910-1991-0.

Смертельная схватка. Белгород: Клуб семейного досуга, 2013. 576 с. ISBN: 978-5-9910-2257-6.

Парящие во тьме. Белгород: Клуб семейного досуга, 2013. 576 с. ISBN: 978-5-9910-2907-0.

Список 5. Эпигоны Стокера

Видулин Роман. *Дракула. Начало.* Сетевая литература. Встреча Брэма Стокера с вампиром Дракулой в конце 19 века, мистика, ужасы, приключения; с историческим Дракулой никаких связей; роман является предысторией романа Стокера, стилистика соответствует жанру.

Комарова Елена, Луценко Юлия. *Адвокат вампира.* М: Маска, 2014. 384 с. ISBN: 9785911469849. Замысел "Адвоката вампира" родился после предположения, что Эрик не умер в финале истории Гастона Леру. Соединив эту сюжетную линию с уже имевшейся задумкой, где главными героями были персонажи Брэма Стокера, авторы получили классический кроссовер. Кроссовер – это своеобразная литературная игра, где, строго говоря, возможно всё и даже больше, поскольку в одной истории могут встретиться персонажи не только из разных книг, но также принадлежащие разным эпохам. Авторы "Адвоката вампира" подошли к вопросу выбора персонажей довольно строго: они "пригласили" тех из них, кто существовал в викторианскую эпоху. Поэтому на страницах нового романа встретились герои "Дракулы", "Шерлока Холмса", "Портрета Дориана Грея" и попытались ужиться друг с другом.

Олшеври Барон (псевдоним, возможно, Екатерины Молчановой-Хомзе). *Вампиры. Из семейной хроники графов Дракула-Карди* (1912). М: Т8, 2020. 234 с. ISBN: 978-5-517-02489-3. Предыстория к роману Стокера.

Переводы с английского:

Галлахер Стивен. *Царствие костей.* М: АСТ, 2010. 416 с. ISBN: 5-17-057110-0. Маленький передвижной театр гастролирует по английской провинции. И всюду, где он побывает, остается кровавый след – чудовищно изуродованные тела. Полиция уверена: это дело рук управляющего театром Тома Сэйерса, бывшего боксера. На него указывают все

улики. Однако Том невиновен. И единственное, что он может сделать, чтобы доказать свою непричастность к преступлениям, – совершить дерзкий побег из-под ареста и найти настоящего убийцу. Так начинается это расследование. Расследование, которое продлится десять лет. И единственный, кто может помочь Сэйерсу раскрыть истину, – его друг Брэм Стокер, автор легендарного романа «Дракула».

Джеймс Сири. *Дракула, любовь моя*. М-СПб: Эксмо, Домино, 2011. 94 с. ISBN: 978-5-699-52814-1. Любовный вампирский роман, есть связь с Брэмом Стокером, перевод качественный, стилистика соответствует жанру.

Калогридис Джин. *Договор с вампиром*. М: Эксмо, 2006. ISBN: 5-699-17937-2. Псевдоисторическое фэнтези, ужасы, мистика, в литературном смысле слабо, лексика примитивная.

Калогридис Джин. *Дети вампира*. М: Эксмо, 2010. ISBN: 5-699-18306-2X. Псевдоисторическое фэнтези, ужасы, мистика, в литературном смысле слабо, лексика примитивная.

Калогридис Джин. *Князь Вампиров*. М., Эксмо, 2007. ISBN: 9785699238637. Псевдоисторическое фэнтези, ужасы, мистика, в литературном смысле слабо, лексика примитивная.

Корелли Мария. *Вампир – граф Дракула*. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1993. ISBN: 5-7415-0421-3. Произведение конца 19 века, вампиры, ужасы, мистика, в литературном смысле посредственно.

Костова Элизабет. *Историк* (The Historian). М: АСТ, 2005. 701 с. ISBN: 5-17-031087-0. Одновременно готический роман, приключенческий роман, детектив, роман-путешествие, постмодернистский исторический роман, эпистолярный роман, триллер. У Костовой было намерение написать серьёзное литературное произведение, она видела себя в качестве наследницы викторианского стиля. Если сравнивать роман Костовой с «Дракулой» Брэма Стокера, то «Историка» нельзя назвать в полном смысле слова романом ужасов. Костова объясняет, что «Дракула — метафора зла, которую очень трудно отменить в истории». Одной из главных тем романа стало зло, принесённое религиозными конфликтами, роман исследует отношения между христианским Западом и исламским Востоком.

Матесон Ричард. *Кровный сын*. В: *Корабль смерти*. М: Эксмо, 2011, 1120с. ISBN: 978-5-699-43148-9. Вампирский рассказ, Дракула стокеровский.

Ньюман Ким. *Эра Дракулы*. СПб: Фантастика, 2013. 544 с. ISBN: 5-91878-092-3. Дракула стокеровский и детективный.

Рейвен Ники. *Дракула*. М: АСТ, 2010. 96 с. ISBN: 9785170666577. Пересказ романа Брэма Стокера.

Риз Джеймс. *Досье Дракулы*. М: Эксмо, 2010. 400 с. ISBN: 978-5-699-39616-0. Брэм Стокер занимается расследованиями убийств Джека Потрошителя.

Стокер Дейкр, Холт Йен. *Дракула бессмертен*. М: АСТ, 2011, 416 с. ISBN: 978-5-17-063622-8. Продолжение стокеровского Дракулы.

Список 6. Псевдоисторическое фэнтези

Андреев Александр, Андреев Максим. *Хочу в Румынию. Подлинная история Влада Цепеша Дракулы*. М: Алгоритм, 2016. 480 с. ISBN 978-5-906880-72-7. Вольное и дилетантское, но исключительно подробное и детальное изложение истории и предыстории Дракулы и псевдоисторический роман, содержащий текст якобы 15 века, претендующий на историчность и детальность биографии Дракулы. Текст малохудожественный, перегруженный историческими фактами и деталями, изобилует анахронизмами, историческими несуразностями, выдаёт полное незнание румынского языка и реалий. Автор благожелателен к Дракуле.

Бенедиктов Кирилл, Бурносков Юрий. *Балканы. Дракула*. М: АСТ, 2014, 288 с. ISBN: 978-5-906338-10-5. Историческое фэнтези, жизнь Влада Дракула от детства, фрагменты убийства Чаушеску, немецкого концлагеря, отречения Папы Бенедикта XVI. Автор показывает Дракулу жестоким, но по-своему справедливым и рациональным.

Девятьярова, Инна. *Драконово пророчество*. СПб: Северо-Запад, 2024. Женский роман о Дракуле.

Фрумоаса Злата. *Возлюбленный брат мой*. В: *Они существуют*. М: Дракула Систерс, 2014. ISBN: 978-973-0-17195-2. Псевдоисторическое фэнтези о Дракуле, вампиры, мистика, есть знание истории, апология Дракулы. Идея объединения Румынии.

Юденич, Марина, *Welcome to Трансильвания*. М: АСТ, 2002. 458 с. ISBN 5-17-016-277-4. Детектив, Дракула присутствует в сюжете, язык современный, претензия на модернизм и историчность.

Декларация об ответственности

Нижеподписавшийся, заявляю под личную ответственность, что материалы, представленные в докторской диссертации, являются результатом личных научных исследований и разработок. Осознаю, что в противном случае, буду нести ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Талмазан Олег

20.09.2024

Личные данные

ТАЛМАЗАН ОЛЕГ

ул. Флорилор 10, к. 27, Кишинёв, MD-2068, Республика Молдова

+ 373 69106630

luja@mail.ru

Дата рождения 09.05.1963

Профессиональный опыт

Период	2004
Должностные обязанности или занимаемый пост	Литературный редактор журнала „Лужа”, регистрационный № 1004600031449 от 23.04.2004.
Род деятельности и обязанности	Управленческая и творческая деятельность.
Название и адрес работодателя	Revista „Лужа”, ул. Kiev 16/3, к.10, Кишинёв, MD-2068, Республика Молдова.
Период	2004 – 2009
Должностные обязанности или занимаемый пост	Журналист и член редколлегии в газете „Аргументы и факты в Молдове”, литературный редактор страницы “Толстый журнал”.
Род деятельности и обязанности	Творческая деятельность.
Название и адрес работодателя	ул.Армянская 55, к. 101, Кишинёв, MD-2012, Республика Молдова, www.aif.md
Период	2006– 2009
Должностные обязанности или занимаемый пост	Журналист в журнале „Public”, ISSN 1857-1700, регистрационный № 2618 от 15.07.2004.
Род деятельности и обязанности	Творческая деятельность.
Название и адрес работодателя	Brodsky Publishing SA, буль. Штефан чел Маре, 65, of. 406, Кишинёв, MD-2004, Республика Молдова, http://www.public.md/
Период	2009 – 2013
Должностные обязанности или занимаемый пост	Координатор литературного фонда и литературной премии „Белый Арап”.
Род деятельности и обязанности	Управленческая и творческая деятельность.
Название и адрес работодателя	Fundația literară „Narap Alb” № 4117, ул. Флорилор 10, Кишинёв, MD-2068, Республика Молдова.

Образование и обучение

Период	2020 – 2024: Докторантура - Universitatea de Stat ”Alec Russo” din Bălți
Квалификация/ полученный диплом	2016 – 2018: Высшее образование - Санкт-Петербургский Государственный университет (СПбГУ), Магистр филологии/ русский язык и литература, Диплом ОМА № 06062; Славянский университет РМ, Магистр гуманитарных

	наук/ язык в гуманитарном пространстве, Диплом МР № 000007139
	2013 – 2016: Высшее образование - Славянский университет РМ, Лицензиат гуманитарных наук/ русский язык и литература, Диплом АЛП № 000158876
	2013 – Бакалавр, Диплом АВ № 000207445
	1970 – 1980 – Средняя школа №8 Кишинёва,
Курсы и стажировки (выборочно)	1980 – 1986 – Кишинёвский государственный университет, Математика и кибернетика/ прикладная математика.
Академические компетенции (выборочно)	Старославянский язык (лицензиат) История мировой литературы (лицензиат) Средневековая русская литература (магистратура) История русской философии (магистратура) Концепции современной литературной теории (магистратура) Основы компаративистики (магистратура) Методология исследований (докторантура)
Личные навыки и компетенции	
Родной язык	Русский язык
Другие языки	Румынский язык в пределах программы университета. Английский язык в пределах программы университета. Немецкий язык в пределах школьной программы. Церковнославянский язык в пределах программы университета.
Дополнительная информация	
Ассоциации	2009 – член Ассоциации русских писателей РМ 2010 – член Ассоциации русскоязычных журналистов РМ 2016 – член Союза писателей РМ (USM)
Премии	Победитель международного конкурса „Литературная Вена” (Австрия) в номинации „проза” за 2012 год. Премия Ассоциации русскоязычных журналистов РМ лучшему журналисту 2012 года. Дипломант международного конкурса „Музыка перевода” РФ за 2012 год.